

A close-up photograph of a golden statue, likely a woman, with her hand resting on her chest. The statue is highly detailed, showing the texture of the gold and the contours of the face and neck. The background is a plain, light color.

ИЛЬЯ БУКРЕЕВ

ДВОЙНИК

Оглавление

1.....	2
2.....	5
3.....	9
4.....	14
5.....	23
6.....	29
7.....	37
8.....	42
9.....	47
10.....	49
11.....	54
12.....	59
13.....	67
14.....	73
15.....	79
16.....	86
17.....	91

Опустив взгляд с блеклой зари, Валька Вол было качнулся под колеса маршрутки, однако, люди, из страха не влезть в забитый по утрам салон, разом сдавили и вытеснили вглубь остановки. Схватка плечами вытрясла из головы ноябрьскую меланхолию. Тормозя, маршрутка щедро обдала слякотью джинсы и шерстяные юбки победителей. Вол пробубнил рефлекторную брань и отдался потоку из пенсионерок, студентов и работниц колл-центров. Зажатый локтями, рюкзаками школьников и задницами, словно двадцать первая сигарета в пачке, Вол ревниво наблюдал как дюжины носов вытягивали из салона остаток кислорода. Его местью стал пламенный перегар. В давке Вол едва не проглядел нужную улицу и просипел водителю: «Остановочку!».словно переступая порог райских врат, Вол вылез на свежий воздух и тут же набрал полный ботинок в луже. Дальнейший путь пролегал мимо зассанных фасадов, сплошь изрисованных баллончиком. Облупленные панельки стыдливо терпели разруху снаружи и нищету внутри. Здесь прошла Воловья жизнь. Чумазные иномарки, норовили обрызгать прохожих. Вол не отскакивал, а ежился.

По чести говоря, Вол не поднялся бы с кровати, не сойдишь два обстоятельства. Во-первых, пендель, который он почувствовал прежде, чем услышал протяжную ругань Клавдии, в замужестве Волшебной. И видит бог, он сунул бы голову под одеяло и выждал, пока жена уgomонится, но всплыло обстоятельство – настал день полочки, и злато возобладало над тяготой плоти. Лежа на спине, Вол спустил ногу на пол, но отлежанная во время пьяного забытья, та подкосилась, и, ударив больно коленку, Вол шлепнулся на затертый палас. Оказавшись лицом в пушистых помпонах, что были на тапках жены, Вол разглядел меж пухлых икр, как в комнату влетела теща с молитвенником наперевес, угадав за стеной начало свары. Теща не могла лишиться себя удовольствия постоять над распластанным зятком. Вол подскочил, но резкое усилие помutilо голову, а от причитания двух женских глоток он инстинктивно попятился в укрытие. Прикрывая дряблoе пузо, Вол щурился и мотал головой в надежде на случайный стакан с водой, однако, тут его пятка повстречалась с клубком шерстяных ниток и, перевалившись через подлокотник кресла, Вол снова оказался на полу.

- Да что вам надо, черт вас дерит? - жалобно проскулил он.

Мало того, Вол умудрился запутаться в пряже, свалившейся с кресла. Клавдия потянулась забрать, но Вол воспринял жест за нападение и начал отбиваться. Когда вязание, наконец, удалось отнять, оно оказалось напрочь загубленным.

- Сколько еще мне... - сквозь стиснутые зубы прошипела Клавдия.

По ее щекам прокатились две большие капли. Взглянув на испорченное рукоделие, Клавдия швырнула его в лицо мужа и убежала на кухню.

Вол облегченно вздохнул вослед отведенной беде и с трудом поднялся. Однако, теща по-прежнему потрясала молитвенником посреди комнаты, взирая безмолвно и угрюмо. Здраво прикинув, что швырять священную книгу она не осмелится, Вол решительно подтянул семейники и недовольно протянул:

- Чего вы мне житья-то не даете с самого утра?

Теща шустро просеменила к нему и едва удержалась, чтобы не треснуть твердым переплетом по лысоватому Воловьему лбу.

- Зачем, свинота, опять пропил Клавкины деньги? - сказала теща злобно, но тихо, почти шепча.

- Раз она моя жена, то и деньги общие.

- Ах, ты, козлина! - так же тихо, но не менее эмоционально ругалась теща. - Да ты за годы, что она копит, ни рубля не положил.

- С полочки... - начал было Вол, но понял, что сказанул опрометчиво.

Теща на мгновение едва заметно прищурилась.

- С хренучки! - сказала она и перекрестилась: - Доколе, господи...

Смекнув, что женщины разрядились, Вол шустро оделся и прошмыгнул мимо тещи в коридор. Накинув куртку на плечи, он вернулся в комнату и извлек из шкафа первую попавшуюся вязанную шапку и натянул до самых бровей.

- Куда! - буркнула теща, попытавшись стянуть шапку. - Это на продажу!

- Чужим вяжет, - прокряхтел Вол, отстранив старуху, - а законный муж голый должен ходить?
- А где твоя?
- Черти ее знают, - ответил Вол, похлопав карманам.
- Тебе вяжи добрую вещь... Либо порвешь, либо похеришь! - сказала теща, и увидев в коридоре дочь: - Скажи ты ему!
Клавдия философски отмахнулась и сказала мужу:
- Куда на работу не евши? Иди за стол, я тебе положила.
Сунув сигарету между губ, Вол изобразил обиду.
- Ничего мне от вас больше не надо! - говорил Вол, а кончик сигареты мотался вверх-вниз.
Перед хлопком двери, чем Вол твердо вознамерился завершить утреннюю перебранку, он бросил:
- Как вы можете так жить? Мелочные... Такую бучу заварили! И из-за чего? Как псы живем... – и испытывая накатившее презрение, отшатнулся от двери.

Вспомнив пробуждение, Вол закурил с досады и, обогнув угол дома, заметил коллег в рыжих жилетах с надписью «ДРСУ-2». А собрались рабочие в столь ранний час оттого, что на улице Сиреновой на пороге зимы нежданно решили латать дорожную яму. Первым делом водрузили билборд с подсветкой, который возвестил о принципиальном решении мэра насчет ремонта. Дня через три на дорогу бросили пирамидку из арматуры, скрученную полосатым скотчем, со знаком «Кирпич». Неделю спустя раздолбили асфальт вокруг ямы. Но вот незадача, в ночь на понедельник, не согласовав с районной управой, небеса разрешились ливнем, который наполнил яму до краев.

Ступив на дорожное полотно, Вол преобразился. Еще мгновение назад он ощущал себя заурядным, но едва носок его рваного ботинка коснулся асфальта, Вол оказался на работе с исключительной привилегией разгуливать по дороге, нагло вглядываться в ветровые стекла дорогих машин и грозить: “Чего вылупился? Ну, давай, ответь! Да мы эту полосу месяц ремонтировать будем! Не веришь? Да я сейчас вторую перегороджу, так ты из этой пробки напрямик в дом престарелых поедешь!”

У ямы Вол пожал руки рабочим: плешивому Петру Ивановичу, за пенсионный возраст прозванного Дедом, шамкающему Витьке Орлову, пристрастие к газированной коле лишило его половины зубов, затем поздоровался с молодежью — Вадиком Котовым и Мишкой (фамилии никто не знал, студентик на подработку), последним протянул руку Ойбек, парнишка узбек. Вол, втянув шею в воротник, присоединился к озадаченному созерцанию лужи. Единодушно не сговариваясь, рабочие “обкурили” проблему, поплеывая в серовато-коричневую гладь, которая занялась рябью на ветру. Потом все шестеро присели на обочину и решили дожидаться бригадира, а Ойбека послали за баклажкой пива, ибо намерен Вол не единственный предавался разгону.

К обеду приехал восьмидесятый Крузер и, с облечением подпрыгнув на рессорах, изверг упитанного армянина во всепогодной кожаной куртке, не сходящейся на брюхе. Армянин подошел к рабочим, испускавшим зловонные клубы дыма от грошовых сигарет, и спрятав грузный крест за шиворот недоуменно спросил:

- А хули сидим?

Неизменно говоривший чисто на великорусском наречии, Армен Ашотович на последнем слоге съехал в восточный перелив, давая понять, что закипает. Искренне не разумея, почему бригадир не замечает очевидного, все шестеро указали на заводь, исторгая наполненные фатализмом вздохи. Растопырив ноздри, Армен Ашотович закурил и, вкрапляя прилагательные в мат, посетовал на невозможность в наше время подобрать добрый персонал. Прохожие одобрительно кивали. Ворча на прилюдный и очевидно несправедливый поклеп, рабочие побрели за лопатами. Пришлось черпать жижу и сливать вниз по уклону дороги, где грязь растекалась венами и после разносилась шинами на километр. Не успели дорожники разогреться, как некогда почитаемая за бездонный океан яма опустела, и удивленные столь быстрому разрешению полудневной проблемы мужики озадаченно чесали затылки и курили.

Тем временем распогодилось. Приехал самосвал и сыпал гору асфальтовой крошки. От нее расходился тяжелый запах гари. Похватав лопаты, рабочие молча понемногу заполняли яму. Жар душил Вола

до круженья головы, кожа покрылась слоем пота, а пламя в животе, лишь недавно успокоенное опохмелом, разгорелось с новой силой и подступало вверх, превращая язык в изюм внутри провонявшей от табака пасти. Мышцы словно обратились в сало, Вол врезался в кучу, тяжело наваливаясь на черенок животом. Десятый, двадцатый, тридцатый подход, а постылая куча не убавлялась. Вол истерично тарасился на остальных рабочих, они двигались монотонно настойчиво словно муравьи, которые не имеют представления о том, что бывает усталость. «Еще три лопаты и конец, лягу и тихо подохну», - думал Вол, но понимал, что организм едва ли окажет такое милосердие. Прильнуть к соседней луже вскоре показалось достойной темой для внутреннего дискурса.

«Сколько еще это выносить?» - подумал Вол и взглянул на экран телефона. «Боже, только два часа!»

Над пивной в пятиэтажке напротив алыми буквами горела вывеска «Мы открылись!». С сосредоточенными лицами посетители, восходя по лестнице, открывали двери пивной, а после успокоенные, словно бы помочились после долгой нужды, мужики неспешно спускались отягощенные раздутыми полторашками янтарного напитка. Как ни подмывало Вола смыться в пивную, где вся его муторная невыносимая тягота могла улетучиться от первых живительных глотков, ему никак не получалось даже попытаться. Перестукивая перстнями по двери самосвала, Армен Ашотович болтал с водителем, наблюдая за подопечными из-под мясистых мочалок бровей.

И все же гора асфальта, как прежде заводь, повинуюсь человеческому упорству, заметно уменьшилась. Трудовая ярость рабочих понемногу сменялась усталостью, и поматериваясь от натуги, они принялись заглядываться на каток, особенно на его мягкое сидение. Никому не хотелось до вечера дружить с лопатой. Вола же каток волновал больше остальных. «Разве они не видят, как мне хреново? Хоть бы одна падла предложила отдохнуть» - подумал он, отводя взгляд от катка, повинуюсь игре, в которой тому не видать заветного сидения, кто обнаружит большее желание туда примоститься. Вадим Котов отставил лопату и закурил. Вол не стал ждать другого сигнала. Достав пачку сигарет и вытянув одну, он похлопал себя по карманам и скривил досадливую мину. Не теряя времени, он подошел к бригадиру. Зажав губами сигарету, чтобы не обнаружить сногшибательного амбре пред начальством, Вол изобразил пальцами зажигалку. Армен Ашотович дал прикурить и испытующе взгляделся в очи Вола. Тушуясь, Вол обернулся и, к досаде, увидел, что Вадим, не вынимая сигаретки, продолжил работать. Отступить было поздно. Затянувшись поглубже, Вол кинул фразу, как бы между делом:

- Пора бы начать закатывать с того края, - указав место огоньком сигареты.

- Ага, - с хмылкой ответил Армен Ашотович. - Пускай Вадик садится.

- Армен Шотыч, - Вол был застигнут врасплох столь однозначным и неблагоприятным поворотом, - вы его постоянно сажаете. Может, я в сегодня? Вы ж знаете, я на катке умею, косяка не упорю.

- Вадик будет. Гляди, он работает и остальные тоже, пока ты сачкуешь.

Вол пытался возразить, но бригадир опустил бровь, и карее око под ней не давало надежды.

Обратно Вол шел неохотно, словно кто-то тянул сзади. Рабочие продолжали трудиться, и вроде бы внешне оставались безразличными, но Вол замечал их ехидные переглядки. Вернувшись к остальным, Вол швырнул пару раз горстей, затем натужно выдохнув оперся на черенок и крикнул:

- Котов, слышь, Котов! Вадик! - рабочие остановились. Превозмогая дурноту, Вол продолжил: - Я переговорил с шефом, пора бы начать закатку. В общем, Вадик, иди за баранку. Я договорился за тебя.

Вол наивно ожидал благодарности. Ойбек прыснул первым, но скромность мигом вернула сдержанность, и парнишка вернулся к работе. Чего не скажешь о других.

- Глядь, какой заботливый! - хохотнул Дед.

В душе подготовившийся к волне упреков, Вол искал уверенную позу, но его рука соскочила с лопаты, и пока он ловил черенок, сам едва на шлепнулся.

- Ты, рожа, просился на каток, да был на хрен послан! - резво воскликнул Витька Орлов.

- Будешь до ночи лопатой махать!

Эти и прочим подколкам не было числа. Вол решил восстановить честное имя упорной работой, поэтому промокнув вспотевшую шею он начал усердно махать лопатой.

- Сморите, второе дыхание у мужика открылось! - выкрикнул Витька Котов с катка.

- Вол, ты, в натуре, Вол! – ввернул Армен Ашотович.

Находя подмогу лишь в Ойбеке, который сторонился болтовни и настойчиво выполнял функцию словно вписанную в разум – поднял, унес, высыпал, вернулся и далее по кругу, Вол буркнул:

- Пашем, пашем, а армян стоит и наблюдает. «Работайте мол негры, солнце еще высоко!» Нет чтобы организовать по уму: сегодня, скажем, ты, Ойбек, на каток, завтра – Вадик, потом, например, я и так по очереди. Понимаешь, чтобы по справедливости. Так нет, этим чуркам наплевать, как русские корячиться будут.

- Кому ты жалуешься? Он ведь узбек! – гоготнув сказал работавший неподалеку Мишка.

- Ой, да ему здесь сказка! Тыщу здесь заработал, потом пять лет в своём Бадахшане как султан жить будет, – заключил Вол.

Ойбек уголком рта ухмыльнулся и буркнул нечто на своем языке.

- Что говоришь? – спросил Вол.

- Иди на хер! – гоготнув сказал стоявший рядом Орлов.

- Уже на ихнем разумеешь? – парировал Вол.

- Чай не ты, дуралей.

Последовавшая перепалка матерными прибаутками скрасила остаток асфальтовой горы.

Потемки спустились по-осеннему рано. К общему негодованию в конце смены Армен Ашотович велел рабочим ждать другого самосвала, оттого что не хватило материала замостить яму целиком. Мужики ворчали, но не расходились, ждали расчета за месяц. Едва бригадир уехал, собрали на пиво - толком не набралось даже на литр, а Ойбек покупать вторую отказался, тем более, сам он отродясь не пил. Поэтому так и сидели на бордюре – усталые, тревожась, что останутся сегодня без денег, дубея без тепла солнца от пронизывающего ветра. Никакого самосвала не приехало. Бригадир вернулся часам к десяти. По какой-то неведомой причине никто из работяг не спросил о зарплате, словно благородство претило интересоваться деньгами и тем более просить их. Пришлось битый час водить хороводы вокруг джипа Армена Ашотовича, изображая неподдельный интерес к обивке салона, к состоянию сальников и масляного фильтра, и при том советовать хороший автосервис или почтительно кивать, после басен о том, как бригадирский джип уделал очередной спортивный седан. Среди товарищей Вол крутил в кармане зажигалку, на мгновение поджигая, и с презрением глядел на остальных, наслаждаясь мыслью, что ему-то на самом деле плевать на бригадирский сарай на колесах.

2

С наличными в карманах рабочие наконец-то ощутили себя причастными к жизни. Шли в пивную гурьбой. Тягота днем казалась нескончаемой, теперь мигом забылась. Походка была подпружиненной. В предвкушении не звучало шутих длиннее пары матерных слов.

Крыльцо магазина разливного пива еще не покрылось свежей блевотиной, ибо завсегда и только начали посиделки вокруг столиков, что были заставлены натуженными «торпедами» с газированным пивом. У двери стояла пацанва, щедро харкая под ноги слюну от насвая. Окруженный товарищами, Вол, входя в притворенную дверь, тоже сплюнул.

Первым встречал посетителей кислый запах пивных отстоев. За длинной стойкой ошалелые разливищицы металась в поту меж кассой и батареей кранов, под которыми, раздуваясь, наполнялись бутылки. Народу битком, очередь тянулась к дверям, гомон перебивал оба телевизора, что крутили российские клипы. Ожидая, глазели на бакалейное раздолье под стеклом. Разложенные полумесяцем копченые головы семги выпятили нижние зубастые челюсти, недовольно взирая на остальные части себя — полоски желтушной теши, куски филе и сушеные палочки с перцем и кунжутом. Рядом лежали иссушенные речные собраты любых видов и размера. Вол невольно вспомнил, как в детстве такой же едва движимой вереницей он шел мимо Ильича и исполнился державной одухотворенности.

- Валька, - приподняв бровь Дед вкрадчиво спросил, - сколько киру брать будешь?

- Ну, я сильно не планировал, - ответил он на автомате. – Я, чисто, глаз полернуть на сон грядущий.

Дед передал слова вперед по очереди, где стоял Витька Орлов с молодыми. Те заказывали много. Во-первых, оттого, что наступила пятница, и коль воскресенье почитается маленькой Пасхой, то пятница – это маленький день, когда наконец пошлешь все на хер. Не стоит упускать иллюзию полученной зарплаты, когда считаешь, что полученных денег хватит, если поджать там и тут, а на эту выгоду сейчас можно вдоволь гульнуть.

Литры наливались долго, рабочие успели и покурить, и перекинуться парой мемов, что заменили старый-добрый анекдот. Дюжину полторашек передавали по цепочке к столу, что застолбил Дед. Когда закончили, уселись на лавки напротив друг друга. Винтовые крышки слетели под нетерпеливыми пальцами и из горлышка поперла пена с ячменным духом. Пока разливали, Вол пригубил из горла, да настолько втянулся, что остановился лишь опорожнив бутылку наполовину. И пускай утреннее похмелье успело изрядно выветриться, Вол ощутил, что состояние вышло в плюс. Закрыв глаза, он нежился от расслабления, что разливалось по желудку.

- Гля, какие девки!

Вол нехотя приподнял веки и огляделся, сознавая, что вслед за подобным возгласом, мужик обязан проявить интерес и тем подтвердить свое мужское начало.

- Нужен ты им, дед, - буркнул Вадик, сосредоточенно луща сушеного карася.

- Как тебе? – утерев пену с губ шепнул Орлов.

- Ёбнулся? – ответил Вол и поднял бровь. - Рожи у верблюдов красивее.

Витька озадачился таким ответом и решил реабилитироваться.

- Я сегодня видел в машине такую... Не иначе модель или ведущая с телека.

- Знаем мы, что она ведет, - сказал Вадик, ткнув языком в щеку.

- Во-во, - включился в разговор Мишка, - как-то находил я в интернете фотку одной бабы. Красотка! Такую не встретишь, спускаясь по подъезду. Такие будто выведены особым образом из пробирки.

- Шлюхи! – буркнул Вадик и оторвал зубами кусок рыбы. – Трясут жопами и лыбятся надутыми губами, чтобы показать нам какие мы жалкие. Только это херня. В общаге у меня висел плакат одной западной актрисульки. Шишка у меня стояла на нее будь здоров. Думал – вот она мечта. А недавно узнаю, что она подохла в луже собственной мочи, чем-то обожравшись.

- Эт верно. Пиздеж этот гламур, - сказал Мишка. – Так вот, о той бабе. Вчера на видео я увидел ее снова. Блин, не оторвать глаз, породистая, сколько не искал изъяна, ну, сука, идеальная. Я начал представлять... Чего лыбитесь? ...как было бы круто, встретить я ее в жизни. В кафе бы водил, и даже, хер с ним, в театр. Но потом в кадр заходит мужик бритый, и так оттрахивает ее зад, что мне аж самому больно стало. Сука, даже не негр! На личико спускает, а она курва смакует, теми самыми волшебными губами с той же прелестной улыбкой.

- Ясно теперь, чем ты в коммуналке своей после работы занимаешься! – прыснул Витька.

- Да пошел ты! – отбрехался Мишка, пихнув того в плечо. – Я про то... Если подобные ей вынуждены заниматься подобной дрянью, чего нам ждать от жизни?

- Жопу я не подставлю ни за какие деньги! – сказал Вол.

- А за лям? – спросил Орлов.

- Хоть за десять!

- Рассказывай... - отмахнулся Вадик Котов.

Вол покривился и приложился к бутылке. Тогда же в пивную зашла ватага с крыльца. Впереди шел самый лихой со съехавшей на бок шапкой. Остальные следовали клином, их плечи нарочито искали встречи, и не нашлось того, кто решился бы ответить на угрозу. Подойдя к опустевшей стойке кассы, вожак отодвинул мужичка, что ждал заказ, и навалившись грудью на стойку заорал:

- Слышь, Настюха, чека налеп три торпеды по акции!

Продавщицы продолжали наливать пиво из кранов.

- Слышь, ты услышала?

По пивной разнеслось протяжно-казенное «Да!». Вожак с ухмылкой обернулся к товарищам, те гоготнули в ответ. Вскоре продавщица поставила на стойку полную полторашку. Вожак потянулся за ней, но продавщица отдернула бутылку.

- Куда? Это ему! - сказала она, мотнув подбородком на мужичка.

- Этот? Подождет! - сказал вожак и вновь потянулся за бутылкой. - Меня отпускать начинает.

- Руки, я сказала! - дерзко возразила продавщица, затем обходительным тоном мужичку: - Возьмите.

Мужичек было потянул руки, но вожак так грозно зыркнул, мужичек аж отшатнулся, промямлив:

- Подожду следующей...

- Чё вы его боитесь? Берите, - сказала продавщица, перекинув руку с полторашкой через прилавок.

- А чё, не надо? – рявкнул вожак и вырвал у девушки бутылку. Затем гаркнул мужичку: - Слышь, обморок, съебался!

- Сейчас охрану вызову! – прогнусавила продавщица.

За все это время никто из посетителей не взглянул в сторону бранящихся, при том, что слушали со вниманием, прервав разговоры.

- Да мене похуй, хоть спасателей Малибу зови! – крикнул вожак и его товарищи вынули руки из карманов.

Продавщица достала телефон из-под прилавка и, не отводя взгляд, пригрозила:

- Вызываю!

Вожак лишь шмыгнул носом. В этот момент к прилавку подошла вторая продавщица, держа в руках три раздувшиеся бутылки с пивом.

- Вот, твой заказ, - сказала она, - забирай и уходи.

Вожак сплюнул на кафель и хлебнув из полторашки мужичка, швырнул ему. Крышку он завернул лишь слегка, поэтому поймав, мужичок изрядно облился, что повеселило свору. Вожак развернулся, кивнув товарищам на пиво, и бросил продавщице:

- Не прощаемся...

- А деньги? – сказала продавщица, наблюдая, как пацанва уносит пиво.

- Запиши на меня, - ответил вожак, не оборачиваясь.

Продавщица взвизгнула от бессильного протеста, но вторая положила ладонь на плечо. В тот момент обе смирились, что неоплаченное пиво вычтут из их жалкого оклада. Дед не удержался и презрительно фыркнул из-за стола на проходившую мимо ватагу. Не оставив без ответа выпад, один из хулиганов бросил:

- Хули палишь?

- Да, я ничего, собственно... Сижу, просто...

Хулиган скривил губы, но не остановился и вышел за товарищами. Пивная выдохнула и спустя минуту зал наполнился гомоном болтовни.

- У щеглов напрочь резьбу сорвало! – сказал Вол и опасно оглянулся на дверь.

- Раньше бы старшие эдаких размотали на раз, - сказал Вадик Котов. – Нынче на районе никакого порядка! Мотаются, хрен знает, кто под кем...

- ... или под чем, - сказал Мишка.

- Ага, - покачал головой Вадик и рванул зубами кусок вяленого язя. – Когда уважаемые пацаны за городом смотрели, любая мутка решалась на раз-два, а сейчас менты власть взяли и что лучше стало? По понятиям никто больше не двигается. Кто такие, что такое - не понять.

- Я к легавым тоже не особо, но, Вадик, сейчас всяко поспокойнее на улице стало. Вспомни, лет пятнадцать назад, когда твои блатные заправляли, - сказал Орлов.

- Ну, иди-сходи в ментовку! Посмотрим, как тебе помогут, - возразил Вадик. - Раньше между собою вопросы решали, а сейчас? Даже пиздить запретили.

- Да ладно, - сказал Мишка. – В нашем доме мужик свою бабенку едва ли не день в день хлещет. Крику на целый подъезд. Пенсионеры наряд вызывают, те мужика в обезьянник. И че думаете? Только протоколы строчат. Бабенка же как выхватывала, так и выхватывает!

- Как с этими курвами ещё поступать? – сказал Вадик. – Совсем от рук отбились! Никакого уважения!

- Ну уж драться с женами точно перебор, - сказал Мишка и осушил стакан пива.

- Нахер с бабьем драться? – сказал Вол. – В ум привел пару раз, и, если не дура, уяснит. Ты жизни не жил... Вот поживешь – узнаешь.

Мишка не стал отвечать, а налил себе еще.

- В Союзе-то за шпаной присмотр велся не чета теперь, - сказал Дед. – Чуть что, мигом загремишь в детскую комнату.

- Блять, потому что за порядком наблюдали! - сказал Вол. – И черножопых в узде держали!

- Эти-то тебе чем не угодили? - не удержался Мишка.

- Да, армян, собака, опять до ночи протянул с зарплатой! - ответил Вол.

- Мог вообще, - сказал Орлов, - рассчитать в понедельник, чтоб не перепились.

- Хрен он угадал, - сказал Дед и хлебнул из стакана.

- Если зарплата сегодня, значит сегодня! - сказал Вол. – Что, спрашивается, ему помешало утром деньги привезти?

- Ищи тебя при бабле после обеда! - ухмыльнулся Вадик. – У Вола с утремана руки еле лопату держали!

- Пошел ты! - обиделся Вол. – Хрен с ними, с руками. Я про то, что Армен специально над нами, русскими, издевается. Своих, небось, четко рассчитывает.

- Говоришь так, будто наши не наебывают, - сказал Дед.

После этой фразы рабочие наморщили лбы и выпили. Прищурившись, они глядели друг на друга и каждый молча подумал о своем.

Разлили по последнему стакану. Смятые бутылки призывали к решению. Мишка собрал по кругу деньги. Дед внес долю, но отказался от дальнейшей посиделки, годы не те пить с молодежью вровень, да и одолело сонное марево. Пока он обматывал шею колючим шарфом в клетку, Мишка пытался всучить деньги Деду обратно, но Дед был непреклонен, что Мишка отнес на некие старые понятия, неведомые ему, а допытывать Деда он не собирался. Подняв из-за стола Орлова, Мишка пошел к прилавку. Вол с Вадиком вышли проводить Деда и перекурить заодно.

Вернувшись в зал, Вол обнаружил Мишку и Орлова за сосредоточенным созерцанием фотографий в экране смартфона.

- Глянь, поколение покемонов, блять, - сказал Вол Вадика, присаживаясь за стол.

- Хули вы, скажи, там сидите в телефонах? – прикрикнул Вадик, хватая новую бутылку. - Уже собрались, сидим, бухаем, а эти в экраны уткнулись, как идиоты. По любому сейчас друг другу смэсят.

- Че б ты понимал... - пробурчал Мишка, не поднимая взгляда от экрана. - Мы телок цепляем. Потрахаться.

- Там что-ли? – с интересом спросил Вол и прихлебнул из поданного Вадиком стакана.

- А ты думаешь нахера соцсети придумали? – ухмыльнулся Орлов. - Клеить баб и ебать!

- Во, бля, техника! Не зря Гагарин в космос летал! – сказал Вадик, приподняв стакан.

- При чем здесь Гагарин? – спросил Вол.

- Ну, спутники-хренутники... Как думаешь телефоны работают? - ответил Орлов. - Ты, я вижу, в школе только физру посещал.

- Между прочим, с золотой медалью окончил, – ответил Вол.

- Зря потраченные одиннадцать лет эта школа, - сквозь отрыжку сказал Вадик. - Плоская от стульев жопа, походы в вонючий музей краеведения, мать его... За карты в столовой к директору, закурил на стадионе – к завучу! Биномы, теоремы, географичка тупая орет, выпучив глаза. Вот оно мне ничего нахрен не пригодилось по жизни. Ни единого доброго воспоминания про школу! Хотя нет, было. Прислали как-то практикантку по физкультуре, так я ее за задницу цап!

- Хорош, - гоготнул Мишка. - Что ни байка по школу, так сразу в пятом классе уже половой гигант.
- В натуре! Дело было...

3

Вол пересел на лавку к молодым.

- Как, говоришь, баб склеить можно? – спросил он, заглянув в Мишкин смартфон.

Вадик, разочарованный отсутствием внимания к его рассказу, отмахнулся и принялся с энтузиазмом накачиваться пивом.

- В контакте, хотя, тебе скорее одноклассники подойдут, - сказал Мишка. - Там сучки в возрасте готовы на стену лезть от недоеба.

- Так, это-то и нужно! – воскликнул Вол. – Показывай, куда нажимать.

Вол полез в карман за телефоном и протянул его Мишке.

- Слышь, Вол, ты его в каком веке брал? – ухмыльнулся Орлов.

- А чего? Тысяч в семь влетел лет пять назад, аппарат будь здоров!

- Интернет вроде настроен... - сказал Мишка, сосредоточенно водя пальцем по крохотному экрану.

- Хрен его... - растерянно сказал Вол, тщетно пытаясь уразуметь Мишкины манипуляции с телефоном.

Покончив с анкетными данными соцсети, Мишка навёл камеру на Вола.

- Че творишь? – сказал Вол, прикрывшись ладонью.

- Нужна фотка в профиль, - пояснил Орлов. – Сядь нормально!

- Погодь, - сказал Вол, и растопырив ноги на лавке, выкатил грудь и сунул в зубы сигарету. - Давай, чтоб по-боссяцки!

- Придурок что-ли? – сказал Мишка, и отобрав у Вола торжественно поднятый стакан, а следом сигарку, пригладил ему волосы да выставил наклон головы. Напоследок, Мишка замахнулся кулаком в причинное место Вола, отчего тот мигом сомкнул колени. – Теперь потянет.

Вспышка ослепила, но Вол не посмел шелохнуться. Применив фотофильтры, Мишка удовлетворенно улыбнулся и показал экран Волю.

- Лучше ты, один хрен, выглядеть не будешь, - сказал Мишка.

- Ну-ка це, - Вол забрал телефон, - где тут уже жать, чтобы баб посмотреть?

Мишка ткнул в экран и Волю отобразился список имен с фотографиями.

- Ба! Это ж мои школьные друзья! – удивился Вол и принялся листать профили. – Мороз! Костян Белых! Вон смотри, это Казан – Виталя Казанцев, каратистом был. Ишь ты, я думал, он как два года представлялся.

- Ты, алкота, сам пяток лишних землю коптишь! – оскалившись вставил Вадик.

Вол отмахнулся, не отрываясь от просмотра, но вдруг замер и поднес экран к самому носу.

- Это ж Машка, деваха моя со школы! – воскликнул Вол и показал фото приятелям. – Я ее того-этого, распечатал на экскурсии в дендрарий. Год, наверное, проходили... даже больше, после выпускного тоже бывало дело.

- Милфа... - заключил Мишка, не разделив энтузиазма. – Стремная какая-то, хотя... - он оглядел Воловью физиономию в крапинку, - для тебя самый вариант.

- Ха-ха, - гоготнул Орлов, - зубы, че у кобылы. Кем работает? Клянусь, она у меня мудя щупала в военкомате.

Уязвленный, Вол отодвинулся на другой конец лавки и отправил сообщение:

«- Машутка здравствуй узнала кто пишет?»

Тишина. Вол наполнил стакан и начал потягивать, то и дело поглядывая на экран. «Поди спит», - подумал Вол и было собрался выйти покурить, но телефон пиликнул.

«- Привет, Валентин) Так ты на одноклассниках есть? Не видала тебя раньше.»

Вол со страху осушил стакан и настроил ответ:

«- Молодежь затащила в омут»

«- И правильно)

- Рассказывай, как ты, что ты! Сколько лет прошло... ((»

Вол почесал онемевшую от выпитого щеку, задумался. Фантазия отказала в прошлом, предпочитая скабрезные мечтания.

«Потихоньку помаленьку. Работаю. Выпить закусить хватает»

«Ладно прибуднаться. У вас пилотов зарплаты до небес!»

Он вспомнил, как юношей грезил летным училищем. Целый выпускной год Валентин цокал каблучками по школьным коридорам, подражая офицерам, выпячивал грудь, а кепку носил исключительно набекрень. Если прежде Валентин охотно пренебрегал обязанностями ученика, то два последних класса он самозабвенно учил, посещал и корпел. Все же классный руководитель (женщина в серой кофте с лицом того же цвета) настойчиво увещевала Валентина задуматься о несколько приземленном ремесле, которое выбрали остальные – токарь, монтажник, слесарь (водитель, вообще, элита). Учителю понимала слабость школы, а денег на взятку, чтобы перевести ребенка в лицей или гимназию у родителей Валентина не было. Но аргументы взрослых не могли убедить юного мечтателя, в глазах которого они слили борьбу за лучшую долю и призывают к покорному смирению. Первыми сдались учителя, потом родители сломились под напором решительности, взрослые подточили себя мыслями: «ну, а почему бы и нет», «настойчивость горы свернет» и «терпенье и труд...». В итоге, на школьном балу учителя с гордостью ставили примером для остальных будущего курсанта Волшебного, а матери, поправляя дочерям белоснежные передники, шептали присмотреться, сверстники же из самых перспективных спешили воздать уважение Валентину, чтобы заручиться выгодным контактом, будто бы Валентин уже облачился в авиаторский мундир. А дальше... Валентин провалил экзамен в лётный институт. Недобрал пару баллов. Поверженный, Валя покидал корпус приемной комиссии с осознанием несправедливости. От сгоревшей мечты тлела обида: на взрослых, что недожали, и на себя, что был жалок и наивен. Летом от безделья Валя частенько кирял пиво с дворовой пацанвой. Однажды на кураже вскрыли ларек. Милиция предложила закрыть дело в случае призыва, так обритый Валька из СИЗО поехал топтать сапоги, предварительно совравав Машке, что отбывает в Оренбург присоединиться к летному курсу, а она, девчонка-девчонкой, увидела форму, молодых парней, окруженных слезливыми родственниками, и ни секунды не сомневалась и только думала, как правильно отыграть роль будущей жены офицера. Прибыв в часть Валька был бит на протяжении полугода, что длилась «духанка». Однако, с увеличением срока службы его статус рос. В быт вернулась водка, человеческая еда с гражданки, и девки, что в обилии водились в поселке неподалеку от части. Машка не прикидывалась святой и открыто написала через год, что не дождалась и выходит замуж. Навалившись на бойницу у входа в казарму, Валька курил одну за одной и не мог накуриться, в семь побрел в ленинскую комнату посмотреть программу «Время», а там Горбач сидит и говорит: «Дорогие соотечественники... Сограждане... В силу сложившейся ситуации...». Закурила рота, даже дневальный на тумбочке. Какая там Машка...

Каждое новое воспоминание помогало Волу изловчиться в переписке. Мишка предупредил, что самое страшное в интернет знакомствах – это слово «Ясно.», которое трактуется, как «Шел бы ты нахрен, да поскорее потому, что, бросив переписку сейчас, я выставлю себя безразличной сукой, коей, впрочем, являюсь, но усердно скрываю. Следующее сообщение можешь не посылать. Едва ли дождешься ответа. Ведь я буду общаться с мужиками с фантазией, в отличии от некоторых! Под некоторыми я имею ввиду тебя! Не мужик! Ах, ах, настоящих мужчин уже нет...». Поэтому Вол, наморщив лоб, пытался выдавать оригинальность, блуждая по извилинам посредственности в алкогольном кумаре.

- Извините, пожалуйста, что подошел к вам. Меня Леха зовут. Я сам из Алейска буду.

Вол оторвал глаза от экрана и увидел тощего мужичишку в распахнутой куртке поверх выцветшей майки. Лицо его было таково, словно младенец крепко попил лет двадцать пять, трудясь на приисках. На бритую лысину со лба расходились волнами глубокие морщины, оттого что Леха постоянно поднимал брови.

Вол взглянул на часы. Три часа. Выходит, за перепиской улетело почти полтора. Кроме него за столом остался лишь Мишка, но и тот на держался исключительно на волевом желании продолжать сиесту. Леха пожал обоим руки и продолжил стоять у стола. Прикинув, что от эдакого ханыги опасности не много, Вол устало промотал беседу с Машкой и признался себе, что приехать к ней сейчас едва ли получится, однако, задел безусловно положен. «Однако ж нагородил...» - чесал щетину Вол, читая, ударные комплименты, помню – не забуду никогда, отдельно выделялась сочиненная карьера пилота дальней авиации, настолько принципиального, что, он не смирился с тем как разбазаривали его родную часть и подал рапорт. От некоторых пассажирок Вол смеялся в голос.

- Я сам алейский. Лехой звать. Вы извините, мужики, конечно.

Между телефоном и глазами Вола появилась затёртая пятерня. Поздоровавшись снова, Вол спряла гаджет в карман и недовольно уставился на Леху. Тот в свою очередь, малость покачиваясь, отображал в лице невинность, на какую, конечно, способно лицо мужика за сорок. Мишка рукой предложил гостю присесть. Леха сел с краю и поставил на угол стакан с пивом.

- Ты чего подошел-то? – спросил Мишка.

С виноватым лицом крестьянского интеллигента Леха поднялся и протягивая руку Мишке сказал:

- Леха! Сам я алейский... Вы не подумайте, что я какой-то гад, я Леха...

- Да садись ты, - сказал Мишка и вновь пожав Лехину руку, усадил его на лавку.

- Мишка, блин, нахрен? - шикнул Вол.

- А можно, да? Вы извините, я нормальный, не какой-то... - насупившись сказал Леха и пригубил пива, как вдруг поднялся: - Алейский я...

- Ты уже десятый раз знакомишься, - отрезал Мишка и усилием посадил на лавку. – Пей, отдыхай, это общее место. Сидеть можно везде, где свободно, если ты не любитель залупиться. Без неприятностей давай.

- Да, я нормальный, с Алейска приехал... - объяснял Леха.

- Слушай, - сердито сказал Вол, - сел – сиди, выпивай, мы тут своей кампанией отдыхаем. Понятно?

Он подсел к Мишке и достал телефон, чтобы показать фотоальбом Машки, дабы заработать пацанское одобрение.

- Работали на земле всю жизнь... - с энтузиазмом обратился Леха к Волу и Мишке, но увидев их полнейшее безразличие, поник и продолжил как бы сам с собой. – Теперь в колхозе работы нет, пришлось в центр податься. Раньше силы были, а потом никому... Мать схоронил, а за дом выручил гроши. На первое время в городе едва... Пенсии тысяча семьсот рублей. Ну, как теперь?

- Сколько тебе? - Мишка краем уха услышал последнюю фразу.

- Тридцать девятый идет, - послушно, как на экзамене, ответил Леха.

- Служил говоришь? – в Мишкиной голове сходилась цепочка.

- Да, в мотострелках, - ответил Леха.

- Тебе не насрать, что он там делал? – недовольно сказал Вол. – Не отвяжемся же.

- погоди, - отмахнулся Мишка, затем пораскинув спросил: - В первой принимал участие?

- Не успел. Во второй, - с тем же послушанием ответил Леха.

Мишкины глаза округлились, и он протянул Лехе руку. Вол потянул Мишку за рукав.

- Бомжара какой-то. Чего ты его слушаешь? – шикнул Вол

- Он ветеран, понимаешь? Ветеран! – ответил Мишка, злобно поглядев на руку Вола.

- Алейский я, Лехой кличут, - с радостью представился Леха.

- Знаю я, знаю... - с тяжелым сердцем сказал ему Мишка. – Можно было сразу догадаться...

Леха сызнаво повторил историю с переездом, и Мишка слушал со вниманием. Подобной перемены в приятеле Вол уразуметь был решительно не способен.

- Можно в туалет? – спросил Леха, закончив исповедь.

- Можно. Спустись вниз, там налево, - спокойно сказал Мишка.

Поднявшись, Леха спросил, можно ли оставить свое пиво. Получив утвердительный ответ, он отошел на пару шагов, однако, повернулся с совестливым лицом и сказал:

- Вы не подумайте, что я мразь какая-то, я нормальный. С Алейска я.

Мишка вышел из-за стола и, подойдя к Лехе, протянул ему ладонь, а следом обнял, шепнув на ухо:

- Спасибо тебе, брат. Мы помним, что ты сделал для всех нас.

Вол недовольно провел ладошкой по лицу и сунув в зубы сигарету, вышел на крыльцо.

Осовело Вол окинул взглядом потухшие окна пятиэтажек. Он захотел присесть на ступеньки, но те покрывались слоем рвоты и слюны. От мысли о вое жены насчет замаранных штанов у Вола заболели виски. Он спустился вниз, где такие же, как он сам, парочки полуночных пьяниц курили в перерыве между подходами за очередной порцией пенного. Их лица освещали только блики иллюминированной вывески, ведь одинокий фонарь у дороги давно сгорел, видимо на его счет еще не пришло время принятия «принципиального решения». Прикуривая, Вол краем глаза оглянулся на шпану, то ли бранившуюся, ли прибывавшую в задорном угаре. С той стороны раздался невнятный выкрик. Вол отхлебнул из бутылки, взятой с собой, отвернулся и, угадывая опасность, побрел за крыльцо отлить.

- Слышь! – расслышал Вол второй оклик.

Никто из пьяниц не обернулся, и Вол не причислил себя к наиболее бесстрашным представителем рода человеческого, потому под личиной постороннего брел себе дальше.

- Ты че, меня игноришь что-ли?

Пацанский выкрик раздался ближе, чем хотелось Волу, и пьяницы единодушно решили: жертвой выбран именно Вол, потому стали тарачиться с боязливой, но предвкушающей ухмылкой. Шея Вола занемела, оттого пришлось оборачиваться переступая, точно зашуганной дворняге. Вожак шайки подошел вплотную, из его расстегнутого ворота шел пар. Вол сжался всеми членами, но обделенный способностью черепахи, замер, краем мозга вспоминая наущение папаши не двигаться, когда скалится уличный пес.

- Сиги есть? – нагло спросил вожак.

Вол мямлил.

- Хуй изо рта вынь, когда говоришь! Курить есть? – повторил вожак.

Дрожащей рукой Вол протянул пачку.

- Парочку возьму? – вожак отчего-то решил проявить пацанскую галантность.

Вол с облегчением закивал. Получив, что хотел вожак кинул пачку обратно, но Вол сумел ухватить скользкую упаковку.

- Ты че, от меня съебаться хотел? – между делом поинтересовался вожак, закурив.

- Да, я просто как-то не подумал, - растерянно ответил Вол.

- Раз не хотел, выходит, ты имеешь мне что-то предъявить? – нарочито издеваясь, ухмыльнулся вожак.

- Я? – удивленно спросил Вол, понимая к чему идет разговор, и инстинктивно попятился.

- Ты куда? Я с тобой общаюсь! Попутал что-ли бухой?

- Нет, нет, - замотал головой Вол и попятился быстрее.

- А ну, стой, бя! – прикрикнул вожак и, подавившись вперед, притопнул тяжелым ботинком по влажному асфальту.

Тогда Вол побежал изо всех сил, что оставалась в хмельных ногах, покуда печень не сдавило от боли. И пускай рукав до локтя был залит пивом, бутылки Вол не бросил.

Суки! Твари мразотные! Песьи... псы! - бормотал он на ходу. – Вы - дебилы, понимаете, последние дебилы! – развернулся Вол, отвечая незримому обидчику, после укоризной мысли. – Постой, постой... Проблемы с уважением, вот что не дает покою. Из той, сука, чтоб их уважал я, - последнюю букву он протяжно провыл, - надо заслужить! Хули, когда в девяносто шестом фуру зажигалок привез, никто не спрашивал, стоит ли уважать Валентина Волшебного! Ноги, суки, целовали! Все сразу: дай, дай... И ведь

давал, не отказывал! Долбаеб... Ууу... - словно от боли застонал Вол и выпил остатки выдохшегося пива и, едва удержав его в желудке, отбросил мятую тару в кусты.

Путь домой был невыносим. Обессиленная голова повисла словно надломленная. Вол глядел, как ноги попеременно вылетают и шлепают по асфальту. О том, чтобы вызвать машину не было речи. «Чтоб я платил этому жулью? Обшманает и выбросит в переулке», - заключил он, и пнул воздух вслед проезжавшему мимо такси. В отчаянии Вол пустил трусцой через дворы, но миновав лишь одну пятиэтажку, рухнул, задыхаясь. На земле он ощутил благостный отдых, к которому брел все это время. Вол с улыбкой закрыл глаза. В нескольких метрах раздался скрип тормозов. «Заметут!» - с болью подумал Вол и с большим усилием поднялся. В темноте дворов изредка попадались одинокие лампочки подъездов. Лишенный терпения идти по дорожкам, он пер напрямик через гаражные лабиринты и лез сквозь заросли кустов. Пробирался, падал, поднимался, осматривал не угодил ли в собачье дерьмо (или в человечесь, разница не велика), из последних сил решался на спринт, но тотчас падал, налетев на переломанную оградку, кусок бетонного блока, врытую в землю покрышку. После он садился на бордюр отдохнуть, курил, глядел на ржавые карусельки и качели, вспоминал детство, мамку в косынке, треугольные пакеты с молоком, блатные песни под гитару с пивком, плакал, оттого начинал чихать. Он разглядывал машины, которыми были сплошь заставлены дороги у подъездов, бомжей, без стыда нырявших в мусорный бак, а рядом из такси вываливались полуголые девки, падая на каблуках, и скребли магнитным ключом замок домофона. Вол тяжело дышал, сил на мат не осталось, и, обоссавши торец панельки/гараж/тополь со спиленной кроной, отправлялся в дорогу. Чувствуя жажду, он закупался в круглосуточных подвальчиках, что в изобилии попадались на пути. И пускай Вола выворачивало, но он настойчиво вливал в себя пойло. В том не было желаний. Заглатывая из горла, Вол утверждал безразличие к настоящему, проклиная грядущее, чтобы добить, наконец, прошлое, суть которого он сам. Где-то в пути он потерял понимание времени, а после, зачем и куда идет. Его лишь забавляло, как глупо по асфальту шлепают ботинки.

От грохота Клавдия нехотя поднялась с кровати, и тяжело вздохнув, пошла в коридор, нащупывая впотьмах кнопку выключателя. Внезапный свет ослепил тещу, которая высунула растрепанную седую голову из своей комнаты. Она молча смотрела на дочь, а дочь смотрела на входную дверь, в которую падали удары. Обе молчали. На миг удары прекратились, но следом гадко завизжал звонок. Теща перекрестилась и ее лицо расслабилось в принятии.

- Давай, чего ждешь... - сказала она оглянувшейся Клавдии. – Соседи полицию вызовут, потом греха не оберешься.

Клавдия подошла к двери и щёлкнула затвором замка.

Услышавший нужный звук, Вол силой толкнул дверь и ввалился внутрь, зашибив жену, не успевшую посторониться. На половичке он поскользнулся и упал, больно зашибив локти, отчего вскрикнул. Клавдия ступнёй отодвинула ноги мужа и спешно захлопнула дверь. От подобной небрежности Вол стонал и в попытке подняться разметал выставленную рядком обувь и опрокинул столик с телефонной книгой. Он ухватился за повисшую на проводе трубку, но теща вцепилась в нее, и оттянула пальцы зятя. Клавдия подняла Вола за подмышки.

- Что ты сказала? – крикнул Вол, приняв ее кряхтение за брань, вдруг вырвался и залетел в туалет, где его вывернуло в унитаз и вокруг него. Откинувшись, он на крачках заполз в ванную комнату. Теща заглянула в проем туалета и покачала головой, крестясь. В ванной раздался звук воды, после короткий хруст и поток брызг обдал комнату. Махнув изливом смесителя, Вол шлепнулся навзничь, в падении ударяясь обо все, что только было.

Вол лежал недвижимо. Его лицо и грудь поливал фонтан из проломленного смесителя. Женщины переглянулись. Однако, Вол заскулил несвязным матом.

- Вытаскивай, - тяжело выдохнув приказала теща и, переступив через зятя, принялась искать обший кран подачи воды.

Клавдия вытянула мужа за руки в коридор, и упала вместе с ним, поскользнувшись на луже.

- Слава богу, Колька не видит этот ужас... - причитала теща в ванной, затягивая ржавый барашек крана.

- Кто-о? – провыл Вол.

Приподнимаясь, он больно надавил локтем на живот Клавдии, от неожиданной боли она вскрикнула и с силой оттолкнула Вола.

- Сволочь... – Клавдия поднялась. – Сын твой, Николай! Уехал, чтобы не видеть этой мерзости, бесконечных попок, отца, что орет дурниной на крачках у подъезда! Другие отцы занимались сыновьями, учили, вкладывали. А ты? Ты! Паскудник!

Она кричала, нависнув монументальным бюстом над Волом. Сперва он опешил от резкого нападения, но алкоголь лишил его страха.

- Но зато им занималась ты! Со своей мамашей! – огрызнулся Вол, прижатый к стене. – Охуенно занимались! Пошла ты, Клавка! Всё в церкви водили, да в бабские кружки, тьфу, - Вол сплюнул, но попал себе на грудь, - изо-хуйзо, ссаная скрипка ... А! Вышивка, блять! Как я мог забыть вышивку? Сраный бисер постоянно пятки колет!

- Я - женщина, я не могу жигуль разобрать! – прокричала Клавдия. – И не должна уметь! Я не должна знать, как воспитывать мужчину!

- Тише! Соседи! – шикнула из ванной теща.

- Отстань! – отбрехала Клавдия.

- И поэтому ты позволила поступить в филамор... фирмо... фигамони... В музыкалку эту столичную! Чтобы он остаток жизни с бомжами по переходам пиликал с протянутой рукой.

- От осинки... - философски сказала теща.

Клавдия взглянула на нее, словно получила плевков в лицо.

- В каждой его неудаче виноват ты! – с ненавистью прошипела мужу Клавдия. – Ты никогда его не любил!

- За что? – развязно крикнул Вол. – Сделала из него пидора!

- Поэтому Коля не хотел приезжать! – сказала Клавдия и ушла на кухню, захлопнув за собой дверь.

- Заткнись! Заткнись! Заткнись! – кричал Вол, ему мерещилось ворчание из-за двери кухни.

Утомившись браниться без ответа, Вол стянул промокшую куртку, швырнул ее в сторону и, освобождаясь по пути от остальной одежды, пополз в кровать.

4

Вытянув шею, Вол щелкал языком по иссушенному небу. Не вздохнуть, душат. Армяне, теща, бандосы с ментами, олигархия и жида с пиндосами... Кругом обступили, не выскочишь, а из-за вражьих спин тянуться новые руки и обжимают, обжимают горло костистыми пальцами. Вол хрипит, язык вытянул, а в добавок жарит, словно бархан носом загребаешь. Кабы сдохнуть, да шиш. А в затхлом углу сынок в вельветовых штанишках с ляжкой наискосок пиликает на скрипке, с виноватым видом тянет гадкий мотивчик. Вол глаза выпучил, сказать не может – сдавили изверги. И так ему стало тошно от сыновьей ничтожности. Пускай его самого душила всякая сволочь, глядеть, как невинная божья тварь смиренно себя посрамляет, было стократ противнее, и так нестерпимо горько, что Вол прослезился, и чихнувши, проснулся.

Дабы перегар не пер из комнаты, женщины заперли дверь да, видимо, из страха застудить цветы на подоконнике, затворили окно. Вол слез с кровати и отпер окно, из створа обдало холодком и моросью. Вол вылез наружу по пояс и высунул язык - лицо намокло, а во рту ничего. Ругнувшись, Вол обтер ладошкой щеки, облизал и харкнул в кусты.

«Телефон!»

Вол встрепенулся, вспомнив переписку с Машкой, но совершенно забыл куда, попав домой, швырнул трубку, впрочем, само «попадание» осталось в памяти лишь коллажем размытых кадров. Он плюх-

нул на четвереньки и заглянул под кровать, приподняв свисавшую простыню. Ничего кроме пыли. От чего-то захотелось по-детски дунуть. Вол дунул и, разумеется, чихнул. Обшарил тумбочки, карманы штанов, в которых пришел, и «секретные» нычки, где, бывало, хоронилась пара тысяч от жены. Ничего. От суеты похмельный разум мутило, и Вол присел на кровать. От стены тянул принизывающий поясницу холодок. Вол схватил подушку, чтобы закинуть за спину, и с удивлением обнаружил телефон.

- Навык не пропьешь! – обрадовался он своей предусмотрительности на автопилоте.

С нетерпением он вошел на сайт социальной сети одноклассников, ввел свое имя, несложный пароль, бывший датой рождения. На экране закрутилось кольцо загрузки. Вол предвкушал, насколько ему будет неловко читать вчерашние бредни, написанные от большого хмельного таланта, но тут, страница выдала сообщение: «Пользователь заблокирован, приносим извинения за неудобства». Попробовав заново войти на страницу, Вола ожидало то же уведомление о блокировке.

«Ай, может, и слава богу...» - решил он и кинул телефон на одеяло.

Натянув домашние портки, Вол вышел медленно, если не сказать, украдкой. Справа в коридоре теща стояла над душой слесаря, рассказывая, как ему следовало изначально починять кран. Естественно, Вол повернул налево в кухню. Как кот он жался к стене и заранее ласково поглядывал на спину благоверной. Орудия деревянной ложкой, Клавдия жарила на сковородке, но из-за чада от свиного жира, распознать кушанье было нельзя. Сейчас Вол прощал жене и гарь, и донельзя растянувшийся по заднице цветок на лосинах, и обвисшую кожу на руках, что болталась при помешивании, прощал великодушно, искренне и скопом, особенно когда схватил кувшин со стола и приложился к возделенной жидкости, отталкивая языком серебряную монетку, норовившую заплыть в рот. В коридоре раздался короткий стук металла о металл, но резьбу похоже сорвало у тещи, ибо она разразилась потоком ругани, но из пристойности матерные слова заменяла созвучными. Клавдия шлепнула жирную ложку на стол и прошла мимо Вола поглядеть, что случилось.

«Даже не посмотрела», - подумал про себя Вол, отчасти обрадованный безучастностью. Отставив опустевший графин, Вол не преминул воспользоваться уединением и с великим наслаждением продолжительно облегался в мойку. На плите шкворчала картошка с порубленными сосисками. Вол закинул пару ложек в рот. «Дать туда майонеза, и само то. И под пивоко... Хотя, под пивоко все «Само то»». Он улыбнулся насколько позволял бодун.

- Вот! – раздалось у него за спиной.

Вернувшаяся в кухню Клавдия положила на стол список покупок и пару сотенных бумажек.

- Не надо, у меня есть, - сказал Вол.

Уголок губ Клавдии иронично изогнулся, и простая надежда Вола на то, что зарплата все-таки была им спрятана подобно телефону и только поэтому карманы его штанов утром оказались пустыми, рассеялась подчистую. От досады он не нашел сил выматериться и, шаркая, поплелся в комнату. В их квартире обе жилые комнаты были приспособлены под спальни - по одной на тещу и супругов Волшебных. Общей комнатой для семейных торжеств вынужденно пренебрегли. По тещиным рассказам, домашние праздники бытовали в пору молодости ныне покойного тестя, когда пекли торты со сгущенкой, сваренной в кастрюле, если отмечали дни рождения, то звали соседей по подъезду, пили интеллигентно без свинства и мордобоя. Вол и сам припоминал подобное о своих родителях, но тогда люди именовали по-другому и его, и страну. Так совместным в квартире остался лишь туалет, да и тот, пожалуй, не мешало поделить.

В комнате Волшебных по-прежнему смердело хмельным сном вкупе с пивом и мочой от джинсов. Вол натянул спортивные треники с лампасами из трех полос и сунулся в шкаф за новой шапкой.

- Курва! – ругнулся Вол, увидав пустые полки.

В прихожей теща продолжала отпускать недовольные ремарки на счет кривых рук водопроводчика, и вздрогнула, когда зятек вылетел из комнаты, как черт, и так гневно зыркнул, что пришлось на всякий случай посторониться.

Стоило Волу спуститься на один пролет, как сердце ускорило. «По пиву либо купить молока?» Уверен, Адам глядел на протянутое Евой яблоко с той же озадаченной физиономией. А ведь натяни ветхозаветный автор на голую задницу прародителя портки с тремя полосами и замени Еву алкашом Серегой

из пятого подъезда, а яблоко на читок белой, то библейская история волшебным образом приняла бы неочевидную доселе актуальность.

Соблазненный Вол под питание домофона открыл дверь подъезда, предчувствуя вожделенный опохмел. Ленивое сияние осеннего солнца заставило красные глаза Вола щуриться, он моргал сквозь слезу и неуверенно шагал вперед пока не врезался в машину, и было разразился по матушке на соседа, который имел привычку парковать свою «девятку» напротив подъезда. Как же удивился Вол, когда отшатнувшись, он увидел пятисотый «мерседес». В их-то дворе. Невзирая на слякоть «мерседес» блестел свежей полировкой, хоть обед на капоте подавай.

«Коммерсы?» - возникло в мозгу Вола, - «В нашем то-доме?».

«Братки?» - и глаза Вола расширились, - «Сейчас не девяносто седьмой, чтобы бандиты на подобных тачках народ пугали»

«Менты?» - нахмурился Вол, - «Какой там, они с ржавых бобиков пересесть не могут...»

«Тогда...», - у Вола перехватило дыхание, и он взглянул вверх.

Тем временем стекло пассажирской двери опустилось и в створе появилась аккуратненькая девичья головка, стриженная в унисекс. Один глаз был скрыт косой линией челки пшеничного оттенка. Умеренный макияж, серый по фигуре жакет и белоснежный ворот блузки не позволял определенно судить о роде ее занятий, оттого Вол неминуемо обрёл себя на худшее.

- Вы, Валентин Волшебный, который накануне ночью зарегистрировался в социальной сети для одноклассников? - девушка на миг перевела взгляд от Вола во внутрь салона. – Точнее, в час ночи?

- Да, - виновато признался Вол, а сам прикидывал: «Да, не... Вряд ли от Машкина мужа. Точно! Она же в разводе да с дитем».

Тут в сознании неоновыми буквами выложилось «госбезопасность». Вол испугался, но потом ситуация начала проясняться:

Прошедшая ночь. Пивная. Вол за столом, по обеим сторонам от него Мишка с Орловым показывали, что такое «лента» и тыкали в мемы. Ржали, пили пиво. Домотали до фотожабы с президентом.

Вол: «Во-во, народ не Тимошка!»

Мишка: «Понравилось?»

Вол: «Так, сколько можно уже!»

Орлов, схватив воловью кисть, нажал его пальцем лайк под картинкой.

Вол встrepенулcя: «Что за херню ты сделал?»

Орлов через смех: «Теперь все увидят, что Вол у нас сторонник Нэвэльного!»

Вол судорожно жал на экран, надеясь вернуть лайк, но вместо этого сотворилось непонятное.

Вол отчаянно: «Что произошло?»

Орлов, закатываясь: «Ты комментарий бахнул до кучи! Ну ка: «Кабан судит сам» - Вол, суд не поверит в автонабор!»

Вол: «Ну вас в жопу. Это ж увидят, это ж про...», - он набрал воздуху и указал на верх.

Парни ржали, не пытаясь сдержаться.

Мишка: «Разминай пердак!»

Вол растерянно: «На кой?»

Орлов, икая от смеха: «На бутылку!» - и звонко щёлкнул языком.

Вол для виду ухмыльнулся, хотя не понял юмора. В этот момент вернулся Вадик и, бухнув на стол полторашку с пивом, сказал: «Да шли их, Вол! Выпьем!»

Воспоминания прервал мужчина, вышедший из «мерседеса» с другой стороны. В отличии от андрогинной коллеги он имел маскулинное лицо с черной бородой, впрочем, стриженной, на голове вилась копна таких же черных волос. Одет он был в куртку из кожи поверх пастельной водолазки. Мужчина обошел автомобиль и настойчиво сжал крепкой хваткой предплечье Вола. Девушка отворила дверь и, скользнув на другую сторону сидения, велела:

- Маркел, помоги гражданину.

Прищурив глаз, Маркел нажимом усадил Вола рядом с девушкой, а сам сел за руль. Машина тронулась. Утонув в мягком кожаном сиденье, Вола прорвало, он рассказал историю с мемом про президента. Его слушали, не перебивая внимательно, филигранно выстриженные брови девушки периодически воздевались на лоб, и усилием опускались на место.

- Тыкнул? – прервал Маркел.

- В мерзкую картинку с жидом Нэвельным на деньги пиндосов смастыренную, - подвывал Вол, едва не плача.

Вглядываясь в непонимающие глаза, Вол понял – не верят.

- Я – за! Конечно, за! – усердствовал Вол. – Вот даже...

Вол кашлянул, похмельиться он не успел, поэтому во рту было суше, чем в Аральском море, однако, от отчаянья он хрипло затынул: «Такого, как Путин, чтобы не бил! Такого, как Путин, чтобы не пил!», - мимоходом, взмаливаясь: «О, господи...», настолько было тошно, но продолжал: «Такого, как Путин, чтобы любил... мама-мама... Чтоб не обижал! Ох-ох... Чтобы уважал! Пу-у-утин наш отец!»

Маркел оглянулся в салон:

- Дана, у клиента белка.

- Выбора нет, - устало сказала она, проведя по челке пальцами, - прокапаем, тогда сможем поговорить.

- С трудом верится, что «такое» договороспособно.

- Я как-то члена сборной за день до игры выводила из недельного запоя.

- И как прошла встреча?

- Нормально прошла, даже чего-то там передал. Те полтора часа на стадионе – самые бесполезно потраченные часы в моей жизни. Никогда не пойму, зачем смотреть спорт, если на поле нет твоих детей.

Побагровевший от натуги Вол самозабвенно горланит, распространяя зловоние по салону.

- Заткнись ты уже! – рявкнул Маркел.

Вол мигом замолчал. С лицом, исполненным полнейшего раболепия, он съехал вниз по сидению и прошептал:

- Я всех сдам... только дайте водички... пожалуйста.

Проснулся Вол от шлепков по щеке.

Его сердце йокнуло, когда бутылочка чуть не выскользнула из ладоней. Вода, что была в ней, казалась вкуснейшим питьем, не только из-за похмелья, ему только не давало покоя непомерное расточительство - всего два глотка, а бутылочка из стекла, да еще какая причудливая, у многих в доме посуда хуже. Дана одернула руку от колючей щеки Вола и забрала бутылочку. Из открытой двери в салон тянуло ноябрем. Волу не хотелось выбираться не столько из-за погоды, сколько от угрюмого вида Маркела, который застыл как утес, и лишь кудри трепыхались на холодном ветру.

Жалея об отсутствии еще одной прекрасной бутылочки с водой, Вол неуклюже выбрался из необъятного, как ботоксные губы, дивана. На обширной круглой площадке перед трёхэтажным особняком из бревен не было ни одной другой машины, и все это в обрамлении пихтовой чащи, настолько естественной, что Вол услышал дятла.

Пока Маркел ухаживал за Даной, помогая выйти из машины, Вол пошел на террасу, он впервые ходил по столь добротному покрытию. Взбираясь по лестнице, он прикидывал, что вместо ступеней из лиственницы следовало для форса выложить мраморные, но только на бумаге, на деле же купить керамогранитный заменитель, разницу попилить в придачу к тем деньгам, что остались бы, закатай они с бригадой круговую площадку асфальтом с областного асфальтозавода. «Армян, сука, один хер, зажал бы деньги». Вол щелкнул сухим языком по небу. В дверях ожидали две девушки в лёгких, несмотря на прохладу, медицинских халатиках.

«Пингины и бляди на морозе не мерзнут!», - хихикнул Вол и вошел в отворенные двери.

На встречу шла высокая женщина средних лет, выхоленная до сходства с породой. Поверх платья на плечах ее покоился длиннополый жакет с «цацками», и необъяснимо для Вола, ее прекрасные лодыжки уходили внутрь громоздких кроссовок, таких уродливых, что нужно еще поискать на китайском развале. Она слегка наклонила голову и поприветствовала гостей широчайшей улыбкой. Маркел, очевидно бывавший здесь, жестом отказался от сопровождения и уверенно повел Вола.

- Не верь подобным улыбкам, - покровительственно сказала Дана, заметив, как Вол едва не свернул шею.

- Аж коренные видно, а смотрит, как на дерьмо, - бросив взгляд на администратора, сказал Маркел. – Сколько ни приглашай специалистов по персоналу из Штатов, все одно! Глазки-то наши.

- Ревность, - ответила, как бы между делом Дана, читая полученное сообщение.

- Что? – состроив брови уголком, спросил Маркел.

Дана не ответила, отвлеченная мессенджером.

- Ааа... животное чувство, когда хозяйева треплют по холке другого рвача, - произнес Маркел, ухмыльнувшись.

- Угу, - сказала Дана, не отрывая взгляд от экрана, - но не так грубо.

Они шли по обширному холлу, выполненному из выбеленного дерева. Пол покрывали доски, отполированные до глянца. Глухо цокали каблучки Даны, звук успокаивал тревогу в больном разуме Вола. Он прикрыл веки, чтобы окружение расплылось словно под водой, глядя на витражи на крыше, ему чудилось что это свет играет над глади морской. Под метрономом тувель он почти уплыл в дремоту, вдыхая производимый заокеанской машиной чудный воздух, что бывает во время грозы.

Вдруг по холлу эхом разнесся баритон: «Ириша, принеси плед, мою Катеньку знобит», следом приглушенное: «Черт!» от Даны, и мужская ладонь крепко сдавила воловьё предплечье. Вол открыл глаза, к тому моменту трое пересекли холл и вбежали в портал, что вел в совсем больничный коридор. Маркел, не отпуская управление подопечным, дернул Вола в одну из дверей, которую практически им же открыл, следом прошмыгнула Дана. Внутри две медсестрички в полупрозрачных халатах от испуга расплескали чай по конторскому столику, за которым они мило щебетали до того, как их потревожили. Обе подскочили. Та, что сидела с угла, кинулась искать, чем протереть лужу, пока ее подруга лепетала:

- Маркел Т... (отчество неразборчиво, кроме последнего -ич), Дана С... (не более разборчиво, чем предыдущее) простите за беспорядок, сейчас все приготовим. Нам не сообщили, что вы сразу к нам...

Маркел взглянул на нее словно коршун на пичужку и махнул пальцами свободной руки. Медсестричка кивнула и, взяв под локоток вторую, которая влажными салфетками безуспешно гоняла жижу по столу, выбежала с ней в смежный кабинет.

- Какого рожна он здесь? – шепнул Маркел Дана, которая сквозь щелочку двери наблюдала за происходившим в холле.

Не понимая причины страха, Вол наслаждался видом упругой задницы, когда Дана оперлась на дверную ручку. «Реформа органов имеет успехи, в некоторых частях...» - подумалось Волу, и он склонил голову набок для лучшего ракурса. Только с похмелья в нем просыпалась похоть, забываемая с годами.

- Привез свою героинщицу на детокс, - сказала с улыбкой Дана, оглянувшись.

В такой позе ее мальчишеское лицо показалось Волу по кошачьи плотоядным. От возбуждения он мял подбородок.

- Разве мода на них не прошла лет двадцать назад? – риторически спросила она.

- До нас все доносится поздно, - ответил Маркел.

- Хах, не настолько же, - хихикнула Дана. – Кстати, ты оказался прав, настояв взять машину в аренду. Иначе спалились бы.

Сглотив с языка вязкую слизь, которая заменила Волу слюну, он сменил объект вожделения на недопитый чай в чашечках со следами помады. Тягостно вздохнув, он взглянул на Маркела, который сосредоточенно набирал сообщение, и спросил:

- Что за хрен приперся? Прячемся? Зачем?

- Протасов, - шепнула Дана.

- Кто? – спросил Вол, перебрав всех депутатов и деятелей эстрады, что пришли на ум.

Маркел почувствовал на себе прямой вопрошающий взгляд, но вместо ответа ударил большим пальцем по экрану, а после, удовлетворённый, так презрительно оглядел Вола, что тот осунулся и сел на стул.

По холлу прозвучали шаги в мягких туфлях. Следом голос администратора: «Настя, не видишь я занята!», пару мгновений тишины, «Прошу прощения, Роберт Максимилианович... Одну минуту...»

- Молодец! – восторженно шепнула Маркелу Дана.

«Прошу прощения еще раз, Роберт Максимилианович, у нас неполадки с водяными насосами, - говорила администратор неуверенно, возможно читала, - механики говорят, аппаратура вышла из строя, причем вся сразу. Извините, но видимо... мы не можем сегодня принимать гостей. До возобновления подачи воды». В ответ раздался рык прочищаемого горла.

Волу захотелось увидеть, ради кого так переполошились его пленители, очевидно сами высокого статуса. Приблизившись к створу двери, Вол хотел подвинуть круп Даны и потянул грубые от работы пальцы к манящей округлости, но в последний миг постеснялся, и изогнувшись как змей, чтобы ненароком не задеть девушку, взглянул сквозь щель. Увы, но он застал лишь затылок Протасова с узором седины, в котором Вол распознал любимые три полоски «Адидас». Распознав в этом определенный знак, Вол насторожился, ибо не понимал сулит ли он добро или неприятность. «Хотя, какое к черту добро?» - подумал битый жизнью Вол и махнул рукой в ответ на мысль так, что случайно шлепнул сверху Дану по попе. Дана подняла глаза, в них не было злобы, скорее недоумение оттого, что это вообще случилось. Вол же с усердием вперился в щель, но Дана громко захлопнула дверь. Вместо ожидаемого удара по морде Вол получил дежурную улыбку. Дана прошла к окну, на действия снаружи она удовлетворено покачала головой. Маркел, казалось, потерял всякое участие к происходившему, он присел на край массажной кушетки и бессмысленно потупил взор. Дана наоборот взбодрилась, словно от чашки эспрессо, и взяв один из стульев, поставила его на середину.

- Итак, Валентин, теперь можем без спешки.

Вол робко отошел от двери, сел и сглотнул.

- Анна! – крикнула Дана.

Дверь отворилась и внутрь заглянула администратор.

- Принеси воды.

Администратор кивнула и мягко затворила за собой.

- Ну и порядки у вас мусо..., ой, полицейских, нынче. Раньше не войти было в ментовку, от ссанины глаза резало. А они ничего, работают...

- Первое, мы не из полиции, - оборвал Маркел.

Волу подурнело от резкого и безучастного голоса.

- Второе, у нас есть предложение. Лучшее в твоей (Маркел покривился) жизни, – сказал он и повернулся к Дане, - но сперва нужно привести его в договороспособное состояние.

Вол млеял на просторном диване. На лице его покоилось нагретое паром полотенце. В сонном мозгу, словно теплые бархатные шарики, нежились впечатления. Вол глубоко и сладко вздохнул, вспоминая извлекательную капельницу, которая по волшебству сняла похмелье, да так чудесно, словно он пару месяцев постился, а не бухал. Затем была турецкая парная, ароматные ванны, обертывания, тело умащали маслами, и тонизировали кожу приборами, чтобы потом три азиатки отмассировали миниатюрными пальчиками каждый миллиметр тела. Каждый! Среди тумана неги надоедливый комаром кружил вопрос. Вол пытался сохранить расслабление, которое еще приятно держалось на коже, но комарья становилось все больше. Он сдернул с глаз полотенце. В креслах напротив Маркел и Дана пили чай и обсуждали некий вопрос, глядя в экран смартфона.

- Наконец-то! – сказал Маркел, увидав что их подопечный зашевелился. – Можем говорить?

Дана спрятала во внутренний карман жакета телефон и подала Волю чашку травяного чая. Вол выпил одним махом, но подобрать слов не мог, будто забылись сами слова. Дана присела рядом:

- Мы и так потеряли много времени, поэтому по сути: думаю, вам известна компания «Объединённая газовая компания». Национальное достояние и тому подобное...

- Видал по ящику, - Вол оживился тем, что нашелся ответить. - Там еще олигарх, такой мордатый, хозяин.

Дана улыбнулась, но вытянув губки усилием вернула серьезность.

- Свечкин Сергей Иванович, - невозмутимо продолжил Маркел, - наш генеральный директор.

- Покойный... - шепнула Дана.

- Покойный генеральный директор, - сказал Маркел. - Именно это обстоятельство собрало нас здесь, несмотря на занятость.

Вол поднял брови и озадаченно оглядел обоих. Дана подлила ему чаю и спросила:

- Вам ни разу не говорили, что у вас узнаваемая внешность?

- Не Аллен Делон, конечно, но в золотые года...

- Лицом и телосложением ты поразительно напоминаешь Сергея Ивановича, - сказал Маркел. - Вчера ты зарегистрировался в социальной сети, и наш алгоритм избрал тебя наиболее подходящим кандидатом на роль.

- Роль? - удивился Вол.

- Роль двойника, Валентин, - мягко произнесла Дана.

Вол насупился и втянул голову. С недоверием поглядывая на парочку, он вжался в спинку дивана.

- Понимаю, необычное предложение, - сказала Дана. - Я и сама не нашлась бы ответить и высматривала, откуда выбежит группа с камерой, хлопучками и выкрикнет: Розыгрыш! Все же, Валентин, мы не шутим. Маркел и я работаем на группу предприятий «ОГК», конкретно, мы были личными помощниками Сергея Ивановича, пока его не хватил инсульт, и он не скончался. К невероятному сожалению.

- Настолько хороший человек?

- Скорее, не лишен достоинств. Горе кроется в другом, - продолжила Дана. - Шеф умер очень не вовремя. Не то, чтобы бы могло стать вовремя, просто...

- Скоро, - сухо вступил Маркел, - состоится официальное открытие добычи на новом месторождении.

- Мне нужно перерезать ленточку вместо олигарха?

- Ленточку разрежешь далеко не ты... - ухмыльнулся Маркел.

- Открытие произойдет на самом высшем уровне, - сказала Дана.

- Сам? - спросил Вол, указав пальцем вверх.

- Теперь ты понимаешь, сколь ответственная предстоит задача? - сказал Маркел. - За работу получишь больше, чем заработаешь лет эдак за десять. Мечты сбудутся в конкретном лице. Твоем лице, Валентин.

- Всего-то нужно сыграть небольшую роль, - сказала Дана мягким голосом.

- И свободен, - отрезал Маркел. - С деньгами появятся возможности изменить, - Маркел брезгливо покрутил ладонью, - жизнь.

- Подумайте, - сказала Дана и погладила плечо Вола, - ведь Маркел прав насчет жизни, никогда не поздно изменить ее к лучшему.

Маркел поднялся и направился из комнаты отдыха. Дана улыбнулась Воле.

- Одевайтесь, девочки ждут за дверью, они проводят к выходу. Такси отвезет вас домой. Взвесьте и обдумайте предложение.

- Мы позвоним завтра, - сказал Маркел и вышел.

- Да, - сказала Дана, проводив Маркела взглядом, - не выключайте, пожалуйста, телефон. В противном случае нам придется вас искать, а это приведет к тому, что ваши близкие начнут задавать вопросы. Кстати, про по расспросы...

- Не, не, не, я могла, - ответил Вол. - Хули, все равно, блять, никто не поверит, - хмыкнул он.

- Обещайте подумать.

Обратной дорогой Вол молча смотрел на дорогу. Езда в такси среди его круга почиталось за расточительство, но глупо было бы отказываться, если водителю платила Дана. Вол не чувствовал, что едет куда-то своей волей, его тащила сила машины и расслабленное тело покачивалось в такт виражам. В кармане лежали купюры, что дала Клавдия. В соседней полосе на перекрестке остановилась роскошная машина с совсем юной девушкой за рулем. Она подушечкой безымянного пальца ровняла помаду в уголке губ. Наблюдая за ней, вместо обычного раздражения Вол ощутил тревогу. Только помяв в кулаке продуктовые деньги, он успокоился. Едва загорелся зеленый, таксист вдавил гашетку и со свистом помчался вперед. Девушка вскоре нагнала их, и взглянула на Вола. Он притворился спящим.

- Эх, эх, эх... - неодобрительно квохтала теща на вошедшего в квартиру Вола.

- Че ты, я только молоко взял, – Вол распахнул содержимое пакета.

- Ааа... - махнула рукой теща и, сквозь халат подтянув резинку трусов, поплелась к телевизору, который орал на всю квартиру.

Вол разулся и зашел на кухню. Пахло кислятиной. На линолеуме потертости с годами скрыли узор. Черная от копоти сковорода стола на черной от копоти конфорке электроплиты. Вол заглянул под крышку. Увиденное не вызвало отвращения, но запах... Принесенный пакет он поставил на стол, который был приставлен к стене таким образом, чтобы скрыть пятна плесени на обоях. «Зря пива не купил», - с сожалением отметил Вол и достал из холодильника банку корнишонов. Хрустнув огурчиком, он пошел в коридор. Двери обеих комнат были заперты, из-за каждой громко болтало ток-шоу. Вол закатил глаза, махнул и без стука вошел к жене. На собранном после сна диване возлежала Клавдия, положив ступни на подлокотник.

- Купил? – спросила она, не отрывая взгляд от телевизора.

Вол кивнул и, стянув кофту, плюхнулся рядом с женой, предварительно сдвинув ее полные ноги на пол.

По плоскоэкранному ящику «Панасоник», руине нулевых, показывали вечернее ток-шоу, где в дорогой студии дорого наряженные знаменитости (из тех, что с ходу не припомнить, чем именно прославились) орали на глупую нищенку, обвиняя в грехе, коему сами не чужды. Садясь наблюдать за подобным действием, Вол неизменно удивлялся, отчего никто не кинет гранату в это кубло. А потом незаметно для себя начинал вникать в склоку, и в перерыве на рекламу, при отсутствии зримых оппонентов, набрасывался со шквалом матерщины на бедняжку-героиню, не упуская случая вспомнить примеры из жизни знакомых, ведь у него «такого блядства никогда не случилось. Не дай бог!»

Сегодня лаялись из-за очередной провинциалки с пухлыми губами, которая по чистой случайности понесла от престарелого артиста. Ведущий в извращенном экстазе дирижировал руганью, добавляя перцу в момент, когда действующие лица собирались послать друг друга по известному адресу и разойтись.

- Я зашла: «Добрый вечер!» В ответ слышу, от этой женщины: «Патаскуха!». А я всего-то зашла сказать: «Мне ничего не нужно: ни ваше золото, ни ваши «Кайены», ни ваши сотни тысяч долларов. Только он!»

- Вас не смутил возраст избранника? – спросил ведущий.

- Он такой один, я его люблю! - тянула каждое слово бедняжка.

- Ах, ты шлюха! – выкрик из зала.

Ведущий с удовольствием оглянулся. Старик припадочно закатил глаза.

- Я не знала, что он хочет делать со мной... это! – навзрыд крикнула бедняжка.

- Подождите, я верно понимаю из этого видео... Внимание на экран! (в студии на большом экране появилась видеозапись с закрытой вечеринки) ...что это вы сидите на коленях у заслуженного артиста?

- Да посмотрите же! – крикнула одна из гостей, депутат от актрис ситкомов. – Титьками уперлась в нос, он задыхался! Истязала пожилого человека!

От взгляда на внушительное декольте депутата восьмидесятивосьмилетний артист сладострастно поджал губы, но тут же изобразил лицо Катона.

- После рекламы мы узнаем, правда ли Анжела носит тройню заслуженного артиста РСФСР! Это покажет результат нашей экспертизы! Не переключайтесь!

С первым кадром рекламы Клавдия отключила звук телевизора. Вол взглянул на жену. Она увиделась ему некрасивой, куском бесформенной жухло-розовой плоти, обернутой в пеструю тряпку, названную халатом. По комнате муха ошалело нарезала круги.

- Бомбовозка, курва! – рявкнул Вол и покосился на жену.

Клавдия лениво приподняла нарисованные брови.

- Беременная.

От слова, обращенного к мерзкой жирной мухе, у Вола подступила тошнота к горлу. Подобного омерзения он давно испытывал, возможно, никогда прежде. Он перевел взгляд на жену и образы слились сами собой: то же лоснившееся цветастое брюшко, пальцы, нервно барабанившие по пульту в замусоленном мешке.

Реклама прошла, и Клавдия включила звук. Ведущий продолжил задорно разжигать свару. Вол не слушал, он нахмурил лоб и, смотря на палас, на серое пятно вокруг дивана, на помпоны тапок Клавдии, на искореженные грибок ногти, он осознал, что увяз. Мысли закружились в голове, и каждая крепилась к другой паз в паз, будто детский конструктор. «Никогда не поздно...»

- Да, что ты мелешь? – пробурчала жена телевизору.

Вол взглянул на Клавдию, на ее бедре сидела муха, потирая лапки, потом сорвалась к окну и принялась биться о стекло, сильно, со звуком ударов.

- Говорю, уезжаю, - тихо произнес Вол.

Клавдия увлеченно смотрела телевизор.

- Я уезжаю... на вахту... на север, - придумывал он на ходу. – Калым подкинули мужики. Трассу класть по тундре.

Жена не отреагировала, просто смотрела телевизор. Вол поднялся с дивана и полез в шкаф за спортивной сумкой. Только, когда Вол начал рыскать по полкам, Клавдия заметила неладное.

- Ты че делаешь?

- Сказал же, на сервер еду класть дорогу. Вахта на месяц, деньги хорошие, - прикрикнул Вол.

В проеме появилась теща и непонимающе наблюдала за внезапными сборами.

- Костюм-то свадебный, куда? – пролепетала теща.

Быстро уложив одежду, что оставалась в относительно пристойном состоянии и утрамбовав поверх мыла и бритвы костюм, он выскочил из комнаты. Женщины переговаривались мимикой. Их немой диалог прервал Вол. Отпихнув тещу, он подбежал к окну и выпустил муху.

Вол вылез из такси и перекинул через голову лямку спортивной сумки. На улице похолодало. Из-за забора (вернее из-за крепостной стены) сквозь верхушки деревьев проглядывалась крыша с башенками роскошного дома. Парадный въезд преграждали два ряда ворот из кованых цветов, что соединялись узорами и тем скрывали внутренность двора для стороннего взора. Металлическая кнопка видеофона казалась такой холодной. Вол подышал на руки и опасливо нажал «вызов». Заднее полотно ворот чуть отъехало в сторону, и сквозь бронзовую лозу Вол увидел мужчину в черном, с лицом наглым, но учтивым.

- Я к Дане, - просипел Вол через кашель, хотя не был простужен. – Не к Дане, как Данилу, а к Дане девушке... женщине, - он указал пальцем сквозь решетку на особняк за еловой аллеей, - она там у вас работает.

Охранник отвернулся и тихо говорил в рацию. Вола не покидало чувство что, зря он полез в передрагу на старость лет. Он втянул шею в ворот куртки и достал пачку сигарет. Раздался звук полозьев, по которым поехали ворота. Вол сунул пачку обратно в карман и хотел плюнуть, но сглотнул и отправился навстречу взятому за гуж.

Неужели можно огородить столько леса? По всему видать, жил Сергей Иванович Свечкин широко. Дом он строил, чтоб не думали тягаться. Были еще конюшни на дюжину стойл, где скучали два откормленных мерина, серых в яблоко. Уж без спортивного зала да без бассейна с баней под одной крышей уважаемому человек и стройку затевать не стоит. Для меринов железных отведено два просторных гаража, а служебный врыли под землю, ибо не чета. Подальше от хозяйского дома за рощей построили по корпусу для прислуги и охраны. Решись однажды к Свечкину заехать гость, потом из наглости затребуй он ночлега, то был бы он уложен в отдельные гостевые дома, а то, видишь ли, сперва начинаешь спать под одной крышей со всякой швалью, а потом, стыдно и подумать, переводишь капитал в рубли. Ещё как грязи было статуй, беседок и площадок для игр. Вол малость утомился.

- ... всей территории гектаров шесть, - говорила Дана, ступая по тропе из мраморной крошки. – Изначально планировали докупить соседний участок леса, чтобы получить выход к речке, но Природнадзор уперся. Хотя, я не пойму, чем та земля заповеднее нашей?

Вол, не зная, что положено отвечать, кивал и озирался по сторонам.

- Сергей Иванович думал устроить озерцо для лебедей. Уже аванс перечислили, но шеф ушел от нас, и дело встало.

Они подошли к особняку. Пока гуляли, облака порядком рассеялись. Запах осеннего леса и теплый свет на пастельных листьях соединились в атмосферу дружеской доброты, когда охота натянуть шерстяной свитер и разделить трапезу под ностальгию. На террасе за столом Маркел согнулся над бумагами. В сосредоточении он даже не поднял головы. Дана оперлась на стол и мечтательно вдохнула. Вол же украдкой заглянул через Маркелово плечо.

- Сядьте, я почти закончил, - сказал Маркел, проставляя галочки по тексту.

Вол сел вместе с Даной. Она улыбнулась деревьям, где пичужки игрались в ветвях. Какое-то время просто сидели: Вол нетерпеливо поглядывал, Маркел его не замечал, а Дана вела себя, словно бы они собрались насладиться тихим днем на природе. Вол вытянул сигарету из кармана, Дана кивнула и начала беззаботно рисовать пальчиком круги на столе. Из особняка выбежала горничная в переднике и неслышно поставила на стол дорогую зажигалку и пепельницу из яшмы, украшенную витиеватым узором из золота, после она оглянула остальных за столом и не получив указаний, упорхнула обратно. Учув дым, Маркел сморщил нос и, наконец, подняв глаза на Вола, толкнул к нему стопку документов.

- Это договор о неразглашении, - объяснил Маркел. – Тебе нужно подписать, господин Волшебный. Пускай известно тебе немного, но достаточно, чтобы повредить нашему делу.

- Без проблем, - сказал Вол и начал перелистывать страницы до последней. – Да и кому мне говорить? Теще что-ли?

- Надеюсь, ты не...?

- Я - не дурак! - оскорбился Вол. - Умотал на вахту, класть дорогу. Должен буду привести хороши деньги. Кстати, что там написано по зарплате? – спросил Вол и начал искать цифры среди абзацев.

- Это договор о неразглашении, там нет условий о найме, - сказал Маркел.

- Вам придется довериться нам, - сказала Дана, - как и нам придется довериться вам, Валентин. Вы получите...

- Пять миллионов, - перебил Маркел.

Дана подняла брови, не понимая зачем он уменьшил сумму втрое.

- Устраивает? – спросил Маркел.

Лицо Вола вспыхнуло от радости, он глубоко затянулся и затушил половину сигареты. Однако, глянув на Дану, на ее опущенные на секунду глаза, он насторожился. Она заметила перемену, и сказала:

- Сумма ориентировочная, при благоприятном исходе мы пересмотрим ее в вашу пользу.

Дана указывала места по соглашению, и Вол, не читая, подписывал. Положив ручку на стол, он откинулся на диване и скрестил руки на животе. Маркел внимательно проверил документ, после сунул его в портфель и поднялся из-за стола, кивком зова с собой Дану.

- А как же я? – растерянно спросил Вол, когда помощники начали выходить с террасы. – Когда меня будут гримировать?

- Гримировать? – сдвинув брови недоумевал Маркел.

- Он имеет в виду... - улыбнулась Дана. – Нет, сегодня отдыхайте. Например, можете посмотреть телевизор. Резиденция в вашем распоряжении. Только, прошу, не выходите за ворота. Охрана предупреждена о том, что вы останетесь внутри.

- Я заложник? – спросил Вол.

- Мне не нужно, чтобы некто с внешностью Свечкина шатался по Барвихе, - сухо сказал Маркел. – Придумал, что соврать, повстречай ты знакомых Сергей Ивановича?

- Скажу, как есть: мол Валька, пришел я к другу, а вы обознались, - рассудительно ответил Вол.

- Хватит нести чушь! – резко произнес Маркел. – Сделай, как сказала Дана. Вскоре подадут ужин, после ложись спать. Обслуга подготовила комнату.

- Мы... - сказала Дана и посмотрела на насупившегося Маркела, - ...я хотела бы остаться и ответить на, знаю, ворох вопросов, но у нас еще так много дел. Дождитесь утра.

Она потрепала Вола по плечу и ушла вместе с Маркелом к воротам, где их ждали два джипа.

Вол не подозревал, что частному жилищу позволено быть настолько роскошным.

Горничная проводила Вола в столовую и усадила за стол, что представлял из себя плиту красного камня размером с ложе, которая покоилась на четырех львах из белого мрамора. Боязно было не то, что обедать за таким, прикоснуться, того гляди выбежит смотритель и отчитает за следы пальцев на полировке. В добавок, пролетарской заднице было не комфортно на тяжелом позолоченном стуле, который, казалось, при каждом движении оставляет борозды на паркете. Вскоре повар в колпаке вынес накрытое блюдо. Под куполом была восхитительно запеченная баранина с шалфеем. За обедом Вола не покидало чувство неловкости от образов музея или церковного жертвенника. Все же под конец победило блаженство желудка. Не в малой мере расслаблению поспособствовал бокал вина.

- М-да, - причмокнул Вол, обсосав ребрышко. – Девушка, можно еще? Запить, – сказал он горничной и покрутил бокал на ножке.

- Павел пересушил мясо? – спросила она, подливая вино под Воловьим взглядом за наполнением бокала.

- Павел?

- Павел, наш шеф-повар, - объяснила горничная. – Извините, следовало созвать персонал для знакомства. Меня зовут – Катерина, в доме еще работает старшая горничная – Лиля. В резиденции, помимо нас и Павла, трудятся садовники Сергей и Оксана, начальник гаража Петр Геннадьевич, банщик Игорь, начальник службы безопасности Сергей Сергеевич, полковник ФСО, и человек двадцать его подчиненных.

- ФСО? Сильно... – поперхнулся Вол. – Работаете через сутки с Лилей?

- Мы всегда находимся при особняке, наши комнаты находятся там, - она указала на деревья за окном, - в доме для прислуги, за рощей.

- Постоянно? – удивился Вол. – А как же семья?

Горничная опустила глаза, но мигом собралась и ответила с улыбкой:

- Я довольна работой, довольна условиями, и наше жилье здесь лучше, чем студия в Реутове. Я счастлива.

Вол изобразил притворное согласие и, осушив залпом бокал, сказал:

- Ну, кажись, закончил! Дана сказала, ты покажешь, куда мне селиться.

- Разумеется, Валентин Григорьевич. Ваши вещи унесли в вашу гардеробную.

Вол хлопнул себя по икрам и поднялся из-за стола, приподняв под собой стул. В большой гостиной они повстречали вторую горничную, Лилю, девушку лет немногим за тридцать с обстоятельным выражением на лице при полнейшей невозмутимости, казалось если выстрелить у ее уха, она не двинет даже скулой, только посмотрит, куда упала гильза. На ее черной форме не появилось ни одного залома, хотя время подходило к шести.

- Добрый вечер, Валентин Григорьевич. Я – Лилия, но все зовут меня Лилей.

- Была у меня классный руководитель Нинель Федоровна, капитальная была тетка. Говорят, учительницы не какают. Та вряд ли ела, - сказал он Катерине. - Окапенная ваша Лиля!

По румянцу Лиля распознала, что Вол успел принять за обедом, и улыбнулась полосочкой губ.

- Идемте, я покажу вашу спальню.

Из столовой они вошли в большой холл, далее по мраморной лестнице, которая разветвлялась словно бараньи рога в оба крыла второго этажа. Каково же было удивление Вола, когда, поднявшись, он увидел лифт.

- Зачем?

- Дом трехэтажный, - ответила Лиля. – Чтобы не нагружаться, можно подняться на лифте.

- Хм, - Вол почесал подбородок. – Наверное барахла накупят, потом не допрут.

- Что вы, Валентин Григорьевич, - сказала задорно Катерина, - покупки поднимут ребятки из охраны. Не таскать же такую тяжесть!

«Действительно...», - подумал Вол.

В холле второго этажа можно было смело поиграть в футбол три на три. На полированном полу собственное отражение представлялось Волу грязным пятном. На стенах висели картины, которые не привлекли Вола, чего не сказать о пышных золотых рамах. Они свернули в коридор, где Лиля остановилась у двустворчатых дверей. Вола удивило полное отсутствие скрипа, шарниры были словно созданы из масла целиком. Убранство спальни было знакомым. Он видел подобные в американских фильмах, с той лишь разницей, что на каждую вещь здесь вылиты ведро золота – кровать из беленого дуба с золотой лепниной и изголовьем из крокодиловой кожи, комоды и шкафы, обрамленные накладками из золота, не говоря уже о рамах зеркал, ножках, гардинах и только телевизор избежал золочения, и лишь потому, что не имел рамок. В общем, Вол не обрадовался сну в подобной обстановке.

- Там, - Лиля указала на дверь слева от кровати, - уборная. Там, - она указала на другую дверь, - малый гардероб. Ваша сумка с вещами там.

- А есть еще большой? – спросил он?

- Не настолько большой, как у госпожи Свечкиной, но вполне вместительный. Я могу проводить.

- Не, не... - отмахнулся Вол. – Вы сказали госпожи?

- Кристина Михайловна, вдова покойного.

Слово «Михайловна» повеяло на Вола унынием. Едва он избавился от одной жены, так теперь придется жить с «Михайловной». Оставалось уповать на размеры дома, которые позволят избегать жены покойного Свечкина, насколько это будет возможно.

- Она в отъезде, - сказала Лиля, поняв умонастроение Вола по его желвакам.

Вол благодарно улыбнулся и потеряв руки, сел на прикроватную тумбу. Горничные, вытянувшись, смотрели в четыре глаза. Вол не выдержал гляделок, и уставился в выключенный экран телевизора.

- Если понадобится мы или кто-либо из персонала, на прикроватной тумбе расположено переговорное устройство. Нажмите подсвеченную кнопку, и мы вас услышим, - Лиля указала на панель с клавишами на прикроватной тумбочке.

Поклонившись, горничные удались. Вол остался один. Минут пятнадцать он разбирался с пультом от телевизора, потом смотрел спорт. В одиночестве Вол посмелел, он осмотрел содержимое шкафов, посетил в туалет и признал интеллектуальное превосходство унитаза, заглянул в гардероб, где располагались ряды мужских туфель и не счесть довольно однообразных на вкус Вола костюмов (ни малинового, ни белого в полоску – уж этот-то мог бы позволить). Особенно привлекла витрина с часами и перстнями. От греха подальше Вол ограничился созерцанием.

Вол плюхнулся на кровать, которая отпружинила его в воздух. Потом испугался и скинул башмаки. Потом испугался еще раз и аккуратно поставил их у входа. На мягкой перине под вялую игру Спартака, Волу не грешно было задремать.

Вол проснулся в темноте. На часах мобильного двадцать один семнадцать. Страшно хотелось пить, еще больше курить. Жалея горничных, которые, должно быть, отдыхали после работы, он решил не тревожить их кнопкой. Вол разгладил одеяло после сна, в ванной напился из-под крана и спустился на первый этаж. Внизу горел свет, но людей не было. «Клавдия бухтела бы пока не потушила каждую чертову лампочку».

На террасе он закурил. Повсюду медленно загорались фонари и подсветка. Словно в новогодней сказке то тут, то там тьма рассеивалась и появлялись освещенные дорожки. Вол пошел по одной из них наобум. Лес звучал ночной мелодией. Встрепенулась стайка птиц и темными искрами растворилась в холодном небе. Охрана у ворот приосанилась, завидев Вола. Пространство оживало для него одного, это взволновало сердце. Не для всех, не взамен, нет, для него, просто так. Мысль, от которой ему захотелось убежать и забиться куда-нибудь между досками и бетоном. Но и там он будет обласкан, нажмет он на светящуюся кнопку или нет. Впервые за бесконечно долгое время он почувствовал заботу.

Вол добрался до крытого бассейна. Стеклянные стены были прикрыты изнутри, поэтому Вол зашел внутрь. Длинной не меньше двадцати метров и в ширину легко могли разойтись пятеро пловцов. Вода доходила до самого борта. Носком ботинка Вол потревожил воду. Наблюдая за тем, как далеко уйдет пущенная рябь, Вол заметил, что в месте касания качалась травинка с грязью. Испугавшись, он упал на корточки и принялся вычерпывать сор в водосток. За этим делом его застал банщик, мужчина чуть за сорок в оплывшем теле. Видимо банщик вошел бассейн через те же двери, что и Вол. Услышав шаги, Вол вскочил на ноги и принялся озираться по сторонам, словно застигнутый вор.

- Желаете поплавать? – спросил банщик. – Меня Игорем зовут, я присматриваю за бассейном, - он описал пальцем круг перед собой, - и баней соответственно ремеслу. Она, баня, здесь же, могу подготовить.

Вол подал руку:

- Валек... Валентин Григорьевич, - поправился Вол, - я тут дело имею с вашими хозяевами.

- С Кристиной? – удивленно спросил банщик Игорь, пожимая руку.

- Да, не... С Даной и Маркелом.

- Данку что-ли за хозяйку приняли? – хохотнул Игорь. – Маркел, это да, гонору до хозяина не далеко... Они помощники Сергей Ивановича. Теперь, видать, мутят серые делишки в период безвластия, - сказал Игорь, прищурив глаз.

Вол посмотрел на рощу через створ открытой двери.

- Хорошо у вас здесь!

- Хорошо! – закивал Игорь. – Хорошо, когда выпьешь, да еще!

Воловьёв глазки на миг заблестели, но потом он грустно ответил:

- Да было б что...

- Этого добра полно! – радушно ответил Игорь.

- Есть? – тихо спросил Вол.

- Полный погреб! Роту напоить можно – задорно сказал Игорь. – Ба... Не сказали... - разочарованно произнес Игорь. – Вот люди!

- Так, где погребок-то? – с нетерпением спросил Вол.

- Известно где. В цоколе особняка, - сказал Игорь, ткнув большим пальцем через плечо.

- Тогда пошли! – весело сказал Вол, хлопнув банщика по плечу.

- Э, не, мне в поместье нельзя, и уж подавно в винный погреб. Случай был... - сказал Игорь с грустью.

– Нельзя мне туда. Охрана заметит, а паче Лилька, вылечу отсюда быстрее, чем фанера.

Вол пошмыгал носом, соображая план.

- Короче сиди здесь, я скоро буду! – решительно сказал он и, получив кивок в ответ, выскочил на улицу.

Чтобы не вызвать подозрения, с бега он перешел на шаг, и проходя мимо взора охраны, притворился безмятежным созерцателем, что высматривает сов среди ветвей. С прищуром а-ля спагетти ве-

стерн, он вторгся в особняк и замер, прислушиваясь к звукам. Он пересек главный холл и принялся заглядывать за каждую дверь на этаже в поиске хода в подвал, но безуспешно. Расстроенный Вол вернулся к мраморной лестнице и присел на ступеньку. Лицо, исполненное глубочайшей безысходности, увидела горничная Катерина, когда наткнулась на Вола, проходя мимо.

- Валентин Григорьевич, - обратилась она заботливым голосом, - могу я вам помочь?

- Как хорошо, что ты не ушла! Мне... Слышал я, что у вас тут можно... - говорил Вол, почесывая шею.

- Так сказать, скрасить вечерок! - ввернул он с акцентом на последнее слово.

Катерина хлопала глазами, всем видом показывая готовность услужить. В предвкушении у Вола вспотели ладони.

- Отведите меня в погребок, - сказал Вол, потеряв терпение ждать, пока горничная догадается.

Они спустились на лифте на цокольный этаж. Дверям винной кладовой скорее пристало запирать хранилище с деньгами, в ней ощущался многопудовый вес и шла она не торопясь. Изнутри повеяло прохладной, затем зажегся свет. Тысячи бутылок лежали рядами на специальных стеллажах. Невиданное обилие повергло Вола в трепет. Он взглянул на Катерину, не дерзнув переступить порог. Жестом девушка предложила войти. Подняв брови, Вол подвигал кончиком носа и шагнул внутрь. Катерина прошмыгнула следом, и на манер зрителя музея, для которого шедевры будничны, принялась за ревизию запасов.

- Три, шесть, девять, десять, одиннадцать. Мадеры надо докупить... - бормотала себе под нос Катерина, вытащив блокнотик из передника.

Вол не знал, за что схватиться. Все до одной бутылки с наружности казались жутко дорогими. Обычно наведываясь в магазин, Вол никогда не мог уразуметь, зачем и, главное, для кого стоят бутылки элитного алкоголя ценою в несколько тысяч за пол-литра. Здесь же, в погребе Свечкина, имелись напитки, которых он вовсе не встречал в продаже.

- Коньяк, коньяк... - растерянно говорил Вол, озираясь.

- Возьмите «Камус», - предложила Катерина, не отвлекаясь от подсчета вин, - достойный напиток для достойных людей.

- Это который?

Катерина сняла с полки коробку из полированного дерева. Вол принял ее аккуратно, словно новорожденного. Роскошный футляр был ценен сам по себе, как изящная шкатулка.

- Одной достаточно? - спросила она.

- Тяни три, - сказал Вол, решивший, что живем один раз.

К его удивлению, Катерина преспокойно сняла еще три коробки и уложила в стоящую у двери корзину.

- Камамберу положить? - спросила она. - Сергей Иванович любил.

- Бросай, - сказал Вол, и поправился, - только пузырь, не больше! И так набрали.

- В какую комнату подать? - сказала Катерина, повестив корзину с коньяком на предплечье.

Вол отнял корзину.

- Не нужно. Тебе на смену завтра выходить, иди спать, - сказал он и торопливо пошел к выходу.

Однако, голос Катерины остановил его прежде, чем нажал кнопку лифта. Вол раздраженно обернулся.

- Сигары! - прикрикнула она.

- Что, сигары?

- Вы забыли про сигары!

- Ну так давай их поскорей, - сказал Вол, закатив глаза, и пошел обратно в погребок.

- Нет, нет, - остановила его жестом Катерина. - Для сигар в погребе слишком сыро, я принесу их позже.

Обратно в бассейн Вол шел по газонам и меж деревьев, где потемнее. Вдруг его ослепило, аккуратно как он пробирался через живую изгородь. Вол замер, инстинктивно пряча корзинку среди кустарника.

Охранник, который обходил территорию по дрожкам, недоуменно опустил фонарь и, сказав: «Здравствуйте», пошел дальше, стараясь сохранить вид, что все ordinarily. Едва хруст берцов по крошке стих, Вол затрусил прыжками и едва не врезался в стеклянную стену бассейна. Угол жалюзи отодвинулся и появилось лицо банщика. Его брови едва не уехали за затылок, от вида содержимого корзины, он помачал большими пальцами «Хорошо» и мотнул головой заходить.

- Твою мать... Пять сто пятьдесят! – едва сдерживая дрожь в голосе, лепетал Игорь.

Вол достал бутылку, вынул пробку и приложился к горлу. Сделав три глубоких глотка, он передал напиток Игорю, который взглянул на резную бутылку и, извинившись перед нею, пригубил.

- Чет, кажись, там градусов не сорок, - недовольно сказал Вол, и достав пачку своих дешевых сигарет, закурил. – Подозрительно мягко пошел.

- С ним все в порядке. Редкий министр пивал такого коньяку, - сказал Игорек, причмокивая.

- Че так? – рыгнув спросил Вол, принимая бутылку обратно.

- Так он по цене, как приора нулевая, - ответил Игорь, расширенным глазами наблюдая, как беспардонно Вол лакает премиальный напиток.

- Иди ты... - испуганно сказал Вол и тяжело затынулся, с кашлем. – Не, я просто спросил... Катерина такая: вот хороший, бери.

Игорь увидел, что собутыльник осунулся и приободряющее похлопал по спине.

- Там этого добра полно? – спросил Игорь, с усмешкой.

- Прорва, - ответил грустно Вол.

- Так никто и не заметит. Раз дали, значит, можно.

Вол с надежной глянул в уверенные глаза, как у торговца на рынке. Игорь распечатал новую и протянув Волу сказал:

- Сгорел сарай, гори и хата!

Улыбнувшийся Вол, взял бутылку и приложился, затем обнял банщика.

- Хороший ты мужик, Игорян! На, выпей, - сказал Вол, хмелея.

Пока они обнимались, в дверь зашла Катерина со шкатулкой красного дерева. Мужики разнялись и поправили куртки.

- Да, да, - произнёс Вол на манер чиновника, к которому постучался проситель.

Открыв шкатулку, Катерина предложила Волу сигару.

- Ааа? - сказал Вол, указав на Игоря.

Катерина нехотя дала сигару банщику и пробежалась взглядом по порожним бутылкам, что валялась у бассейна.

- Катка! – окликнул ее Вол, когда она собралась уходить.

Девушка вопросительно подняла брови.

- Хлопни с нами, - сказал Вол, которого развозило с каждой минутой. – Стаканев, правда, нема. Но ты так, по-нашенски. Между прочим, коньяк-то министерский.

Игорек увесисто кивнул и утер со лба пот. Словно кошка, пугаясь, но идя к цели, Катерина подошла к Волу и взяв у него бутылку, приложилась к горлу и запрокинула голову. Вол выкатил губу в знак признания. Выпив, Катерина закашлялась и бешено взглянула на Вола. Ее качнуло.

- Сигару, - сказал Вол, протягивая раскуренную сигару.

Она покачала головой и, утершись манжетой, оторвала кусок сыра. Игорь забрал из ее рук коньяк и медленно отпил, при том сведя брови, неотрывно смотрел в глаза девушки, затем протянул напиток обратно, однако, когда та потянулась, Игорь резким движением сунул ее Волу. Катерина лишь усмехнулась и вскинув руки плюхнулась на диван. Чуть склонив голову, Игорь мотнул головой, отогнав жестокую мысль, и с умением раскурил сигару.

- В одиннадцать тридцать Волшебный прибыл в банный комплекс. По камерам я видел, что он в корзине нес кучу бутылок. По пути Волшебный наткнулся сотрудника, Южова. Южов полагает, что Волшебный был пьян. Зачем-то крался по кустам, - последнюю фразу начальник безопасности Сергей Сергеевич сказал, приклонившись чуть ближе.

Дана моргала, на секунду оставляя веки опущенными. Со стороны бассейна то и дело раздавались вопли. На экране телефона было половина четвертого, Маркел перевел утомленный взгляд на Дану.

- Что? – раздраженно спросила она.

Скривившись, он зашагал к роще.

- Через пятнадцать минут к Волшебному присоединилась Катерина и до сих пор не выходила. Уверен, с ними Игорь, - продолжил доклад Сергей Сергеевич, провожая взглядом Маркела.

- Кто бы сомневался, - сказала Дана, потирая веки.

- Я еще тогда советовал гнать взашей засранца!

- Знаю, - ответила Дана и с ободряющей улыбкой взяла его расслабленную ладонь. – Но, Сергей Иванович решил вопрос раз и навсегда. Не мне рассказывать почему.

Сергей Сергеевич покачал головой и закурил. Отпустив руку, Дана побрела к бассейну. С постовой будки подчиненный вынес крепкого кофе. Держа в двумя пальцами чашку, а другими двумя сигарету, Сергею Сергеевичу вкушал попеременно.

Свернув с узкой аллеи, Дана услышала разговаривающую перепалку, затем удар о воду довольно крупного объекта. Она побежала, испугавшись.

Вол, Игорь и Катерина как могли стояли, опершись икрами на диван. Маркел бешено зыркал по лицам, звучно дыша в расширенные ноздри. В бассейне качались бутылки и окурки, на дне покоился столик. Не успела Дана войти, как через ее спину протиснулась Лиля и, увидев Маркела и троицу, остановилась, словно одернутая веревкой. Маркел обернулся и его плечи расслабились. Подойдя к Лиле, он спокойно произнес:

- Всем спать.

Он пошел наружу и, проходя мимо Даны, шепнул:

- Вызови на утро нарколога.

- Похоже, придется резервировать на месяц, - улыбнулась Дана.

Перешагнув порог, он остановился, ухмылка на его лице сменилась отрешенным взглядом в сторону.

- Вернемся?

- Уже поздно, - тихо ответила Дана. – Может, это знак?

Маркел неспешно пошел к аллее.

- Мар... - окликнула Дана.

Он обернулся в пол-оборота.

- Пусть кто-нибудь пригонит мою машину.

- До завтра, Дана, - ответил он и скрылся за деревьями.

6

Златоглазые хрущевки не освещали темный проулок, они лишь моргали безмолвно, ведь у домов нету ртов. Вол вырывался, на правой его руке мешком картошки висела жена, в левую вцепился Армен Ашотыч, и кудри со сжатого кулака на манер плюща оплетали воловье предплечье. Но не только пятиэтажки наблюдали за терзаниями, вдали под фонарем стоял юноша. Желая убежать прочь от сырости, этой тяготы, этих глаз, куда-то в тепло и пойкой, Вол рыл грязь ногами, но не на дюйм не сдвигался. Вены от натуги грелись и жарили изнутри. Без того стылая погода стремительно охлаждалась. Пытаясь согреться, Клавдия тряслась и льнула щекою к руке мужа. Армен Ашотыч надменно смеялся, и щуренные глаза без белков наблюдали, как волосы туже стягивали ладонь Вола. Кожа взрезалась, но вместо крови

вылетали искры. Вол сдувал искры, и от дыхания занялись языки пламени. Волосы Армена Ашотыча, почти содравшие кожу с Вола, вдруг загорелись. Вол одернул ладонь, и Армен Ашотыч по инерции отлетел на спину, его рука полыхала, затем огонь поглотил его целиком. Горевший заживо Армен Ашотыч метнулся и упал на борт появившегося из ниоткуда катка-асфальтоукладчика. Он не кричал, лишь скалил золоченую пасть. Клавдия жалась к правой руке. Юноша под фонарем внезапно удрал в темноту. Вол взглянул на жену. Ни жалости, ни злости. Правая рука расслаблялась. Тело передернуло, и Вол проснулся.

За окном день. Вол проснулся на кровати в одних трусах. Дернув правую руку, чтобы переместить тугую резинку трусов, он обнаружил ее привязанной к медицинскому столику, которого не было вчера при заселении, из вены торчала игла, соединённая трубкой с пакетом раствора. Поднимая другую руку, он увидел, как с нее ниспадают мягкие тканевые путы. Сев на край матраца, он нахмурил нос, но не почувствовал перегара внутри. Пить не тянуло. В комнате было довольно прохладно, Вол вспомнил сон и на миг потупил взор. Огромный давящий шар над простатой не позволил задуматься, поэтому Вол отстегнул застёжку на липучках и, потянув за собой стойку с капельницей, зашаркал в уборную, где с удовольствием облегчился. Хлопнула дверь. Вол обернулся и увидел парня с модной укладкой в белом пиджаке. Струя грохотала об унитаз, но парень не думал уйти. Дав Волу облегчиться, он аккуратно придержал его за предплечье, словно дряхлого старикашку, и проводил до кровати.

- Может, вынешь эту штуку? – спросил Вол.

- Вам следует лечь, - ответил парень, помогая Волу лечь. – Вводимая смесь требуется вашему организму.

- Кто ты?

- Михаил, из «ЛюксВита». Наша клиника специализируется на оказании помощи при отравлении веществами, и гарантирует работоспособность. Можете не сомневаться, через пятнадцать минут вы не пожалеете, что вызвали нас.

Вол пожал плечами и откинулся на подушку. Дремота еще не покинула тело, и он тотчас заснул. Казалось, через минуту разбудило тарыхтение с улицы, но открыв глаза Вол обнаружил себя в комнате одним и без капельницы. Можно было подумать, что медик приснился, если бы не подозрительная легкость. Выглянув в окно, Вол увидел Катерину. С полузакрытыми глазами, стиснув зубы, она толкала вперед огромную газонокосилку, вонзаясь каблучками в дёрн. На дорожке, скрестив руки на груди, Лиля пила чай из белоснежной чашки. Ее вороньего цвета шуба была слегка наброшена на плечи. Катерина же извивалась в цветной робе садовника, который ступая в метре позади, с жалостью глядел на мучавшуюся девчонку. При каждом ее неумелом шаге с толчком ладони садовника чуть подергивались вверх, словно готовясь ловить. Лилия обернулась, но увидела в окне едва дернувшуюся штору.

День разрушил приватный комфорт, Вол спустился вниз и снова почувствовал себя не уютно во дворце, предназначенном для него одного. Среди мраморных псевдоколонн и обильной лепнины, казалось невероятным прийти с работы, запросто плюхнуться на диван в трусах и беззаботно хлебать светлое из чебурашки. Вокруг чисто, а мебель словно из музея, как тут расслабиться? Под ложечкой затревожилось от беспомощности перед машиной особняка и той властью, коей под силу владеть подобным богатством. И вот уже Вол озирался, прогуливаясь от окна к окну, примечая возможные пути бегства. В этом занятии его застал Маркел - осунувшегося, вытянувшего шею вперед, с прищуром скребущего дряблую щеку.

- Проснулся? – сухо, но громко окликнул Маркел из другой комнаты.

Вол сглотнул и кивнул.

- Не нагнетай! Валентин и так, должно быть, на нервах, - сказала Дана, войдя в комнату. – Как себя чувствуете?

- Нормально, - стыдливо ответил Вол.

Дана улыбнулась.

- Вы это, того... - замямлил Вол, - извините за вчера, мы там отдохнули немного с... Как его? – защелкал пальцами он, вспоминая.

- Валентин, - подсказала Дана. – Выбросьте из головы, ничего фатального не случилось. Все мы люди. Да и наивно было рассчитывать, что человек способен измениться за вечер.

Вол благодарно закивал, но глаз не поднимал.

- Только прошу, сосредоточьтесь на деле, у нас очень мало времени на чудовищный объем работы.

- Пол дня в трубу! - гаркнул Маркел из другой комнаты.

Дана обернулась, нахмурив брови, и поглядела с добротой на Вола:

- Я в вас верю, - Дана потела плечо Вола. – Вы готовы?

Оправив рубаху словно солдат на утреннем осмотре, Вол повеселел.

- Ну и ладненько, идем.

В комнате, отведенной для косметических процедур, здоровяк с черной и густой как у бухарского эмира бородой поприветствовал тонким голоском. Словно хирург перед операцией он внимательно точил и раскладывал на кожаном несессере опасные бритвы. Кроме него была девушка с накладными волосами и татуировками на лице, которая была по части косметических инъекций, она готовила баночки с муссами, скрабами и бальзамами. Она увеличила себе все, что полагалось в приличном обществе – скулы, губы, грудь, попа. Одеты модно, на вкус Вола, как пидоры, и ориентация здесь ни при чем.

Для начала бородач сделал массаж шеи, чему Вол очень не обрадовался и всячески ежился, слишком уж диссонировали маскулинная наружность и подобные женским мягкие руки. Воловье лицо отпарили, побрили, потом подкрасили седину и подстригли под Свечкина (вернее под местным наркозом выщипали со лба почти все волосы, ведь покойный носил стрижку – поросшее камышом озерцо). Умощенный кремами, с теплой маской на лице Вол не обратил внимания, как его ладонь оказалась на столике для маникюра.

- Это чего? – прохрипел Вол.

- Ваши руки не куда не годятся, - не отрываясь от экрана смартфона, сказала Дана.

- Я вам петух что-ли крашенный? – возопил Вол, сдернув с лица маску. - Вы мне очко еще отбелите!

Мастера недоуменно переглянулись и вопрошающе уставились на помощников. Дана похлопала, мол, работайте.

- Какую предпочитаете депиляцию? – спросила девушка-мастер. - Мы привезли отличный состав для шугаринга, хотя, вижу у вас собственный аппарат для лазерной...

У Вола побелели щеки.

- Отложим, - улыбнулась Дана. - Сегодня по верхам.

С непривычки Вол устал и, не найдя сил проводить взглядом попу девушки-мастера, побрел на воздух, однако, не успел огонь коснуться сигареты, как Маркел окликнул:

- Идем одеваться.

- Разве я не? – растерянно сказал Вол, оглядывая себя.

Маркел жестом приказал следовать и скрылся за углом. Разочарованно сунув, сминая, сигарету в пачку, Вол трусцой догнал Маркела, который стукнув разок для формальности зашел в гардеробную, где их ждала Дана, перебирая пальцами вешалки деловых костюмов. Вручив подопечного, Маркел развернулся так, чтобы Вол не попался на глаза и вышел.

- Хорошо себя чувствуете? – как бы между делом спросила Дана.

- Дык, вроде, получше... - начал Вол.

- Выпивая с прислугой, вы развращаете их.

- Хорошо, - ответил Вол, шмыгнув носом. – Клифт подбираете? – спросил он, указав на одежду подбородком.

- Вам придется малость поднабрать, - Дана вынула пиджак и оценивающе взглянула на комплекцию Вола.

- Пожрать я всегда, так сказать, пожалуйста, - ответил с улыбкой Вол.

- Ущерб здоровью мы дополнительно компенсируем.

Дана подошла и приложила светло серый костюм к груди Вола.

- Примерьте этот от Бриони. Не переживайте, если будет несколько свободным. Отдадим на подгонку.

Увидев Вола в костюме, она осталась довольна. Вдвоем они быстро подобрали гармонирующую пару туфель и галстук. Когда Вол дефилировал перед ростовыми зеркалами, вошел Маркел.

- О! – сказал Маркел. – Ты оказалась права, в нормальной одежде он поразительно похож.

- Уверена, под ретушью разницы не найдут даже гики, что постят теории заговоров про фальшивого царя.

- Умерь свой энтузиазм! - смешливо ответил Маркел.

- Осталось подобрать часы и лук готов.

Маркел подошел к комоду и нажал дверцу, которая выехала стеллажом полным мужских наручных часов. Пальцем он пробежал по циферблатам и достал один экземпляр.

- Брайтлинги? – буркнул он, показав Дане. – Хотя, он их надевал, только собираясь подарить очередному лопуху из руководства, - ответил Маркел и протянул часы Волу.

- Дорогущие на вид! – сказал Вол, набросил часы на запястье и принялся затягивать тугие ремешки.

- Я не говорил надевать. Разбей их! – ровным голосом сказал Маркел.

Вол замер, воспринимая приказ за шутку, но не понимая, как следует на нее реагировать.

- Повторяю, разбей часы! В дребезги! – гаркнул Маркел.

- Да без б! – осканился Вол.

С размаху запущенные в пол часы оказались крепче ожидаемого, потому Вол вдобавок прошелся по ним каблуком.

- Сотка в трубу! – засмеялся Маркел. – Знаешь, я до последнего сомневался, что Валентин осмелится, - посмотрев на Дану сказал он.

- Сто тыщ? За часы? – удивлено сказал Вол, вытаращившись на подергивавшуюся на месте погнутую стрелку разбитого циферблата.

- Интересно, что с ним будет, когда он узнает, что это не рубли, - ухмыльнулся Маркел.

- В бакинской валюте? Сто штук, это же... - шепнул Вол и углубился в расчеты. - Такая вещь! Что за развод? Выставили меня на такие бабки!

- Никто не требует с тебя денег, успокойся. Считай это лишением девственности. Нельзя изображать миллиардера, пока ценишь побрякушки, - объяснил Маркел.

Маркел достал новые.

- Улисс? – спросил он, покосившись на Дану. - Вполне ничего, даже святейший не сочтет за грех...

Дана засмеялась и взяв воловью ладонь, вложила в нее часы.

- Они тоже сто тыщ? – спросил Вол.

- По-моему триста или около того? – сказала Дана Маркелу.

- Где-то так. Всех не упомянуть, - ответил Маркел.

Вол с недоверием отступил.

- Бери! – тихо, но отчетливо сказал Маркел. – Или не трать моего времени и топай обратно в свой клоповник.

- Такая роскошь, как я с ними буду? Не дай, блять, задену угол! Я ж до смерти не расплачусь!

- Валентин, - сказала добрым голосом Дана, присев на пуф, - жизнь в роскоши это часть работы. Уверяю, вы не заметите, как скоро перестанете замечать ценников. Деньги для человека в статусе покойного Сергей Ивановича, в вашем статусе, это ресурс естественный, сродни воздуху. Разве вы задумываетесь о цене атмосферы, когда дышите.

- Дык, к хорошему быстро привыкаешь, - сдался Вол.

- Вообще, Валентин, будет просто замечательно, если наши указания станут выполняться без лишних возражений! – сказал Маркел. – Все, довольно терять время на шмотье, у нас плотный график.

Дана поднялась и зайдя за спину Вола, развернула его к зеркалу.

- Вам следует привыкнуть к новому себе, - она прошла пальцами по груди Вола, поправляя лацканы. – Полюбите себя. Мужчины из народа бояться нравятся самим себе, будто наряд влияет на гетеросексуальность.

На последнем слове Вол нахмурено поглядел на отражение Дану. Она улыбнулась и хлопнув Вола по плечам, сказала:

- На такие темы пока рановато...

В шесть помощники поехали ужинать, оставив Вола в полной растерянности: отчего они не поели задарма в столовой, где готовил специально нанятый шеф. Вечерний стол состоял из супницы с борщом в аккомпанементе небольших пиал со сметаной, с рубленным чесноком, со шкварками, с цибулей и поднос с горячими пампушками, которые блестели чесночным маслом с посыпкой из укропа. А когда Лиля поднесла заиндевелый графинчик, Вол засиял. Она улыбнулась в ответ как-то подленько, и налив рюмку, унесла водку в кухню. Вол выругался ей вслед, но по-доброму, и хлопнув стопарик, с удовольствием откушал суп и просил добавки. В пиджаке он изрядно пропотел. Откушав, Вол по привычке сунулся в карман за куревом, но пачка осталась в старых вещах. Смирненно вздохнув, он забарабанил костяшками по столу. На звук пришла Катерина, и Волу доставило удовольствие, близкое к сексуальному, от осознания того, что стоит ему открыть рот, и он получит что угодно. На серебряном поносе. Еще и с улыбочкой.

- Ты побольше наседай на патриотизм, скрепы и... что там еще плебеи любят? – вкрадчиво говорил Маркел, когда Вол входил в кабинет Сергея Ивановича.

Дана смешливо нахмурила нос и поднялась встречать Вола. Книжные шкафы задавали тон интерьеру, среди них только в одном корешки отличались по размеру и дизайну. В кабинете доминировало огромное кресло, точно взятое из дворца императора галактики. Одесную рабочего стола были повешены фотографии с рукопожатиями, которые венчали два августейших портрета.

Все трое сели к столу для совещаний, что примыкал к руководительскому. Когда Вол садился, Дана с удовольствием заметила, что он расстегнул пиджак. Однако тут же ее глаз пал на жирное пятно от борща на рубашке, и она нажала на панель коммутатора:

- Катерина, почему Валентин ходит в грязной рубашке, и никто этого не замечает?

- Простите. Одну минуту, исправим.

- Давай отложим переодевания... - начал раздраженно Маркел.

- Нет! - отрезала Дана. – Валентин должен приучиться следить за собой! Поведение человека соответствует его общественному весу. Если он будет, как болван (просите, - сказала она Волу) ходить с пятном от борща, да еще и, не дай бог, не стесняться ... Эти волки учуют слабость и не побоятся испытать нас на вкус.

- Последний бокал был нелишним, - улыбнулся Марат и откинулся на стуле. – Иди переодеваться, мы подождем. Нам же некуда торопиться... - сказал он Волу.

Прикрыв ладонью пятно на пузе, Вол, точно отчитанный ребенок, быстро выскользнул из кабинета.

- Что? – подняв голос спросила Дана.

- Нравится, как ты стерженеешь, когда пьяненькая.

- В отличии от тебя, я не способна закрыться от тревоги потоком желчных насмешек.

- Ты - бесчувственный пень! –Маркел пародировал голос блондинки, растопырив пальцы.

- Вот, о чем я!

- Ты устала, - сказал Маркел. Он взял ее руку и поглаживал пальцем. - Не обязательно все контролировать двадцать четыре часа. Иногда следует послать к черту дела и отдохнуть!

- Через месяц, Мар. Месяц! Если облажаемся, отдых нам обеспечен.

- Брось, мы опять переживем трудности.

- Лишусь всего... Мне за тридцать, без денег, без детей, без мужчины, - она на секунду взглянула на Маркела, но прищурился, отвернулась. - Никто не возьмет меня на работу, эти чертовы рахиты отомстят...

- Дана...

- Это, как с фараонами: челядь надо замуровать с хозяином...

- Перестань! – крикнул Маркел и потянул стакан воды: - Он сейчас вернется, ты же не хочешь, чтобы он увидел Роршаха?

- Не очень, - улыбнулась Дана, сделав пару больших глотков.

Не стучась, вошел Вол.

- Ты стоял за дверью? – резко спросил Маркел.

Дана поднялась и встала между ними, как бы между делом. Ее глаза были прикрыты, и она еле заметно помотала подбородком.

- Уже восемь, - начал Маркел непривычно дружелюбным тоном, пока Вол и Дана садились, - давайте приступим. Наша «Объединенная газовая компания» занимает второе место по объему добычи после РосГосМосНефти. Самые крупные члены правления ОГК – это Сергей Иванович Свечкин с долей в тридцать один процент и Роберт Максимилианович Протасов, ему принадлежит двадцать восемь.

- Это его мы видели в спа-центре с дамой, - пояснила Дана. – Помните, как мы спрятались?

В голове Вола всплыла мутная нарезка из стыда, похоти и тошноты.

- Государство держит еще двадцать, - продолжил Маркел, - остальное по мелким подставным акционерам чиновников и на бирже. Что касается правления, вам стоит запомнить две фамилии – Свечкин, которого вам предстоит изображать, и Протасов, который... - Маркел не хотел материться.

- Заноза в заднице! – радостно вставил Вол.

- Вы необычайно проникательны, - ответила Дана, неумело щелкнув пальцами и указав пальцем на Вола.

- Некогда, в середине нулевых, Сергей Иваныч и Роберт Протасов основали ОГК, соединив нефтяные активы, оторванные после Совка, и деньги от спекуляций девяностых. Если Сергей Иванович начинал с кооператива по продаже пива, потом занялся «жигулями» и рыл землю, карабкаясь на верх, то Роберт Максимилианович проложил путь в большой бизнес из кресла комсомольской городской организации, - наполнив стакан, Маркел пододвинул его в сторону Даны.

- Куда с именем Роберт, как не в комсорги? – презрительно ухмыльнулся Вол. – У нас на факультете заправлял Эдуард.

- Не обманись интеллигентским именем. Вслед за путчем Протасов на лету переобулся и к исходу девяностых водил дела с Тамбовскими, которые помогали «заниматься ряд вопросами».

- Через погоны «ряд вопросы» решаются намного практичней! Только бизнес! Без лишних ритуалов, - сказала Дана. Оба с удивлением взглянули на нее. – Сергей Иванович никогда не умел работать с криминалом. Его стихия - кабинетное подобострашие: там чай попил, здесь умаслил, на юбилее засветился... Валентину обязательно знать подобные детали.

- В начале нулевых - продолжил Маркел, - Протасов пересадил волосы, сменил очки в тонкой оправе на линзы и занялся горнолыжным спортом, в десятом году не выпускал из рук яблочный планшет и пересел на гибрид. И всегда он умел поддержать молву про себя, как поборника свежей волны, чудесно стирая из общественной памяти дурной багаж. Уж точно, в России никогда не появится институт репутации... После четырнадцатого года на святой Руси стало туговато, рухнули надежды на сменяемость, либеральную команду потеснили из Кремля, народились скрепоносцы, Крым, санкции. За границей повадились задавать неудобные вопросы, указывать пальцем. А ведь наши состоятельные граждане только-только перестали ассоциироваться у цивилизации исключительно, как рашн мафия... и снова заклемили. В общем, неумолимость наступления общероссийского пиздеца нынче вопрос решенный, дискуссия ведется об отсрочке. С год назад Роберт Максимилианович опять сбросил кожу.

- Заболел что-ли? – участливо спросил Вол.

- Головой, - ответил Маркел. – Он задумал поглощение ОГК западной нефтяной компанией.

- Он же потеряет фирму, - удивился Вол.

- Напротив, - сказала Дана. – Передав контрольный пакет иностранцам, Протасов планирует защититься от отжима или национализации. Зарубежных партнеров через колена не перегнешь, как наших предпринимателей.

- Предвижу вопрос, - с иронией сказал Маркел Волу, - откуда Протасов возьмет пакет акций на продажу, да еще в количестве контрольного пакета?

- У него же... Сколько вы там говорили? Двадцать с чем-то процентов? – задумался Вол.

- Холодно, - ответил Маркел. – Продавать свою долю, по крайней мере всю, бессмысленно, свободные деньги в нашей стране имеют тенденцию менять хозяина. Нет, долю, процентов так пятнадцать, он сохранит. Ему нужны акции Свечкина.

- Так он ему их отдал! – сказал Вол.

- Тут мы переходим к кульминации, - сказал Маркел. Он встал, и подойдя к окну потер кончик носа, думая, как верно преподнести следующую мысль. – Новое месторождение послужит ключом в разрешении противостояния Свечкин - Протасов. Если мы справимся, и перед камерами в присутствии президента Свечкин благополучно запустит добычу, планам Протасова не суждено сбыться.

- Никогда? – спросил Вол.

- От такого удара ему не оправиться, - сказала Дана. - Протасов не дурак, он капитулирует.

- Вероятнее всего, сядет! - сказал Маркел. – Часть акций заберем мы, остальным одарим государство. Компания останется российской, а иностранцы бросят зариться на нашу нефтянку. Незадолго до смерти Сергей Иванович убедил президента в разумности данного подхода.

- Выходит, за правое дело стоим! – сказал Вол, аж привстав от нахлынувших чувств. – И всего-то нужно перерезать ленточку.

- Верно, самую малость, - сказал Маркел, косясь на Дану, которая прильнула к стакану с водой. – Мы укрепим национальное достояние и в благодарность тихо пожнем плоды. Весьма солидные.

Маркел подошел вплотную к Волу и изобразил пальцами ножницы, шепнув: «Чик-чик!» Оба захихикали и поглядели на Дану. Она глубоко задышала, и со стоном ее вырвало на стол.

Диван в гостиной был мягок, однако, покою мешала трансляция матча кубка России. Любимый Воллом ЦСКА не радовал защитой, особенно после ухода на заслуженный отдых двух прославленных ветеранов клуба, хотя и с ними, по сугубому мнению Вола, ловить в сезоне его любимцам было нечего.

- Эх, Валеру бы вернули, при нем играли! Умирали на поле! – наполненный болью восклицал Вол.

Он плюхнулся на спину и уперся в твердое основание внутри подушки. Лукаво оглянувшись, он сладострастно причмокивал, когда медленно расстегнул молнию и вынул початую бутылку виски, ее он ловко утащил из кабинета Свечкина, когда прислуга и Маркел крутились вокруг облеванной Даны. Он выпил за свою смекалку, прячась за спинкой дивана, и заботливо спрятал бутылку обратно. Послышался сухой перестук каблучков Лили. Вол неизменно встречал ее возгласом:

«Вот это телек, словно на стадионе!»

«Нет, после такой игры их на гетрах повесить мало!»

«Лиля, не смотри! Ей Богу, хуже порнографии!»

Горничная уважительно кивала и проходила мимо, чтобы ненароком не оказаться втянутой в разговор о футболе, к вящему удовольствию Вола, который жаждал скорее приложиться к бутылке.

Первый тайм кончился два-один в пользу московского Спартака. В ярости Вол выкурил две сигареты до фильтра и, едва ли не выпотрошив подушку, жадно отхлебнул раз-другой. Донышко было еще поднято, когда Вол услышал знакомое цоканье каблучков.

«Черт!» - подумал он. Он хотел бы спрятаться, но понял, что слишком стар для этого, да и должен ли Свечкин позорить себя оправданием.

Сглотнув оставшийся во рту виски, он взглянул навстречу цокоту. Незнакомая девушка, шедшая к дивану, резко остановилась и лишь кульбит руками позволил ей не потерять равновесие на высоких каблучках. Приглушенный свет не позволял Волу определить ее возраст точнее, чем юный. Как рыба она

открыла пухлые губки и ногтями правой ладони рефлекторно поправила упавшие на лицо волнистые черные крашенные пряди, потому как левая, что держала сумку, задергалась на манер тика. По телевизору спела пройти реклама средства для потенции и безалкогольного пива, начался второй тайм, а оба не отрывали взгляд друг от друга. Снова вошла Лиля. Вол, пользуясь тем, что руки скрыты за секциями дивана медленно сунул бутылку между подушек. На сей раз Лиля принесла поднос с закусками и парой бутылок содовой. Улыбнувшись девушке и поклонившись головой, она подошла к Волу и начала выкладывать снедь на столик перед диваном. Девушка перевела взгляд на Лилю, на Вола, потом снова на Лилю. Подняв голову, словно королева, она улыбнулась, обнажив жемчужные виниры и зашагала к Волу напрямик. Брови у Вола напрягались в неприятном ожидании, но девушка, словно пианистка положила с перебором пальцы на клавиатуру Вола и медленно поцеловала в щеку. Отняв губы, она улыбнулась и как ни в чем не бывало пошла к лестнице на второй этаж.

- Я буду наверху, - сказала она, обернувшись по пути. Ее голос предательски обнаруживал пересохшее горло. - Не представляешь, насколько выматывают перелеты в нанятых джетах.

Дождавшись, когда девушка ушла на достаточное расстояние, Вол спросил шепотом у Лили:

- Это кто?

- Кристина Михайловна, - не поднимая глаз от выкладываемой еды ответила Лиля.

- Чего вы мне голову тогда морочили вчера про жену Свечкина? – с негодованием сказал Вол. – Она совсем не старуха!

- Разве мы говорили про ее возраст? – растеряно спросила Лиля, не понимая вины.

- Ну, не вертись! Я же помню посыл, как вы говорили: «Михайловна», мол, - Вол изобразил старушечий голосок, - «Михайловна». Как тут понять?

- Просите, Валентин Григорьевич.

- Ладно, кто старое помянет, - сказал Вол, чувствуя, как тревога сменяется опьянением. – Знаешь, ее лицо показалось знакомым. Хотя, девки сейчас все на одно лицо, вон утром такая же была сочная.

- Она по телевизору пела и по радио... - начала Лиля.

- Дай угадаю, - остановил Вол, - Черт, как оно там... что-то там-там-та-та... про караты и брильянты.

- Да, да, - улыбнулась Лиля. - Но продюсеры уже собрали новый состав, - и поднес ладонь к губам тайком, шепнула: - Она аж из позапрошлого.

- Какой год?

- И сама не помню. Лет пять, по-моему, тому.

Лилин поднос уже опустел, и она, прижав его к животу, стояла в ожидании распоряжений.

- Я бы ей... - признался Вол, на секунду отвлекшись на объявленные замены после перерыва.

- Так... - недоуменно ответила Лиля, показав рукой путь к лестнице.

- Да, не, - смущенно ответил Вол, не решаясь принять даже мысль о вероятности подобного исхода.

– Парикмахерша с утра тоже была ничего.

- Какая парикмахерша? Не упомяну.

- Прокол с вашей стороны, - ерничал Вол. - А если бы она из сервиза ложки потырила? С вас бы потом высчитали. За этими девками нужен глаз да глаз!

Лиля пожала плечами и затем подошла поправить разбросанные по дивану подушки. «Проверяет, курва! Унюхала», - подумал Вол и отмахнулся от протягивающейся Лилиной ладони.

- Нужно ли вам чего-нибудь еще? – спросила она, отойдя.

Вол замотал головой и проводив Лилю глазами и достал спрятанный бутыль. Смотреть футбол нервов не осталось, поэтому Вол включил ежедневный вечерний срач про Украину и закурил.

Изрядно захмелев к часу ночи, Вол вспомнил о мужском естестве и законных потребностях, на кое уголовный закон смотрит с подозрением, а природный разводит руками. Настроившись вживаться в роль олигарха, Вол презрел лестницу и поднялся на лифте. Омытое алкоголем сердце билось словно у школяра перед свиданием. Вол крадучись добрался до спальни и положив влажную ладонь на дверную ручку, замер, прикрыв глаза. «Я хозяин нефти и (отчего-то) пароходов, чтоб тебя дери!» - подумал он, резким

усилием толкнул дверь и влетел в темную спальню. Пыл взвился при виде огромной кровати, которая ночью показалась ему величавой, словно жреческий алтарь. Подобно ворю он аккуратно ступал шаг за шагом, вытянув руки. Коснувшись простыни он едва удержал вздох напряжения. Однако гладь одеяла была нетронута и верно не содержала под собой ту, кого желал, а вернее, трепетал встретить Вол. Выдохнув, он упал на колени и плюхнул голову на матрас. Слюни потекли на ткань шелка. Стыд от малодушия вводил в уныние, что он самозванец и никакой не олигарх и, подрядившись на непосильное дело, он подвел Дану и Маркела, и все узнают о его ничтожности, и даже фура зажигалок не оттянет всеобщего презрения. Застонав, он откинулся на спину, снес прикроватную тумбочку. Вещи звонко катились по паркету. «Плевать, завтра откроюсь! Не по силам ноша! И в шею меня!» - думал он, ощущая боль от ушибов и тем утешаясь воздаянием. С закрытыми глазами он валялся, пока не щелкнул затвор двери. Вол устыдился поднять веки, да и все одно тьма.

- Что с тобой? Упал, когда залезал? – прозвучал девичий шепот.

Перед собой он увидел изогнутый силуэт. От нее пахло сладким тропическим кремом.

- А? – всего-то смог выдавить из себя Вол.

- Это Кристина, - девушка водила пальцами по торсу Вола, ища повреждений. – Давай подниматься.

С ловкостью она подхватила за подмышку и перевалила Вола на кровать. Закинув его ноги, она забралась сверху и начала стягивать с пьяного одежду. В разуме Вола пронесся флешбэк из далекой Абхазии восемьдесят девятого. Пока Кристина разбиралась впотьмах с пуговицами рубашки, Вола показалось, что мягкое тепло меж ее ног вещает: «Нет, Валек, ты не говно. Судьба дает, не плюй в эти руки. Не будь падлой». Робко он коснулся упругой талии. Кристина отняла руки и замерла, испытывая на себе взгляд, который различим и в темноте. Вол прикоснулся к чашечке лифа и пальцем через ткань погладил твердый от прохлады сосок. Кристинин взгляд упал на волосатую руку.

- Можно? – тихо спросил Вол.

Кристина взялась за его ладонь и крепко стиснула грудь, затем поднесла его ладонь к лицу и положила указательный палец меж влажных губ.

Проснувшись утром, вместо сопевшей Кристины Вол увидел катетер в вене, с удовлетворением провел языком по влажному небу и, улыбнувшись, позволил себе нежиться еще пятнадцать минут.

7

Когда сахар был размешан, рисунок пенки капучино напомнил Союз. Прибалтику - нахуй. Следом отрезаны Закавказье, Назарбаев, бульбаши, хохлы (часть украинской пенки уцепилась за кончик золоченой ложечки) «Це Крим? Чи наш, чи ни? Ды-дыщ!».

- Не отвлекайтесь! – шикнула Дана, толкнув коленкой ножку стула, на котором сидел Вол.

Вол приподнял брови и большим глотком осушил чашечку, которая звонко ударилась о блюдце, чем привлекла взгляды помощников, сидевших по обе стороны за тяжелым столом времён Наполеона III, и старика-профессора у доски, купленной в ближайшем кацмаркете. Профессор недовольно крякнул и продолжил с пафосом:

- Спиндлтопском... В 1901 году на Спиндлтопском холме из примитивных буровых вышек впервые забили нефтяные фонтаны. До той поры нефтедобыча представляла собой авантюру, которая во многом держалась на энтузиазме первопроходцев. Путь освоения нефти, начатый еще в античности, был тернист. Однако, когда весь штат Техас, а затем и мир увидел, как сто тысяч баррелей в сутки бьют из-под земли на протяжении чуть более недели, тогда родилась великая индустрия! - старик мечтательно почесал лысину. – Это похоже на библейскую историю. Фома уверовал, только узрев раны господни. А фонтаны высотой в метров десять, знаете ли, уверяют лучше отверстий.

Профессор сконфуженно достал скомканный носовой платок и высморкался, а сам уголком рта позабавился вверченному богохульству.

- Так, - профессор принялся стирать с доски написанный материал, - новая тема: «Начало отечественной нефтяной отрасли». В лекции мы рассмотрим и знаменитые бакинские месторождения, двадцать шесть бакинских комиссаров упомянем вскользь, и про Нобелей, про Ротшильдов – российская нефть, одним словом, - прыснул он на последней фразе.

Услышав начало новой лекции, и прикинув, что предыдущая длилась бесконечных два часа (благо имелись часы, в которые Вол обычно заглядывал дважды за раз – сперва узнать время, а следом удостовериться, что он не разбил их, когда возвращал руку на стол), Вол исторг полный безысходности выдох, переходящий в сдавленный стон, вслед за которым он собрался и втянул полными ноздрями. На подобное желудок отреагировал бодрим рыком. Вол нахмурился и шлепнул провинившееся пузо.

- Иннокентий Маркович, - сказала профессору Дана, - прервемся на сегодня. Многовато информации для неподготовленного ума.

Маркел улыбнулся, изобразив пальцами взрыв головы.

- Я принес литературу для самостоятельного изучения, - вспомнив, сказал профессор. - Как заказывали: Ергин, Норман Хайн, Леффлер, Тарбэл.

Пока Дана отошла полистать книги, Маркел придвинулся к Волу:

- Ты бы поосторожнее с Кристиной. При бэби внешке, она хитрая сучка, - прошептал он, прищурился глаз. – Кристина вторая жена Сергея Ивановича. Первую он вышвырнул после двадцати пяти лет брака, хорошо мы убедили дать ей содержание, чтобы исключить риск увидеть ее в ток шоу.

- Понимаю, - с серьезным выражением закивал Вол.

- Вообще, ты молодец, шанса не упускаешь, - ухмыльнулся Маркел, достав телефон. – С другой стороны, попробовал дорогую женщину тебе на пользу. Помню, как первое время шарахался от всех этих телок, что вились вокруг шефа и его партнеров. Уф!

Вол навалился на подлокотник и приготовился слушать историю, но Маркел молча уставился в телефон. Вол развернулся, а Дана плюхнула перед ним стопку томов. В ответ на постное Воловье лицо Дана развела руки:

- Лучше вы прочтете это дома, чем выглядеть олухом в разговоре. Не забывайте, Сергей Иванович двадцать лет в отрасли. Был. Нельзя заниматься нефтью и не упоминать о ней. Вот чем вы занимались? Дорогу укладывали?

- Работник дорожного строительного хозяйства, - ответил Вол, поправив галстук.

- Разве вы с коллегами не беседовали об асфальте и о... не знаю... - Дана оглядела вокруг себя, но решительно ничего в богатой комнате не могло натолкнуть на мысль о дороге.

- Асфальтоукладчиках, - буркнул Маркел, не отрываясь от телефона.

- Вот! Об асфальтоукладчиках потолковать за стаканчиком, - сказала Дана.

- В гробу я видал сучий каток после смены. Я бухаю, чтобы забыть, - грубо ответил Вол, и зачем-то схватил книгу и принялся ее листать, глядя на слова, как на картинки.

Распровавшись с профессором, помощники на сей раз составили компанию за обедом, и вместе с Волком спустились в столовую. Подавали стерлядь, припущенную с вином и тимьяном, к ней медово брусничный соус, в качестве гарниров спаржа, кабачки и картофель с узором гриля. На закуску предлагались молодые сыры, салаты, сбрызнутые горьким оливковым маслом первого отжима, которое Сергей Иванович гнал джетом из поместья в Тоскане близ Лукки. Бутылочка зрелой мадеры серсиаль и органическая ледниковая вода для вспоможения в поглощении яств.

- Говорила мне мать, ешь пока есть, - сказал Вол, вытирая уголки рта перед едой. – Я осетринку последний раз при Горбаче едал, - пояснил Вол, и избрав ложку в качестве инструмента, первым делом отхватил голову и переложил ее в общую миску с салатом. Далее, ведя ложкой вдоль хребта, он развалил напололам уложенную дугой рыбу и орудя ложкой плашмя разломал филе на мелкие кусочки. Понюхав кусок спаржи, Вол поморщился и положил ее обратно, зато слайсы картофеля он пересыпал через край в свою тарелку, завалив ею рыбу и плюхнул блюдо обратно, задев соусницу, которая опрокинулась, и залила центр скатерти алой жижей. Стакан до половины наполненный водой Вол выпил залпом словно

водку и, дыхнув внутрь, наполнил до краев вином, пустой бокал для вина он отодвинул на свободный край стола. – На всякий, - улыбнувшись, пояснил Вол.

Помощники, не проронив ни звука, наблюдали за приготовлениями Вола и, наконец, когда он сунул в рот пласт картофеля целиком, Маркел положил вилку на стол, и нажал кнопку вызова прислуги. Появилась Катерина.

- Унесите, - без эмоций произнес он.

- Э! – непонимающе воскликнул Вол, жуя. – Куда так быстро? Мы ж не в армии за пять минут жрать!

Катерина, выслушав Вола, посмотрела на Маркела. Тот кивнул, и горничная принялась уносить блюда на кухню.

- Не подумали... - сказал Маркел Дане.

Дана задумчиво покачала головой, и поднялась из-за стола.

- Даже рта открывать не понадобится, - сказал Маркел.

Дана, поджав губы, подошла к окну. Меж тем Вол наблюдал, как Катерина бежит из столовой в кухню и обратно. Он не понимал в чем провинился, но смотрел на помощников словно пес, обоссавший диван, на всякий случай жалобно.

- Катерин, - обратилась Дана, когда горничная в очередной раз появилась в столовой. – В августе мы заказывали кейтеринг по случаю выхода коллекции золота Кристины. Помнишь компанию?

- «Артишок групп», - ответила Катерина.

- Так, - сказала Дана, взглянув на часы, - сейчас пол первого. Мне нужно, чтобы сюда привезли каждое блюдо из того банкета, вплоть до закусок и десертов. Вина не заказывай! В принципе, не важно, «Артишок» это будет или кто еще, я хочу, чтобы заказ был достойного уровня и доставлен в восемь. Знаю, будут уверять в невозможности. Привлечи Лилю, она посторожится.

Катерина заморгала, соображая, и кивнув в знак, что указание было понято, ушла с подносом на кухню.

- Закатим пирушку по случаю? – спросил Маркел.

- Да, Валентин не умеет многого... - начала нервно Дана, - ничего, но если впряжёмся сразу, то...

- Да понял я, что ты собралась учить, - улыбнулся Маркел, поднявшись.

- Придурок, - негромко бросила Дана и вышла на улицу.

Проводив глазами, Маркел взглянул на Вола, который выкатив губу пожал плечами и закурил.

- Бабы... - выдув струю дыма, философски произнес Вол.

После обеда Вол был отправлен в домовую библиотеку изучать методы добычи нефти. Вопреки ожидаемой скуке он усилием одолел введение и, добравшись до описания технологий, порядком втянулся. С зари цивилизации люди добывали сочившуюся на поверхность нефть. Ею смазывали корпуса лодок, использовали в качестве зажигательной смеси: наполненные нефтью горшки метали во врага, особенно прославился средневековый напалм – греческий огонь, испытанный византийцами в морских баталиях. Неожиданное применение нефти нашли в древней медицине Азии. Нефтяными компрессами и ваннами полагали излечить некоторые болезни кожи и суставов, впрочем, нефть назначали даже внутрь. Особенно прославился сорт нефти Нафталана из одноименного города в Азербайджане, где и по сей функционирует здравница.

В Румынии простой люд добывал нефть из вырытых вручную колодцев чтобы изготовить кустарный керосин для освещения хат. В середине XIX века в западноукраинском Львове была изобретена керосиновая лампа, что заслужила популярность по всему миру. Именно лампа и позднее разработанный на ее базе примус создали глобальный спрос на керосин, что обрекло мир на эру углеводородов. Для преодоления растущего дефицита нефти следовало изобрести более продуктивный способ нежели зачерпывание ведром из углубления в земле. В том же XIX веке по всему миру внедрились технологии добычи соли посредством бурения. Сложив один плюс один, мы получаем первые буровые вышки для добычи нефти. Пробурив скважину, пионеры нефтедобычи опускали туда штанг и при помощи насоса откачивали нефть.

Сегодня большая часть добычи осуществляется именно с помощью станков-качалок, когда сеть автоматизированных насосных вышек тянут сырье из месторождения. Однако, всё изменилось, когда очередной бур добравшись до нефтеносного пласта взмыл в небо, и из скважины оглушительным ревом вырвался природный газ, а следом ударил нефтяной фонтан в дюжину метров. Черный маслянистый дождь омывал лица танцевавших бурильщиков, что торжествовали сорванному кушу. Бывало, что фонтан воспламенялся, тогда адский гейзер бил неделями и даже годами, пока нефтяники не подвозили достаточно взрывчатки, чтобы взрывом сжечь кислород и этим единственным способом потушить огонь. Остается только подчинить фонтан своей воле, запереть и приладить трубу, а давление в подземном пласте делает остальную работу. Потом добытый объем из резервуаров хранилищ нужно доставить к заводам, которые обычно находятся в удалении от скважин. Первыми помощниками служили конные повозки, затем железнодорожные составы. Однако поезда не удовлетворяли потребностей целиком, в добавок рельсовое полотно тоже не всегда находилось вблизи региона добычи. Революционным и одновременно простым изобретением стал трубопровод. Изначально деревянный, а затем выполненный из высококачественных металлов, нефтепровод доказал эффективность, а главное, несравнимую дешевизну транспортировки. Со временем, когда давление в скважине неминуемо иссякнет, нефтяник помещает на скважину станок-качалку либо можно подать природный или любой другой газ, в том числе воздух, который создаст искусственный избыток давления в пласте и вытолкнет нефть на поверхность.

Развернув добычу на суше, человек обратил взор к морю. Нефть находится глубоко в породе под землей, потому без разницы есть ли на поверхности вода или нет. Понимая это, после Второй мировой войны компании начали обкатывать технологию прибрежной добычи с помощью нефтяных платформ. Конструктивно платформа состоит из фундамента-основания, от которого под углом на поверхность поднимаются башни, образуя усеченную пирамиду. Венчает конструкцию палуба, на которой крепится нефтедобывающая вышка, резервуары и прочее оборудование. На больших глубинах используются полупогружные платформы, где ввиду проблематичности возведения стационарных башен, были разработаны специальные многотонные якоря, удерживающие платформу на прочных тросах. Команда работает и живет на вышке, как на обычном корабле, разве что снабжение поступает с берега. Глубоководные водолазы обслуживают установку, а после отсиживают несколько дней в барокамере, иначе кислород их крови может закупорить и разорвать сосуды. Арктические платформы строят поверх искусственных островов из песка. Транспортируют добытую на шельфе нефть курсирующие танкеры либо прокладывают трубопровод до берега. Вол заснул.

В холле горничные расставили пять рядов сервированных столов, правда без стульев, зато точно в срок. Вол расхаживал мимо блюд, которые возбуждали не аппетит, а робость.

- Объехали все рестораны. Нашли не все. Теперь по городу пойдут разговоры: что за повод у банкета Свечкина и почему никого не позвали, - оправдывалась Лиля, румяная от беготни. – Выручил Паша, взял на себя часть списка по мясу.

- Пришлось изобретать из тех кусков, что были в запасах, - сказал шеф-повар, его глаза бегали по столам, проверяя все ли в порядке.

Дана пожалала персоналу руки.

- Я рассчитывала на меньшее, - сказала она, - потому запросила сверх меры.

Ад разверзся и следующие три часа Волу приходилось повторять из раза в раз, как правильно выкрутить ногу камчатскому крабу; что красный сок в стейке средней прожарки это не кровь; как следует сбрызнуть мидию лимонным соком, но прежде нужно справиться у официанта о свежести, и, если не дай бог они выловлены раньше, чем этим утром, изобразить искреннее отвращение и заказать вина и сыра. Столовые приборы давались особенно непросто, нажитое мировоззрение Вола яростно сопротивлялось приятию факт наличия на столе пяти вилок от малых до больших, да еще с разным количеством зубцов. Взращенный советским обществом Вол знал, что нож либо был, либо отламывали руками. Десертный и обеденный он предложил хотя бы пометить цветом для ясности, есть держа в левой руке вилку было сродни пытки, а с какой стати некий грамотей придумал извращение, что кусать по-человечески хлеб это

нельзя и некультурно, хотя оно и понятно, третьей руки, чтобы держать булку люди еще не отрасли, поэтому следует отложить приборы, отломить кусок, и положить его в рот, затем взять приборы, откусать блюдо и так по кругу. Сущий ад.

- Зачем три бокала, да еще на хрупкой ножке, если прогрессивное человечество давно изобрело граненый стакан, из которого и компот, и белую хряпнуть можно? – воскликнул Вол.

Стоически храня спокойствие Дана сдвинула воловьи пальцы с чаши бокала к нижней части ножки. Маркел тем временем, расхаживал по холлу, не прекращая говорить по телефону.

- Зачем вы процеживаете вино? - спросил Вол, наблюдая, как Дана пропускает вино через декантер. Дана открыла рот, но не знала, с чего начать, а Маркел, пожав губы, покачал головой.

- Заказывая вино, предлагайте выбор спутнику либо небрежно велите официанту принести что-нибудь достойное. Однако в этом случае, осматривая предложенное вино, разочарованно выдохните и снисходительно согласитесь, - объяснила Дана.

- Снобизм лучше дурного вкуса! – приложив ладонь к микрофону сказал Маркел и продолжил разговор.

С забитым брюхом и головой Вол был отпущен в начале десятого. Намаявшись уборкой, горничные разошлись по своим комнатам в доме для персонала. С тишиной в особняк вернулась неестественная пустота рыночной площади после заката. Вол узрел в затишье шанс, однако, винный погреб заперли на ключ, а прежде расставленный по дому алкоголь был заблаговременно снесен горничными в погреб. Тоска. По телевизору Соловьев верховодил руганью вяло, точно пребывая мыслями на безмятежном берегу Италии. От безделья Вол подался в столовую, почесывая живот, но вид еды вызвал отрывку. Кристина уехала засветло. Да и трезвым Волу была чужда похоть.

- Пу, пу, пу... - выдохнул Вол.

Он вышел на террасу. Ротанговым креслам он предпочел ступени. Закурил сигаретку по-армейски, угольком внутрь ладони. С неба падала дождевая взвесь. Глубокие затяжки обожгли язык. Вол втянул шею спасаясь от ночного холода. В доме тепло, сыто, безопасно - скучно, а на влажных ступенях с мокрым задом можно превозмогать стихию подобно горцу. Мужчины с гор — это, прежде всего, достоинство. «Нормально» подходит женщинам и офисным крысам, уж лучше по-русски хреново, так веселей. Вол плюнул на уголек и щелчком пульнул в сторону бычок. Озябнув, поднял ворот пиджака. Постоял немного, с телефона зашел в соцсеть для одноклассников. Профиль уже разблокировали, Вол полистал мемы, нажал значок переписок. Единственный диалог со школьной подружкой Машкой он удалил. Сперва Вол хотел написать, но той самой Машки уже давно нет. Волу было тягостно продолжать одиночество, поэтому он набрал номер жены.

- Привет.

- Здравствуй, - интонация приветствия Клавдии больше напоминала вопрос. – Добрался до своих северов?

- Буквально вчера, - ответил Вол, почесав макушку. Зубами он вынул сигарету из пачки и закурил. - Уже начал осваиваться. Бумаги подписали.

- Скажи, что за место? Уехал в спешке, как на расстрел.

- На Ямале. Поселок Дружный, - сказал Вол первое пришедшее на ум название. – Говорил же, дорогу класть будем на трассе и участок к ... - Вол несколько раз пыхнул сигаретку, думая, - к станкам-качалкам.

- Это что за напасть?

- Ну как же, не видала ни разу? Такие вышки, нефть качают, у них башенка и колено туда-сюда, вверх-вниз. Не смекаешь?

- Поняла, поняла, - отбрехала Клавдия. – Не обманут?

- Контора богатая. Нефть, как ни как. Очень уж хотят сделать дорогу ладную, бабки вряд ли станут проблемой. Робу дали хорошую, - Вол поддержнул шлицу рукава, чтобы протереть циферблат, - дорогу.

- Богатеи, наоборот, самые жаднющие. Смотри, чтоб не облапошили. Нам тебя вытаскивать не на что.

- Не переживай, приеду, как царь.

- Руководитель хороший?

- Двое, оба молодые. Пацан и девчонка. Верно пристроили отцы со связями. За девчонку не переживай, мне некогда по вашему брату ходить. Работа ответственная. Тем более они, кажись, того-этого между собой.

- Нужен ты кому, ходок! – для порядку ответила Клавдия.

Оскорбленный Вол открыл рот, чтобы парировать выпад рассказом о сексе с Кристиной, особенно акцентировать описанием эталонного тела с агрессивно стоявшими сосками толщиной в мизинец, но Вол дальновидно захлопнул пасть и затаился.

- Как мать? – спросил он.

- На сад ездит, готовит грядки на зиму.

- Охота ей за двадцать километров на электричке мотаться...

- Ее оттуда кочергой не выгнать. Церкву восстановят, она там пропишется.

Вол хохотнул.

- Точно. Может пожертвовать с северных? - шутейно произнес он.

Вздохнули.

- В общем, нормально все, только тоскливо бывает одному, вдалеке от привычной жизни.

- Смотри, не пей там с горя, - поучающим тоном сказала Клавдия.

- Да ну тебя! Я про себя, а ты все про питье! – обиделся Вол.

- Про питье, это, как раз, ты – ответила Клавдия.

- Ой, хорош! – Вол наморщил лицо от неудовольствия. – Ладно, меня зовут. Пока. Созвонимся.

Он положил трубку, не дожидаясь ответа. Сперва появилась досада - не нужно было звонить. Однако, мышцы после разговора расслабились и на душе стало потеплее. Знакомый голос, который можно отключить без последствий.

8

- Собирайся, едем на обследование!

Вол открыл глаз и увидел резво хлопавшего руками Маркела.

- Сейчас восемь, - сказал Маркел, - спускайся завтракать, Лиля подготовила костюм. К девяти будь готов.

В половину одиннадцатого на вертолете они прилетели к деловому терминалу столичного аэропорта. У трапа корпоративного джета с застывшими на ледяном ветру улыбками две стюардессы со внешностью мисс и вице-мисс вселенной придерживали короткие юбочки. Вол поплыл с глупой улыбкой.

- Некогда! - подтолкнул его ладонью Маркел, и оба поднялись на борт.

Стюардессы пристегнули ремень на животе Вола, и самолет спешно взлетел.

- Где Дана? – сообразил Вол уже в воздухе. Пальцем он показал на пряжку ремня.

Маркел кивнул, и Вол отстегнулся от кресла.

- Прилетит, но позже. Мы вынуждены проводить много времени с тобой, однако, никто не освободил нас от обязанностей в корпорации, - Маркел поманил стюардессу. – Нужно поддерживать видимость, что ОГК полна сил. Тебе нужно помачать лицом на открытии, а мне и Дане нужно сделать так, чтобы оно вообще состоялось.

Вол вдумчиво закивал. Небывало улыбчивый Маркел встал и похлопал Вола по плечу:

- Выпьем? – спросил он у Вола, и обращаясь к ожидавшей стюардессе: - Джин, двойной.

На вопрошающий взгляд Маркела Вол кивнул. Стюардесса принесла два резных бокала, и они выпили, хотя Вол через поднятое донце наблюдал за Маркеловой реакцией, и когда тот с удалью бряцнул пустым бокалом о столешницу, Вол сглотнул жегший рот джин. Маркел поднял вопрошающе брови, и

Вол неуклюже принялся рассматривать облака в иллюминаторе. «Аванс получил что-ли? - подумал Вол. - Мне даже просить не смей... Побоятся, кабы не загулял». Маркеловский задор был непонятен и, от греха подальше, Вол предпочел укрыться за веками, так и уснул.

- Вы меня что, привезли в Пятигорск на минеральные воды? – когда дверь самолета опустилась, Вол увидел горы.

- Лучше, - собирая вещи со столика в салоне, ответил Маркел.

- Ну, на Аджарию пейзаж откровенно не тянет, - с прищуром осмотрелся Вол и, спустившись, втянул носом и смачно плюнул на асфальт. – Кукурузники да маломестные, как наш. Ни одного приличного. Колхоз какой-то, - Вол закурил и, разминая ноги, увидел вывеску. – Это по-каковски?

- На немецком, - ответил Маркел в створе дверей самолета. С недовольным лицом он пытался кому-то дозвониться.

- На неметчину что-ли бес занес? У меня ж заграника нет. Маркел, Маркел! Спеленают ведь нас за такие кульбиты!

- Не мельтеши, все у нас есть, - небрежно сказал Маркел и ловко сбегал вниз, когда на полосу вырулили два черных «Рендж Ровера». Он раздраженно развел руки: - Швейцарская точность, чтоб их! Верно подметил, колхоз!

Живописный Монтрё расположен на Женевской Ривьере, именно там провел последние годы Владимир Набоков, за что благодарные жители удостоили писателя монументом. Другой великий соотечественник отметился названием концертного зала. Городок манил русских в прошлом, не мудрено встретить их и сегодня. Озерный берег, заснеженные вершины, средневековая застройка с прижатыми друг к другу фасадами домов в два-три этажа и треугольными крышами. На швейцарских улицах достаток являл себя неброско, как должное. «Очень спокойно», - резюмировал Вол, жадно по-детски глаза в окно. Пенсионеры в хорошей одежде гуляют, заходят в кафе и выглядят, как обычные взрослые, разве что беззаботные. Воловья теща носит советский плащ, а ее ближайший поход в общепит состоится на поминальном обеде в ее же честь, и то, это будет пропахшая щами столовка. Наш пенсионер, встретив швейцарского, притянется к тому, и оба взаимоуничтожатся.

Руководство лечебницы привыкла к охуевозу русских клиентов, которым «императорский» номер «ну, такой себе», когда семья бельгийского монарха довольствуется «королевским» на ранг ниже. Учитывая запросы, администрация держала несколько вилл поблизости от медицинского корпуса, чтобы врачи, которым, разумеется, щедро возмещали неудобства, не тратили пол дня в дороге к ВИПам. К вилле в комплекте шел Майбах с местным водителем, но русские обычно отказывались их услуг с присущим недоверием ко всему чужому. Маркел тоже не мог позволить, чтобы мажоритарный акционер ОГК прибыл в Швейцарию, считай на парадный выезд, и не привез с собой из России охрану и домашнюю службу. Лиля и Катерина были оставлены дома, в отсутствие этих двух в особняке наступает музейное запустение, когда вроде бы роскошно, но руки на выходе лучше помыть. Машины нанимались в Евросоюзе, потому были осмотрены корпоративным спецом по жучкам и прочим шпионским штучкам.

Джипы въехали по изогнутой окаймленной живой изгородью дороге на крохотный дворик двухэтажной виллы с мансардой, размеры которой уступали даже гостевым домам в резиденции Сергея Ивановича. Кремовый фасад с черепичной крышей оттенка старой обувной кожи, потрепанная, но чистая без травинки. Вход устроен без затей, ступенька да дверь, и козырька не повесили. Вместо гаража, слева от здания обустроен навес на две машины. Горничная девушка лет тридцати встретила у входа, улыбнувшись по-нашенски широко, а в комнате, что примыкала к холлу, подскочил охранник, смотревший до того телевизор. Маркел жестом усадил обратно. Обоих разместили на втором этаже. Вол упрашивал отдать ему мансарду.

- Не по чину, - шикнул Маркел так, чтобы прислуга не услышала. - Начнут болтать, коль помощник будет жить лучше хозяина.

Еще одна комната - с балконом на заднем фасаде, с которого открывался вид на горы и озеро, оставалась пустовать.

Вслед за перекусом Маркел отправил Вола вздремнуть с дороги, принимая в расчет возраст, сам, тем временем, собрался в клинику уладить «бумажные» дела. Однако прежде он потребовал у Вола отдать злосчастный телефон, с которого все началось.

- Мы знаем, за эти несколько дней ты звонил жене, - сказал Маркел, остановив его перед лестницей на второй этаж. – Тут, кстати, есть прикольная штука, - он ткнул на приборную панель напротив перил и сверху двинулось кресло, пристроенное к монорельсу вдоль лестничного полотна – Подъемник для инвалидов, можешь кататься, если наскучит шагать.

- Мне нужен телефон, именно для того, чтобы звонить жене, - объяснил Вол. – Если я перестану сообщать, что со мной все в порядке, она заперевживает. Ей по идее наплевать, но коль положено волноваться за мужей, она и волнуется. Мозгов у неё, не Сократ. В ментовку может написать, что, мол, на северах посадили Вальку на перо. Что потом органам скажем?

Маркел кивнул и вышел из дому, а Вол сел прокатиться наверх.

К четырем Вол прибыл в лечебницу, чье стеклянно-белоснежное здание утопало в пологом холму со щепетильно стриженным газоном, заходившим на крышу. На другое здание комплекса с фонтаном и садом, расположенное у побережья озера, имелся прекрасный обзор с овальной твердыни лазарета на вершине холма. Изначально возведенная в качестве темницы к середине XIX века твердыня была передана под прибежище душевнобольных. Сегодня средневековые камни сокрыты кремовой штукатуркой с деревянной каймой, точно воинственные столетия этого горного края.

- Выше подбородок, Валентин. Ты способен купить это место, и окружающие богачи знают об этом, - шепнул Маркел, когда они входили в подчеркнuto глянцевоый вестибюль. – Запомни, первые тридцать секунд могут вознести или растоптать на годы вперед.

- Понял, нужно показать крутизну.

- Не совсем. Бедняки вынуждены день ото дня доказывать, что им разрешено претендовать на достоинство. В нашей среде уважение бесспорно, требуется лишь обозначить иерархию в комнате, а после вести себя непринужденно, ведь никому не придет в голову оспаривать ваш статус. Все как у зверей.

Разговор пресек сын владельца лечебницы, отправленный сыграть радушного хозяина по традиции русских. Он говорил по-французски, Маркел переводил.

- Je m'appelle Jean Pierre Horekoff.

- Хорьков? – радостно спросил Вол. – Русский что-ли?

Швейцарец, подняв брови, посмотрел на Маркела.

- Un moment, s'il vous plaît, - ответил Маркел и учтиво сказал Волу: - О-ре-коф, последнюю «ф» чутка потянуть. Орекофф.

- Орехов, Хорьков, какая, блять, разница! – сквозь смех сказал Вол и затем шепнул Маркелу: - Он ведь не бельмеса не понимает? Верно?

Маркел кивнул и улыбнулся швейцарцу, который тоже закивал и улыбнулся. Не первый год занимаясь приемом высоких гостей, швейцарец мигом перехватил молчание и начал заученный, но любимый, рассказ об истории клиники. Они прошли по сверттехнологичному корпусу под холмом и попали в портерный сад с фонтаном перед старым шато, где располагалась администрация лечебницы и отделение психологи. Зеленые склоны покрылись желто-рыжими пятнами, неподалеку белые мачты яхт, качаясь, блестели на солнце, которое не пекло, а грело. Садовник греб листву с дорожек. Для полной картины Волу жуть не хватало жженого запаха дачных костров с мусором. Отстав, он достал сигарету, но запалить не позволил сын хозяина клиники. Маркел пожал плечами: «Закон».

Поднявшись в кабинет директора, Вол узнал о предстоявших двух неделях программы ревитализации, которая сочетала обследование, укрепление иммунной системы, регенерацию через оздоровление тканей. Швейцарец обещал невероятный эффект путем стимуляции внутренних стволовых клеток.

- Это не какая-то гомеопатия и хиропрактика, - переводил Маркел, развалившемся на кожаном кресле Волу. – Клиника имеет безупречные научные исследования. Одним словом, Жан Пьер называет их процедуры «оживлением».

Вол, выпятив губу, глубокомысленно кивнул. Швейцарец продолжил.

- Мы проанализировали слюну, кровь и другие образцы, - переводил Маркел и на секунду остановился, заметив удивление Вола, - что вы любезно прислали заблаговременно.

Вол промолчал, припоминая сколько раз за неделю в нем побывали иглы.

- Мы, - переводил Маркел, - провели исследования в генетической лаборатории на выявление предрасположенностей и вероятностей неинфекционных заболеваний, в том числе умственных расстройств, что особенно важно для вас, как крупного руководителя, - Маркел не сдержал улыбку, - кто принимает решения на миллиарды долларов.

Следующие четверть часа они рассматривали меню, выбирали прикрепляемую медсестру и обсуждали организационные нюансы. Подписывать бумаги Маркел не позволил, сославшись на необходимость отправки в Москву личным юристам Сергея Ивановича. После швейцарец попросил Маркела удалиться и пригласил лечащего врача. Маркел возражал, ссылаясь на незнание его руководителем иностранных языков, однако, вошедший в кабинет врач поприветствовал присутствовавших по-русски, и Маркел сдался, покинув кабинет вместе с сыном хозяина клиники. Врач присел на место Маркела.

- Меня зовут Франц Шталь, я назначен вашим наблюдающим врачом на протяжении всего пребывания в клинике.

- Вы неплохо болтаете на нашем, - сказал Вол.

- Я родился в ГДР. Школа с хорошим русским, преподаватель русская женщина из Ленинграда, жена офицера из военного городка.

- Сдал вас Горбач, гусь! – исполненный глубокой обиды посетовал Вол.

Врач вежливо улыбнулся и включил экран принесенного с собой планшетного компьютера.

- Нам требуется поговорить о вашем бэкграунд, образе жизни. Как вы оцениваете качество вашей жизни?

Вол взглянул в окно.

- Если вы испытываете затруднения в ответе, - сказал врач, заметив задумчивость пациента, - то первый, который придет вам на ум, часто бывает предпочтительным.

- Да хрен его разберешь. В последнее время я взлетел, как Гагарин на орбиту. Так хорошо никогда не жил. Понятно, что все вернется на свои круги. Из князи обратно в грязи.

- У вас довольно философский взгляд на бытие.

- Угу, – причмокнул Вол. - Особенно под градусом. Сложно говорить... о чувствах. Тревожно на душе, доктор.

Сделав пометки, доктор меланхолично отложил планшет за спину и подошел к шкафчику. За дверцей стояла бутылка коньяка и бокалы.

- Прямо, как у Дукалиса в сейфе! – обрадовался Вол. – Каков подход! Сразу видно - Европа!

По ответу врач усмотрел согласие на предложение и налил Волу чуток коньяка. Дабы произвести впечатление, Вол понюхал напиток, поболтал по бокалу и разом выпил, чем заставил докторские брови подняться. Интеллигентно занюхав двумя пальцами, Вол протянул бокал.

- Начисляй! Теперь можно поговорить.

Вынужденный потакать богатым клиентам, доктор плеснул чуть больше в надежде, что столько разом Вол пить не осмелится. И ошибся. Когда Вол послал за третьей, доктор взмолился:

- Вам нужно ответить на вопросы. Мы не можем назначить курс процедур без этой беседы.

- Задавай, что ж молчишь? – недоуменно спросил Вол. – Валяй! Первым делом дело, потехе через час.

- Насколько, по вашему мнению, ваша жизнь наполнена смыслом? – спросил доктор, вернувшись в кресло.

- Мало мы приняли, чтобы сразу на эдакие темы беседовать. Давай что-нить другое.

- Насколько безопасно вы чувствуете себя в повседневной жизни?
- Тут, док, все в порядке, охраны столько, что я небольшую страну завоевать могу. Нормально с безопасностью, так и запиши.

- Насколько хорошо вы концентрируете внимание?
- Что скрывать, годы берут. Дед тут один, умный больно, лекцию читал, и, признаюсь, я периодически выпадал.

Вод поднялся за коньяком, доктор следом.

- Сиди, че я без рук? Ты сам будешь?

Доктор покрутил головой.

- Точно немец! Чтоб медик пить отказывался! Да у нас ради спирта люди в профессию шли! Давай дальше свои вопросы.

Вернувшись домой, Вол отмахнулся от встретившей горничной, поднялся на второй этаж и заметил, что дверь оставленной пустовать комнаты чуть приоткрыта. Вол зашел внутрь. Балконные дверцы были настежь распахнуты. Сквозь покачиваемую ветром тюль виднелся небольшой круглый столик. Белая скатерть, явно предназначенная для столешниц больших размеров, ниспадала на пол. Рядом стояла пара женских туфель. Опершись спиной на деревянный поручень балюстрады, Дана сидела в пол оборота ко второму стулу, небрежно отставленному. Вол первый раз видел на ней платье. Черное, под стать ночному озеру, оно переливалось от света луны и свечей. На тарелках нетронутая рыба, один бокал налит наполовину, Дана чуть касалась винной бутылки опустевшим бокалом и еле слышно звенела.

Обрадованный приездом Даны, Вол вошел поздороваться. Услышав шаги Дана с силой отставила бокал и сказав низким голосом:

- Что еще ты хочешь сказать?

Она подняла глаза и вздохнула от удивления, но сразу расслабила плечи и обновила вино в бокале.

- Да я это... - сказал Вол, шмыгнув носом. – Привет, странно, что тебя не было. Я у Маркела спросил, тот говорит: «Дана в делах». Ты когда приехала?

- Часа три назад, - сказала она, заглянув в экран лежавшего на столе телефона.

Вол присел на свободный стул и закурил.

- Опять выпивали, - прищурился, - прищурился Дана.

- Я на отдыхе.

- На лечении, это я... на работе. Я всегда на работе. Блин... - сказала Дана и хлебнула вина.

- Чего ты сидишь одна? Позвала бы Маркела.

- Чем вы не компания?

- Не нужно девчонкам знаться со стариками. Не правильно как-то.

- Вы Кристине тоже самое говорили? – сказала Дана, усмехнувшись. – Извините, это было грубо. Сложно постоянно соблюдать отрешенность, находясь в переплете чужих желаний.

Не особо уловивший мысль Вол задумчиво затыкнулся.

- Женщину постоянно хотят пустить в оборот, - сказала Дана и закрыла глаза. – Идите спать.

Вол плюнул на уголек сигареты и посчитав, что на улице слишком чисто, положил окурок в горшок с деревцем у балконных дверей. Выходя из комнаты, он обернулся. Дана налила себе еще.

- Доктор на медосмотре спрашивал, как часто у меня бывают плохие переживания: поганое настроение там, отчаяние, тревога, депрессия, - сказал Вол, стягивая галстук.

- И что ты ответил? Что тебя все достали, как обычно, - ответила Клавдия.

- Да, й... Не в этом дело. Странное чувство появилось от того вопроса. А позже озарило. Меня уже лет тридцать об этом никто не спрашивал. Как я себя чувствую? Не оттого, что мне утром на работу, а просто так спросить оттого, что я важен. Вот почему, скажи мне, если депрессия, то сразу – пидор? Может, у меня есть эта депрессия. Жить иногда тошно, не охота из койки вставать.

- Что ж тебе мы такого плохого делаем? Пьешь, гуляешь, никто тебе не указ, жена дура.

- Вот опять ты за свое.

Вол закурил и снял ботинки, чтобы лечь на кровать.

- Хотя, наверное, я заслужил такое отношение. Я тоже у тебя никогда особо не спрашивал, как твое настроение, что тебя волнует.

- Меня волнует, чтоб не банки взорвались. Остальное блажь.

- Брось, ты ведь раньше другой была. Девчонка, скромная, водку не пила совсем. Когда мы стали такими?

- Может из-за Коли? – тихо сказала Клавдия.

- Раньше, точно, - Вол глубоко затянулся и выпустил длинную струю дыма. - Клав, у тебя все хорошо?

- Не знаю. Нормально.

- Кажись, оно и есть самое плохое, когда нормально. Ладно, у вас уже поздно, я на пять минут позвонил.

- Ты где, в пивной сидишь? Голос у тебя масляный.

- Домой пришел, лег уже.

- Спи тогда, завтра на работу. Пока, Валь, - сказала она и через секунду добавила: - Не грусти там. Давай.

9

Выяснилось, что полстакана не содействуют сну. Подвыпив, засыпаешь легче, однако, под гнетом этанола нарушаются фазы сна, а через это страдает отдых. Третью ночь Вол посещал курс под руководством врача-сомнолога. Прежде Вол полагал, что чего-чего, а спать он дока, куда врач не поведал сколько всего нужно проделать для нормализации сна. Осталось только узнать, что водка пьется как-то неправильно. Из детского сада Вол попал в храм знаний, а оттуда пинком под зад прямо в дом боли под вывеской зрелость, откуда на выходе ожидает приз в виде участка земли два на полтора. От подобных мыслей к третьему занятию удалось избавиться медитацией с процедурой релаксации. Однажды пробудившись в правильной позе, Вол с легкостью встал с кровати и, потянувшись, заметил: «А хорошее, мать его за ногу, утро».

Персонально разработанный завтрак на вкус Вола был довольно скуден – поджаренный зерновой хлебец с размятым авокадо и овощи на пару, за такие деньги могли бы разориться на нормальный белый хлеб, край, молочный батон. «Говорят, полезно, - думал Вол. – Знаем, проходили. В пакет не доливают пятьдесят грамм молока тоже, чтоб не обжирались». В СПА удалось задремать в те полтора часа, что врачи массировали, облучали приборами, приятно пощипывали током. «Таки добрался электрофорез до загнивающей Гейропы», - пробормотал Вол, медсестры тактично улыбнулись. «Хоть баранами кличь, все одно не бельмеса».

Ежедневный поход к стоматологу не радовал. Последний раз Вол посещал зубоветеринарный кабинет в нулевых. Тот кабинет называть бы зубопыточным, даже от игл анестезии рот болел несколько дней. Пусть от природы крепким зубам Вола требовались по большей мере процедуры косметические, и два больных зуба вылечили в первый день, оставшиеся две недели ровняли прикус, наращивали сколы, и, разумеется, отбеливали желтизну десятков лет курения. Не столько больно, как муторно.

Обедать Вол ходил в ресторан лечебницы, несмотря на возражения помощников, которые полагали, что этим он себя позорит.

- Валентин, большевики отняли у нас Россию. Понимаете, Россию! Мой дед необычайно страдал по родине, понужденный к эмиграции в Париж. Вы счастливцев, Валентин!

Внук поколения белой эмиграции, Никола Баратин, который ежедневно благодарил бога за то, что случайно подсел за стол к соотечественнику. Мужичок за шестьдесят благообразной наружности словно

пасхальное яичко, жидкие волосики тот зачесывал через лысину на бочок, на плечи был наброшен молочный кардиган из кашемира. Вол с ходу представился Валентином, как-то боязно и непривычно называться известным именем Свечкина.

- Не знаю... Далась вам Россия? - сказал Вол, поддевая из хвоста мясо лобстера. – Что не продали, то спиздили.

- Валентин, а как же русская душа? Вам не понять мук отлучения от духовной общности с соотечественниками!

- Душа, это да. В целом народ у нас хороший, мрази только полно. Россия ведь последний оплот. За границей жизнь искусственная: айн, цвай, полицай! Не понять им порывов широкой души. Сейчас бы водки, икорки да на лодке по озеру, а мы по домам сидим.

- Положим, я могу подсобить с лодкой, - прошептал Николя и указал вилкой на окно, в котором виднелась пристань. – В Монтрё я пришел из Женевы на яхте кузена.

Вол осмотрелся и пригнулся к столу.

- Предлагаете слинять?

- Мы лечимся здесь от усталости жизни. А без водных прогулок, поверьте мне, жизнь вовсе не нужна, - ответил Николя и откинулся на стуле с видом будничным, не хватало только беззаботного свиста.

Предложение было отменное, но Вол вспомнил, что в кармане ни гроша. Упасть на хвост представлялось выходом, на крайний случай имелись часы, которые примут за немалую сумму в любом местном ломбарде. Должны же водиться евреи в Швейцарии.

- На здоровье! – воскликнул Николя, подняв рюмку водки.

- Погодь, - ответил Вол, остановив руку перед самым ударом. – Почему вы за бугром вечно говорите: «На здоровье» или еще гаже: «За здоровье»?

- Хочу поднять бокал, чтобы мы были здоровы, - неуверенно ответил Николя.

Вол оперся на борт, с задумчивостью поглядел на водную гладь, стряхнул пепел с сигаретки и сказал:

- Нужно говорить: «Твое здоровье», «Будем здоровы» или «Здоровья близким». Вы, это, только не обессудьте. Я со всем уважением. Не думайте, что я не ценю гостеприимства.

- Вот, вот! Именно это я имел в виду, когда объяснял про русскую душу! Какая манера! – воскликнул Николя, вставая. – Ваше здоровье, Валентин!

- За это полагается стоя! – Вол, поднявшись, выпил стопку, запрокинув голову. – Тепереча можно и на «ты» перейти.

- Поддерживаю! – с восторгом ответил Николя, выпил и положил в рот ложечку икры, затем сказал нечто по-французски капитану, и яхта мягко тронулась. Глядя на расходившуюся водную пену, Вол вспомнил Пицунду. Прогулочный теплоход. Навалившись на бортик, они с Клавдией смотрели с кормы на бурлившую из-под винтов пену под рокот мотора и хлопки флага на ветру. Валентин держал Клавдию за руку, что прежде, по его мнению, считал девчачьей глупостью, и что к подобным «телячьим нежностям» он никогда не скатиться. Ладони увлажнились, но Валентин не хотел их размыкать, никогда. Жаль, что Клавдия не надела тогда легкое платье, чтобы на бриз обнажал упругие бедра. Волейбольные достижения одали Клавдию университетской путевкой в Абхазию. «Лучшие ноги в моей жизни», - пробормотал Вол.

- Что вы, прости, ты говоришь? – спросил Николя.

- Я всегда любил женщин с красивыми ногами. Грудь и жопа, конечно, хорошо, но ноги волейболисток сносят чердак!

- Ты знаток, Валентин! – посмеялся Николя, погрозив пальцем. – За это выпьем. За прекрасные ножки!

- За прекрасные ножки... - на выдохе произнес Вол и, чокнувшись, выпил. – Давай сразу по третьей, в охотку, так сказать.

- Ай, черт! Давай, мой друг!

Выпив, оба откинулись на шезлонгах и глядели в ясное небо.

- Валентин, если вопрос не скромнен, прошу извинить.

- После третьей мы уже друзья. Спрашивай.

- Я заметил, что ты ночуешь не в отеле лечебницы, а в приватном шале. Вас забирает солидный эскорт. Ответьте, вы большая... - Николая пытался подобрать слово, - шишка в путинском правительстве?

- Хах, - рассмеялся Вол, - скромный бизнесмен.

- Понимаю, - сказал Николая, прикрыв губы ладонью.

Остаток бутылки ушел за приятным разговором о дамах, а благодаря ночи с Кристиной, Волу имелось, чем блеснуть. Хмельной Вол любовался горами пестрыми от осенней листвы и опрятными домиками, точно перенесенными с обложек календаря. Оглядывая с яхты пейзаж, Вол вновь ощутил чувство, испытанное в особняке Сергея Ивановича на Рублевке, тревога с примесью с юра. Вол доподлинно знал жизнь среди панельных кварталов, грязи, сушеного в пыль дерьма, что летит в лицо, плешивого газона, где у бордюра валяются окурки и смятые полторашки пива. Известна была Волу жизнь другая, с экрана: Бадоева ездит по странам, Собчак мотает миллионы, у подполковников находят миллиарды. Знал о дворцах и замках, что воздвигли в местах, где ходят женщины, что носят на груди колье с блеском россыпей бриллиантов. Где-то там Брэд Питт с Анджелиной ровными рядами зубов улыбаются своим черным ЛГБТ детям на полях для гольфа среди миллионеров с сигарами и болтают об акциях компаний в Долине. Золотой миллиард. Из золота у Вола имелись тещины коронки да обручальные кольца. Вол не был глуп, чтобы отрицать существование фэйрволла, что физически разделил два мира – грешный и непогрешимый. Оказалось, что можно вмиг преодолеть огненную стену и на яхте бороздить швейцарскую Ривьеру. Глядя из прекрасного мира, никакой стены не видать. Из прекрасного мир панельный виделся миазмом, который стоит обойти, чтобы не вызвать тошноту от дурно пахнущей кислятины. «Богатые тоже плачут, но слезы у них совсем другие», - подумал Вол и, взглянув на разомлевшего Николая, воскликнул:

- Как прекрасен этот мир, посмотри!

- Спасибо русской водке! – отозвался Николая. – Я предчувствовал застолье и запасся страховочной бутылкой. Не спуститься ли за ней в каюту?

- Кто я такой, чтобы не пить? – вторил Вол классику, а сам подумал про себя: «Какой же, черт возьми, олух!».

Попойка неожиданно прервалась в ресторане Лозанны, когда в зал влетел Маркел и Дана с двумя сотрудниками безопасности Свечкина. Вола было легко обыскать по эскротницам, которые облепили стол точно клещи. Охрана пробилась между упругих телес. Профессиональное чутье подсказало девушкам, что продолжения не будет, поэтому они растворились среди посетителей. Пьяный Вол только и успел, что выкрикнуть Николая: «Экс кузьма!», как его под руки вывели и погрузили в джип, который незамедлительно тронулся во весь опор до виллы в Монтрё.

- Валентин из нищей среды, где люди живут только сегодняшним днем. Сколько не одевай в приличные одежды, пойми, его разум состоялся на обочине, - говорила Дана, удерживая Вола от падения.

Маркел молчал и весь путь не отрывал взгляд от телефона.

10

Следующая неделя прошла по-пуритански деятельно. Перво-наперво к Волу приставили немку-гувернантку для обучения этикету. Гувернантка вечно носила при себе брошюрку в мягком переплете, и видит бог, когда она в очередной раз гневно отчитывала Вола за повторявшиеся из раза в раз ошибки, периодически скатываясь в грозные фразы на немецком, Вол опасался, как бы ему не прилетело этим пособием по лбу. Налицо культивация фобии к печатному слову.

Вояж до Лозанны не обошелся без последствий. В обеденный час Вол явился в ресторан, а Николая не пришел. Администратор ресторана сообщила, что месье Баратин по семейным обстоятельствам покинул лечебницу. Позже ходили слухи, что за выходку Баратина настойчиво попросили. Узнав об этом печальном исходе, Дана предложила отправить по женевскому адресу Николая бутылку хорошей водки и

черной икры в знак гостинца поддержки, а Вол лишь безучастно пожал плечами, попыхивая сигареткой, до которых он получал доступ только по утрам и вечерам.

За прошедшую неделю Вол сблизился с Даной, после обеда они завели обыкновение часа по полтора гулять в саду лечебницы или спускаться к озеру. За эти прогулки Дана успевала в мягкой форме экзаменовать Вола по прочитанному материалу о нефтяной индустрии и объяснить сложные моменты. Однажды разговор, неожиданно, съехал:

- Марки сортов нефти имеют два основных показателя: плотность и содержание серы. Лёгкая нефть - самая дорогая, имеет высокую плотность и низкое содержание серы, зато тяжелой намного больше по объёму на Земле. Легкие и тяжелые сорта можно смешать для выравнивания показателей. В мире признаны три эталонных маркерных сорта – Brent, добываемая в Северном Море близ Шотландии, WTI из Техаса, Dubai Crude из Персидского залива. Нефть Brent торгуется на бирже в страны Европы и Азии, к ее цене привязана Urals, Siberian Light и остальные российские марки. Американская WTI ориентирована на страны Западного полушария, потому от котировок на тexasскую легкую формируются цены на прочие марки нефти обеих Америк. Dubai Crude в основном поставляется в Китай и страны Азии, торгуется на Дубайской товарной бирже, - говорил Вол, сосредоточенно глядя под ноги.

- Какой вы молодец, - Дана хлопнула в ладоши, однако Вол заметил, что радость сегодня требовала от нее усилий. Дана глубоко дышала. Наконец, она попросила передышки и присела на лавочку.

- Что случилось? – растерянно спросил Вол. – Мне сходить за доктором?

- Не нужно, - тихо ответила Дана, ее дыхание ускорилось. – Со смерти Сергея Ивановича на меня накатывает тревога. Дайте минуту.

- Прости, Дана, что приношу столько проблем, - винился Вол для утешения.

- Ах, если б только вы были причиной забот. Валентин, моя вера в вас оправдывается, успехи налицо. Экссессы есть, но я их предвидела. Прошу же, присядьте, а то люди примут меня за больную и правда вызовут помощь!

Вол послушно сел и достал сигарету, но тут же кинул ее в урну, испугавшись, что дым навредит Данае.

- Дана, ты беременна? – шепнул Вол на ухо.

Ошеломлённая вопросом Дана уставилась на Вола.

- От Маркела, - неуверенно продолжал он, коль уж начал. – Ты сообщила ему после прилета, а он дал заднюю. Приступы тревоги...

- Нет, боже мой! – оборвала его Дана. – Говорила я, что эта Санта-Барбара у всех на виду породит сплетни.

- Да наплюй на чужое мнение! Что вам, большим начальникам, могут сделать пересуды подчиненных?

- Маркелу, конечно, ничего. Адюльтеры поднимают авторитет самца. А я из, как вы выразился, начальницы превращаюсь в заурядную бабенку.

- Неправда!

- Да бросьте! В вечер прилета я говорила, что я круглые сутки в работе. Где мне искать мужиков? Вы ведь не знаете, каково быть мною. Облечённая статусом ближайшей помощницы олигарха, я за версту распознаю ухажеров, которым плевать на то, что у меня под юбкой, не говоря уже про эфемерную душу. Нет, для них я способ подобраться к Сергею Ивановичу. Одно знакомство с ним поднимает до небес. А уж муж его помощницы автоматически получит ореол доверия, а следом теплое место. Запомните Валентин, доверие в мире миллиардов самый драгоценный ресурс.

- Ты доверяешь Маркелу?

- Спустя столько лет, только ему. Секс из потребности в первый раз показался мне вполне разумным поступком. Где раз, там и два. Оказалось, в его голове тараканов не меньше, чем в моей. Понимает, что я не могу дать ему семьи, понимает, но делает шаги. Понимает, ошпаривается и злится. Вскоре остынет, зароется в работе или отвлечется быстрой связью. Потом ни с того на Маркела накатывают мысли о возможном счастье со мной в главной роли. Вернее, не со мной, а неким образом меня внутри его идеи о

любви и счастье, каким он представляет его для себя. Маркелу нужна идиллия отношений. Парадоксально, что он избрал для этого негодную, испорченную меня. Как он не поймет, что подобное упорство равнозначно насилию?

- Долго это продолжается у вас?

- Лет пять. Я потворствую из слабости. Да и он правда хорош, да и я привыкла. Черт... Я увлеклась, – сказала Дана виновато. - Простите, что пришлось слушать всё это, нервы. Умоляю, давайте забудем.

- Конечно, конечно... - заговорил Вол.

- Черт, даже не с кем поделиться личной жизнью, кроме двойника мёртвого шефа. Какой же херней мы заняты...

За неимением алкоголя после заката Вола гасил хандру разговорами с женой. Сперва Клавдия строжила на поздние звонки, но вскоре свыкалась с мыслью, что муж работает на износ и только к ночи возвращается в общежитие. Тем более, раз звонит, значит не пьет. Уж лучше лечить тоску беседой, нежели водкой. Вся трудность заключалась в описании треволнений иносказательно. Вол нелепо подменял Швейцарию Российским Севером, но рассудок Клавдии сам помогал найти объяснение несостыковкам по опыту брака. Однажды Вол так увлекся, что выдал нечто наподобие:

- Наши девки, понимая как охерительно много у тебя денег, улыбаются точно деревенские бляди. Они бы и хвостом завияляли, если бы отрос. А эти иностранки вроде щупают тебя везде, и про карман тяжелый явно в курсе, ан нет, глядит стеклянными глазами с дежурной улыбочкой. Баба-робот, одним словом.

- Ну ты и хамло, конечно, - заключила Клавдия и подумав сказала: - Сам посуди, кто к вам женатым мужикам на Севера из нормальных девочек поедет массажистками, они в Питер, в Москву, в Европу. Там женихи водятся обеспеченные. Потому и набирают на Севера киргизок да узбечек. Из Азии, в общем. А они там, сам понимаешь, в строгости воспитаны, не чета нашим профурсеткам, у них в кишлаке с восьми лет назначен жених.

Так вышло, что захирелый мужик – основа крепкого брака.

Один из дней выдался заурядным донельзя, что Вол, не найдя чем поделиться, спросил у жены «Как дела?». После жалоб на склоки с престарелой матерью, рассказ жены сменился пересказом новостной повестки и сериальных перипетий.

Пятничным утром Вол проснулся свежим и в прекрасном настроении, что в последнюю неделю пребывания в лечебнице превратилось в норму. Вслед за скромным веганским завтраком его увезли на последний сеанс лечебного фитнеса. Под руководством личного инструктора Вол сделал растяжку и с полчаса занимался в бассейне над укреплением внутренних мышц. Выйдя из душевой, он увидел дождавшегося в кресле Маркела.

- Может съездим переодеться? – спросил Вол, приглаживая высушенные волосы.

- Не царь, чтоб к нему наряжаться. На тебе спортивный костюм дороже, чем любой из его парадных. Правда, стоит признать, что здесь это не аргумент... - сказал Маркел, поднимаясь. – Идем, Хорьков ждет.

- Сколько можно подьебывать?

- Не я назвал потомственного швейцарского бизнесмена Жан Пьера Орекоффа, совладельца клиники с полуторавековой историей, Хорьковым. Дважды!

Они вышли в сад, где бессменный садовник меланхолично сметал с дорожек опавшие листья.

- Мог бы и встретить, - недовольно буркнул Вол, наблюдая пустое крыльцо шато.

- Боится, что его снова прилюдно обзовут Хорьковым!

Вол скорчил гримасу и, потеснив Маркела, первым вошел в холл. Администратор по телефону общила о визите и лично проводила обоих к кабинету Орекоффа, который увидев дорогих русских гостей, да еще и готовившихся к отъезду, радушно вышел из-за стола и пожал руки обоим, щебеча нечто восторженное на французском.

- Рад, говорит, что зашли попрощаться, - перевел Маркел.

- По случаю и бахнуть не грех, - весело сказал Вол. - У него в шкафчике кир имеется.

Маркел осуждающе взглянул на Вола и продолжил любезничать по-французски. Сели. Швейцарец заговорил.

- Каких впечатляющих успехов вам удалось достичь с нашей скромной помощью, - переводил Маркел. – Ваш облик сияет здоровьем.

Вечером Вол подошел к зеркалу в гостиной.

- Действительно похорошел - сказал он, улыбаясь рядами ровных белых зубов. – Лоб блестит, лицо округлилось. Хоть замуж выдавай, а, Дан?

- Вон, как на него свободная Европа влияет. Всего-то две недели прошло, - сказал Маркел сидя в кресле с телефоном в руках.

- Иди ты, - сказала Дана и подошла к Волу. – Постройнел. Надо вам откормиться дома, фактура у Сергей Ивановича была повнушительнее.

- Пускай народ видит, что Свечкин отощал от забот по запуску месторождения. Прибавим рейтинг, - сказал Маркел.

Дана взяла с дивана кладч и направилась к выходу.

- Мар, я на пару часов.

С удовольствием обнаружив не востребованность, Вол заперся в комнате на втором этаже и в полюбившейся манере курил лежа на кровати. В тени комнаты он задумывался о предстоявшем звездном часе: о ножницах, перерезании ленты, рукопожатии с президентом под вспышки камер, о котором нельзя будет похвастать, авось и о перспективах, если дело удачно разрешится. Будет не разумным со стороны помощников выбрасывать на улицу такой ценный кадр. Вол поглядывал в окно на белесые вершины хребта и рассуждал, насколько бестолковое занятие есть горные лыжи. Всех делов: толкнулся и съехал вниз, затем поднялся и опять вниз. Столько расходов ради покатушек. «С жиру», - заключил Вол и хотел кинуть бычок в створ, но вспомнил об охране внизу и, тягостно привстав, дотянулся к пепельнице. По телевизору показывали на тарабарщине, Вол пробовал втянуться через действия героев, но себя перебороть не сумел. Скучно. Подремать до ужина показалось неплохим вариантом, но, как назло, не спалось, только занемела шея. На часах было четыре, после курева есть не хотелось совсем. Намаявшись, Вол спустился и велел горничной сделать чашку кофе. Выйдя на улицу, он с пол часа глазел на джипы, обсуждая с охранниками проходимость, ничего другого, в силу ничтожного понимания устройства автомобилей, он придумать не сумел, да и ребята, не привыкшие к обществу высокого начальства, тушевались, отвечая сухо. Вернувшись в дом, Вол прокатился вверх на подъемнике и, испытывая полнейшую безысходность, поплелся обратно в комнату дожидаться ужина. Дверь в комнату Маркела была приоткрыта. Вол заглянул, никого. «И этот куда-то слинял», - буркнул Вол и обернувшись распахнул дверь в свою комнату и налетел на Маркела. Тот остановил его, упершись ладонями в грудь.

- Где ты шарешься? Весь дом обошел. Идем!

Вернувшись к себе, Маркел усадил Вола за столик для напитков, бутылки были заранее спущены на пол, а столешницу занимали сплошным покровом бумаги в полном беспорядке. Маркел сел рядом и придвинулся поближе.

- Пришло время рассказать о взаимосвязях внутри элит, - сказал Маркел, и призадумавшись добавил: - Дана уверена в твоём успехе, потому уж постарайся. Назад дороги нет. Для всех нас.

Вол кивнул и послушно сложил руки.

- Что ж, с чего бы начать... Смотри, в каждом городе... Нет, скорее, так! После развала Союза во всегда считавшемся нищим государстве обнаружилось много бесхозного имущества. Первая кооперация принесла огромные доходы новорожденным бизнесменам, однако, все понимали, что на купи-продай твердого фундамента для достатка не сделать. По счастью, началась приватизация и бывшие фарцовщики с барыгами получили в собственность нечто существенное, нежели бумажки. Хотя, будем откровенны,

мало кто понимал ценность полученного добра, поэтому многие предприятия и колхозы были разбазарены по бросовой цене. Легко пришло - легко ушло. Зачем тебе станок, если ты без понятия, как наладить рынок сбыта и выстроить производственную цепочку с имевшимися специалистами и оборудованием. Барыги остались барыгами, купили завод, а через пару лет продали что смогли, остальное бросили. Так наша страна вошла девяностые.

- Ну, это я знаю, можешь не рассказывать, сам трудился в приборотехническом, на складе. Повидал, как рушат многотысячные заводы. Потом братки пришли.

- погоди ты с братками, - небрежно оборвал его Маркел. – Рынок в девяностые напоминал ту самую войну всех против всех, работать никто не умел, вели бизнес больше на показуху, сегодняшним днем. А гонору, словно каждый первый барон Ротшильд. Братки не пришли, как ты сказал, братки вели бизнес по-своему. Смысл строить пасеку, если можно отобрать готовый мед. Тем более, что пасечники сами готовы были сотрудничать. Милиция оставалась советской со всеми правилами и запретами, а страну пришел Дикий запад. Да и мало было ментов, где тут справиться с тысячами дуболомов, которых воспитал фильм про Рембо и Ван Дамма. Ну, да бог с ними. Мы тут не историю сели изучать. К нулевым хаос дал осадок. Те, кто выжили, в прямом и переносном смысле, образовали региональные элиты. В стране начали вырисовываться экономические связи, потоки товаров и услуг стабилизировались. Владельцы латифундий, заводов, комбинатов, шахт, лесов, портов осознали, что бизнес нужно вести по науке, а не по чутью. Поняли, что нужно договариваться, чтобы получить больше. Деньги в кубышку на Кипр, а зятя в областную думу. Так народился первый слой элит, на которых Русь святая держится поныне.

- А как же алюминий, газ, нефть? Там люди покруче сидят, им твоя областная дума даром не сдалась. Им подавай главную.

- И да и нет. Подожди, - сказал Маркел и взяв листок бумаги для наглядности начал чертить схему. – Это местные элиты, вокруг них кормятся чиновники и силовики. Не думай, со взаимной выгодой. Братки по большей части стали пинкертонами.

- Кем стали?

- За деньги выполняют грязную работу, на которую менты не подпишутся.

Вол, подняв бровь, закивал.

- Так что провинциальных бандитов мы в расчет не берем. О других поговорим дальше. Над местными элитами присылают надзирать губернатора, по византийской традиции не из местных. За губернаторами смотрит полпред. Потоки всегда идут снизу-вверх, сверху спускают только целевые деньги на имиджевые проекты. На онкоцентр, например, - Маркел дочертил фрагмент к схеме. - На ступень повыше забрались крупные сырьевики сумевшие приватизировать комбинаты всесоюзного значения, которые возводились стройками коммунизма. Разумеется владельцы нефти, газа, трубы. Крупные банкиры туда же. При Борисе царе перечисленные вместе с «Семьей» делили первые места, но не сегодня. Им пришлось потесниться, уступив место ребятам, которые либо в детстве вместе стреляли из рогатки Ленинградских чаек, либо остались сильно при делах со старыми Ельцинскими элитами. Элиты первого эшелона делятся на кланы, аккумулирующие в себе ресурсную, силовую и финансовую власть. Гарант выступает в роли замкового камня, что держит свод. Его роль сводится к сложнейшей роли соблюдения баланса. Заметь, не равенство доходов, а баланс интересов. Иначе, друг друга все б пожрали.

- Если элиты настолько всеильны, почему тогда по телевизору то одного министра посадят, то губернатора. Про ментов вообще молчу, и дня не проходит без новостей об очередном миллиарде под матрасом.

- Одних приходится сажать, потому что попались. Откровенно покрывать коррупцию нельзя, нужно блюсти видимость государства. Поэтому, пускай посадят, пока дерьмо не уляжется. Ты приглядишься, еще недавно чиновник отдыхал на нарах, а глядь уже в совете директоров госкорпорации. Иных сажают, чтоб не убивать. Своего рода милосердие за выслугу лет. Пойми, умных людей в принципе мало. Получив власть под конкретные задачи, дураки чувствуют запах первых дармовых денег и начинают грести непомерно, жадничают, лезут в чужие интересы. Когда набирается критическая масса недовольства, разумно прополоть грядку, иначе не миновать раздора.

- Вертикаль власти и потоков должна быть стабильна.

- Начинаешь учиться. Теперь мы добрались до криминала, - улыбнулся Маркел, покосившись, но продолжил серьезно: - Национальная преступность в нашей схеме играет роль получения серых денег и инвестирования за бугром. Америка, само собой, в приоритете. Наши любят США, и бабки работают стабильно, если делать все правильно. Вернемся к нулевым, когда ОПГ внезапно исчезли с внутренней повестки, еще недавно мафия была бессмертна, а щелк пальцем и побеждена.

- Они переоделись в пиджаки депутатов, - блеснул Вол, надеясь снискать повторную похвалу.

- Не только депутатов, но суть ты уловил верно. Группировки успешно наладили каналы, а затем произвели слияние с русскими преступными сообществами за рубежом, что возникли за время волн эмиграций из СССР. Не обошлось без крови, но, залезая в опасный бизнес, причастные осознают ставки. Таким образом, наши ОПГ преобразовались в международные преступные синдикаты. Не редко на них полагаются, когда требуется подобраться к зарубежным элитам, перенаправить потоки траффика оружия и наркотиков. На криминал можно списать любые ошибки, особенно трупы.

Дослушав, Вол задумался и достал пачку сигарет, показав ее Маркелу в знак просьбы. Маркел кивнул на открытое окно. Во время перекура оба молчали, Вол смотрел на горы, погруженный в осмысление услышанного. Маркел наблюдал за ним словно отец, впервые доверивший руль малолетнему отпрыску.

- А мы куда входим? – сухо спросил Вол и закашлялся от дыма.

- Что взять с поколения, которое в ютубе смотрит выпуски Соловьева? – сказал Маркел, проведя ладонью по уставшему лицу. – Ты, вернее, Сергей Иванович Свечкин начинал с нашим богоспасаемым лидером задолго до переезда в Кремль.

- Что ж получается, - опешил Вол, - я его друг?

Губы Маркела растянулись в улыбку, он подошел к Волу и похлопал по загривку.

- Неужели ты думал, что мы наняли тебя, чтобы обмануть президента? Нельзя быть настолько наивным. Тебе доверена священная функция обмана русского народа. Чти ее.

Брови Вола опустились настолько, что глаза превратились в щелочки. Маркел занес руку для очередного похлопывания, но дотронуться не решился.

- Довольно на сегодня, - сказал Маркел, взглянув на экран телефона. – Спускайся ужинать.

Не теряя зрительного контакта, Вол медленно растер сигарету о подоконник, но Маркел равнодушно посмотрел на кружочек пепла и снова подняв глаза на Вола сказал:

- Не затягивай со сном. Завтра утром летим домой.

11

Джет мягко сел.

- Готов ко встрече с домом? – задорно спросил Маркел.

- Жду не дождусь увидеть березки, - ответил Вол, отстегивая ремень безопасности.

- Березки? – сказал Маркел и переглянулся с заулыбавшейся Даной. – В принципе, можно устроить. Вол поднялся на ноги и разминал спину.

- Быстро добрались, даже задремать не успел. Понятно, не Победой летели!

Помощники переглянулись и уложив ноутбуки в портфели направились к выходу. Шедший последним Вол, подмигнув стюардессе, и полопав ладонями по бедрам зажмурился от солнца, спускаясь по ступенькам трапа. Проморгавшись, он увидел сплошь покрытое облаками небо над горами и лазурное море.

- Как-то я иначе запомнил дом.

- Дом там, где семья и деньги, - сказала Дана. – Мы в Ницце.

- А родина? – потупив взор спросил Вол.

- Родина? Родина, она в сердце! – крикнул Маркел и потянулся, раскинув руки. – Снова опаздывают, - заключил он, глядя по сторонам. – Надо что-то решать с охраной. Теперь, когда они приезжают вовремя, это нечто экстраординарное, а должно быть наоборот!

- Не ворчи, - сказала Дана, надевая шелковый платок и большие солнцезащитные очки. – Это мы прилетели раньше положенного.

- Тогда отчитай пилотов! – шутливо крикнул Маркел.

Дана отмахнулась и достала телефон, чтобы сделать пару селфи.

Вскороности прибыл кортеж из двух Майбахов, и они не спеша покатали по Английскому променаду вдоль побережья. Проехав город, где жители неспешно попивали белое вино в уличных кафе, они свернули на мыс Сен-Жан-Кап-Ферра, что выдавался в море словно нарочно вынесенная смотровая площадка. Мимо клешни пристани с пришвартованным ВВП небольшой страны, машины преодолели частные виллы, которые резко оборвались рощей. Дорога уперлась в высоченные ворота, кованые вензеля которых даже не пытались скрыть роскошный фасад виллы с открытой анфиладой в два этажа. Залив слева был усеян яхтами, словно пруд лебедями. Во дворе на поклон выстроилась прислуга. Когда открыли заднюю дверь Майбаха, Вол замешкался и подняв брови указал пальцем в грудь, взирая на Дану.

- Сергей Иванович, - улыбнулась она, - думаю, будет лучше, если каждый будет играть свою роль.

Вол кивнул и расправив плечи, что вызвало спинной хруст, вылез из машины. Ручку двери держал начальник охраны Свечкина.

- Сергей Сергеич, и вы здесь? – спросил деловито Вол, и подал ему пиджак.

- Три дня уже, - ответил он, повесив пиджак на предплечье. - Нужно было удостовериться, что в виллу не насовали жучков, о которых нам не известно, и побеседовать с персоналом. Стандартная процедура. Вы б меня вызвали, если будет время, - Сергей Сергеевич взглянул на Дану, та кивнула, - Сергей Иванович.

- Едва ли, - сказал Маркел, обходя багажник, - мы здесь на одну ночь. К великому сожалению. Боже, как тут хорошо!

- Поняли? - сказала Дана прислуге, стоявшей в шеренге. - Вещи не распаковывать. Вечерние наряды готовы?

- В ваших гардеробных, - ответила одна из горничных.

- Ну хоть в чем-то вовремя! – сказал Маркел и взяв вод локоток начальника охраны, пошел к дому.

По словам Даны, приличный человек не приедет в Jimmy's раньше часа ночи. Интерьер первого яруса составляли продольные вдоль стен диваны с миниатюрными столиками, что и двум людям рук не положить, а нижние диваны окаймляли прозрачный гексоген танцпола, подсвеченный снизу фиолетовым неоном. На имя Свечкина было забронировано три столика на первом ярусе. Вол сел между помощниками, охране сидячих мест не полагалось, они встали кордоном перед диваном. Вол вообще не понял, зачем здесь появляться приличному человеку, разве что обилие проституток могло заинтересовать туриста без пары.

- Ваша задача в эту ночь сводится к простой роли - быть объектом созерцания. Говоря простым языком, - крикнула в ухо Дана, - светить лицом на публику. После смерти Свечкина поползли тревожные слухи о причинах его исчезновения. Мы здесь, чтобы опровергнуть теории, представив доказательство. Можете выпить, но помните: мы на работе.

- Почему не объявиться в Москве? – спросил Вол.

- Здесь больше нужных русских, – улыбнулась Дана. – Плюс появление в столичных клубах вызовет вопрос, зачем Свечкин развлекается на показ, когда должен работать до кровавого пота. Попахивает фрондой. В Ницце же у нас иной уровень ответственности, да и большой трон отсюда далеко оскорблять. В Монако есть только правильные русские, а неправильные оборванцы, которые могут начать вонь, здесь не задерживаются, хвала высокому прайсу. Главное вести себя сдержанно.

Не успели сесть, как официант принес два ведёрка, в каждом по несколько бутылок шампанского.

- Может, закажем ужин? – спросил Вол. – Раз бухать нельзя.

- Не подают. Извините, - пожала плечами Дана.

Следующий час Вол занимался только ответными кивками приходившим мимо богачам из России и рассматриванием прелестей девиц, кое обильно мелькали вокруг. «Кристалл» показался Волу на вкус несладкой шипучкой, которую он потягивал исключительно от безделья.

- Слушай, - сказал он Маркелу, как обычно увлеченному смартфоном, - чего мы сидим, как на поминках? По легенде я большой человек в стране, стало быть, и в мире у меня авторитет имеется. Давай забашляем ди-джею, пусть включит для души, а если кто начнет бузить, у нас имеются ребята.

- Это «там» мы можем делать, что хотим, - ответил Маркел. - Вернувшись домой надо вести себя пристойно.

- На кой? Дом для того и дом, чтобы отдыхать по кайфу.

- Как тебе объяснить? – отложив телефон, сказал Маркел. – Ты вот бухаешь на работе? Хотя кому я... Вот! Ты ведь бухаешь после работы? Напьетесь водки, потом обыскаете углы домов.

Вол прищурил глаза.

- Да было, не отнекивайся. Все из одного дерьма поднялись, - сказал Маркел, похлопав Вола по колену. – Так вот, вернувшись домой, ты же не ссышь в угол, а ходишь в унитаз, как положено. Люди приезжают сюда, чтобы жить по правилам, детей растить, планировать будущее. Здесь херни не поймут.

- Правильно вас, гандонов, народ не любит! - сказал Вол и отвернулся.

- Нас! - съязвил в спину Маркел, но понял, что поникшее лицо Свечкина возбudit ненужные толки у публики, и подозвал старшего охранника. Пошептавшись, он вывел Дану на воздух, а тем временем охранник подсадил за стол трех эскортниц, сиявших точно бутылки «Кристалла», на которые они накинулись. Как диван девчонки были упруги и так же безучастны к влажным ладоням Вола, увлеченные игрой в инста-счастливую жизнь с инста-ужимками несмотря на то, что охрана благоразумно отобрала у них телефоны, чтобы зажатая между сисек довольная рожа Сергей Ивановича ненароком не оказалась в очередном антикоррупционном ролике под заголовком «Держим свечку над Свечкиным».

Перед столиком остановились двое. И если прочие до них ограничивались с поклоном головы и, пританцовывая, шли мимо, то эти явно намеревались подойти. С каменными лицами охранники инстинктивно прижались плечом к плечу, но среди визитеров Вол узнал до боли знакомого певца из телевизора, второй же настойчиво махал Волу. Он кивнул охране и визитеры, демонстративно расталкивая охранников, подошли к столу. Словно птичка от легкого прикосновения, девушка справа освободила место и скрылась в толпе. Резвый мужчина скинул пиджак и швырнул его ближайшему охраннику:

- Упарился совсем, - сказал он, параллельно бросая пару кубиков люда их ведра бокал и заливая их шампанским.

- Говорил, не бери у черного! Меня после затяжки в пот шибануло, - сказал певец. На внимательный взгляд Вола, он ответил: - Да наговаривают, ни одного члена кроме своего в руках не держал! - и откинув выбеленную прядь со лба, пристроился поближе к девицам.

- Чего вы, Сергей Иваныч, смотришь, будто мы столом ошиблись? – спросил резвый мужчина и налил себе второй бокал.

Вола выручил вспыхнувший экран телефона, Маркел прислал сообщение: «Мы на बारे позади. Это Киреев лев сын начальника московской налоговой. Потрепись немного, о делах молчи. Ты круче его. Он послужит нам сарафаном в Москву что Свечкин жив. Звони если возникнут проблемы»

Меньше всего в третьем часу ночи оглушенный музыкой Вол желал с кем-то болтать, да еще по-резвянке. Прежде, в такие моменты Вол отходил помочиться за угол. Если, справив нужду, он не находил желания вернуться, то просто закуривал и шел куда-нибудь еще. Ведь пьяные товарищи вспомнят о нем, даст бог, через час, и то скажут: «Хуй с ним!», увлеченные бесплодным спором или погруженные в депрессивную меланхолию воспоминаний о сбывшемся. Роскошь бедняка – жить свободно в чужом безразличии.

- ... как треснет по макушке! – певец ударил толстым дном бутылки по столу отчего Вол содрогнулся, выброшенный из размышлений.

- Кого? – на рефлекс спросил Вол.

- Говорю же, на дне следователя помощник областного прокурора крикнул зам начальнику ГАИ: «АУЕ!», ожидая услышать в ответ «Жизнь ворами!», - объяснял певец. – Я бы не поверил в историю, но, Сергей Иванович, я снимал! Жаль с собой другой телефон. И вот, зам начальника ГАИ открыл рот отозваться, но боязнь камер на генетическом уровне въелась в ментовскую душу. В итоге, с другого конца стола «Жизнь ворами!» проорали бухие судьи. Зам начальника, повинувшись иерархическому чутью, разумеется, заржал, и прокурорскому показалось забавным на волне куража треснуть гаишника по башке бутылкой. Не сильно. Так, для смеху. Но звук пустого о порожнее вышел настолько звонким, что я еле удержался на ногах от смеха.

- С ментом-то все нормально? – с дежурной улыбкой спросил Вол.

- Чего ты, Сергей Иванович, Яшку не знаешь? – ответил Киреев. - В него тесть из ружья стрелял, когда тот вдрабадан на крачках ломился домой. Думаете соль замедлила эту свиноту? Щас прям! Пришлось вызвать два наряда, чтобы связать!

Сквозь кордон протиснулся официант поставил на стол бутылку виски, бокалы и небольшое прозрачное ведро со льдом.

- Оставим шипучку девочкам, - подмигнул Киреев и налил три порции.

Вол повернул голову назад, опасаясь гнева помощников.

- С женой? – шепнул Киреев, пряча руку с бокалом под столешницу.

- Женой? – спросил Вол, не поняв о ком тот. – А! Нет, Кристина уехала в... - Вол пытался вспомнить какой-нибудь курорт на букву «С», но из заграничного в голову приходило только Саласпилс, серпентарий и Ситроен. – Не помню, хрен за ней уследишь!

- Все бабы одинаковые, - сказал Киреев. – Третий раз женился в надежде, наконец, сделать правильный выбор и остановиться. Сейчас подумал: прав ты, Сергей Иванович, пускай себе делает, что хочет. Незачем мозг забивать бабами.

- За это и выпьем! – крикнул певец. Вол и Киреев обернулись, но бокалами с ним не чокнулись. – Да, клянусь, наговаривают!

В сравнении с шампанским виски зашел внутрь словно долгожданный гость, которого желудок встретил с теплотой.

- Слушай, Сергей Иванович, - сказал на ухо Киреев, придвинувшись, - я тут проект один развиваю по диджиталу. Сфера перспективная, но нужны вливания на первом этапе.

Певцу было любопытно узнать, о чем шепчутся сильные мира сего, но с противоположного края стола из-за музыки было не разобрать, а по губам он читать не научился, сколько не пробовал.

- У тебя же напротив дела идут в гору, - продолжал Киреев. – Может, появится возможность после открытия месторождения пристроить нашу контору?

Вол задумался, как бы съехать с разговора. Отправить сообщение помощникам было решительно невозможно, Киреев едва ли не обнимал.

- Может перекурим? – взбрело в голову спасительное решение.

Вол подошел к охране, Киреев поднялся следом, но певец подорвался быстрее и пристроился следом за Волом. В тесноте проходов и обжатым людьми, Киреев начал отставать, и едва улучив случай, он протиснулся через руку охранника к Воловьему уху и сказал:

- Отец придумает как быть полезным тем, кто помогает мне.

Однако Вол заметил краем зрения, что нечто приближается к уху, и принял рывок за попытку это самое ухо оттяпать, потому отпрянув, он отмахнулся от угрозы, а на деле выдал оплеуху Кирееву. Охранник, простая душа, оказавшись в центре драки, использовал удобное положение шеи Киреева подмышкой и зажал его, словно в колодки, и потащил к выходу. Остальные охранники растолкали вокруг Вола кольцо безопасности, в которое проник Маркел, утирая слезы от смеха.

- Будь уверен, о тебе заговорят в Москве! – похлопав по плечу воскликнул Маркел. – Погляди, какой борзый! Мелкая вошь, а лезет в мошну к самому Свечкину! Папаша будет в ярости...

- Будет мстить? – испуганно спросил Вол.

- Тебе? Побойся бога, кто ты, а кто он. Думаю, когда Киреев-старший узнает про оплеуху, он от страха выполнит любую мою просьбу.

- Можно я выйду покурить на крыльцо? – устало спросил Вол, не желая вникать в интриги, когда понял, что его заругают.

- Там слишком людно. Нам не нужно соблазнять Навальнят отправить фотки из Монако. Идем на балкон. Дана уже там, вышла подышать.

Поднявшись на второй этаж, они вышли на балкон, что был над внутренним двором. Сверху приватность гостей защищала деревянная решетка, увитая плющом. Внизу ворковали на всех языках. Присев на балконное ограждение, Дана премило болтала со статным мужчиной за пятьдесят, который проворачивал сигару в губах. За Волем на балкон протиснулся певец, но завидев собеседника Даны, попятился назад.

- Дмитрий Палыч, - шепнул на ухо Маркел, - шишка из АП, в отставке.

Вол испуганно поднял брови, инстинктивно пятясь.

- Даже не думай! - тихо сказал Маркел, уперев кулак в поясницу Вола. – Он даже на пенсии много при каких делах. Если уйдешь, нас неверно поймут.

На жалобное выражение Маркел слегка подтолкнул Вола вперед.

- О, Сергей! – воскликнул Дмитрий Палыч. – Выхожу насладиться сигарой, сколько не твердят про вред, но не могу отказать себе в удовольствии, а тут скучает Дана. Совсем девчонку замучил, - с доброй усмешкой сказал Дмитрий Палыч и протянул руку.

- Так... - замямлил Вол, пока жал ладонь.

- Все сейчас на пределе из-за открытия месторождения, - выругил Маркел и пожал руку следом.

- Знаю, знаю... - качая головой, ответил Дмитрий Палыч. – Говорили ты слег от нагрузки. Рад видеть тебя на ногах!

- Не молодеем. Забот не счесть, - ответил Вол. – Заехал в Швейцарию оздоровится, и на пару дней...

- Вол хотел сказать «домой», но не решился под прямым взглядом государственного мужа выразить подобную крамолу, - ... в Ниццу проведать дачу.

- Верил, что ты в седле. Шеф спокоен, а иным сигналам я доверять не приучен, хотя прислушиваюсь. Закаленную сталь не перековать.

- У Сергей Ивановича были небольшие проблемы со сном, - сказал Маркел, опасаясь, как бы Вол не ляпнул лишнего.

- Я как раз до вашего появления рассказывал твоей милой помощнице, как благотворно на меня виляет ходить под парусом, - сказал Дмитрий Палыч. – Намутузюсь с такелажем под зноем да на волнах, потом сплю, как в девятнадцать лет, без задних ног. Ты-то успел поплавать?

- Только прилетел... - сказал Вол.

- А завтра в Москву, - вмешался Маркел.

- Не помощники, золото, - недовольно произнес Дмитрий Палыч. Оставив Дану, он приблизился к Волю и положил руку на плечо. – Сергей Иваныч, у дочери день рождения через пару дней, супруга организовала праздник. Знаю, ты сейчас нарасхват, но, может, найдешь в плотном графике окно в эту субботу на вечер, чтобы посетить старых друзей?

В телесном контакте с властителем Вол растерял укреплявшее волю действие помощников, потому под расширявшиеся глазницы Маркела он произнес сдавленное:

- Да.

- Да? – обрадовался Дмитрий Палыч. – Вот и замечательно! Жена будет в восторге. Приглашение направит мой секретарь, Антон. Помнишь его? Нет? Ну, и бог с ним, не такая у него работа, чтоб его запомнили, - рассмеялся Дмитрий Палыч.

Пожав руку, Дмитрий Палыч откланялся, оставив Вола один на один с сиявшим белой яростью взглядом Маркела. Дана философски улыбнулась и, похлопав Вола по спине, позвала его в машину. До виллы ехали в полном молчании, Дана смотрела в окно на пустой ночной город, а Вол не мог отвести

взгляд от Маркела, подобно туристу, что наткнулся на кобру в высокой траве: моргни и последует молниеносный выпад. По прибытии Дана пожелала охране доброй ночи, и отпустила их спать, ограничившись скромным патрулем по периметру. Она догнала Маркела, который вел Вола под руку на цокольный этаж. После набранного кода на совсем неочевидной панели в бильярдной комнате, книжный шкаф отъехал, обнаружив за собой толстую дверь из металла. Зашли в бункер. Маркел, сохраняя молчание, зашел последним и запер дверь изнутри. Едва засов издал последний щелчок, Маркел завопил так, что на шее выступила жилка:

- Какого хера ты сделал? Ты идиот! Кретин, блять! Что ты собираешься делать в кругу людей, которые полжизни знают Свечкина?

Опустив голову, Вол ждал разрядки, как прежде в семье. Время в дороге дало ему фору морально подготовиться. Присев на угол стола Дана курила длинную сигаретку, рассматривая марину на стене. Наконец, когда крик начал слабеть, а бранные обороты повторяться, Дана вмешалась:

- Поздно орать, Мар! Мы не были готовы, что объявится Дмитрий Палыч.

- Что теперь будет? – жалобно спросил Вол и наморщился, ожидая новую порцию агрессии.

- Идти, - сказала Дана и, потушив сигаретку, налила Маркелу стакан воды. – Идти надо в любом случае. День рождения послужит экзаменом Валентину, а прежде всего, нам с тобой, Мар.

12

Москва встретила Вола по-русски хмуро, около ноля и мерзкий дождь. Военные закрыли небо, поэтому от вертолета отказались в пользу кортежа, благо, господь ниспослал мигалки власти предрержащим.

- Сегодня, между прочим, седьмое ноября, - заметил Вол, глядя на скользящие капли по стеклу.

- Что за дата, напосми? – спросила Дана у Маркела.

- Я в этих новых праздниках путаюсь: не то день единства, не то независимости, - буркнул Маркел, уставившись в телефон. – О, на «Гелен» скидку прислали!

- Какая к шисам независимость, от кого? Нас последний раз орда брала и то, России еще толком не было, - сказала Дана. – Хрен я за тебя проголосую, - она сунула дулю в сторону предвыборного билборда, - сколько крови он мне выпил, когда я тему с отходами проталкивала. Главное, министр за неделю согласовал, а этот три месяца ломался, пока к нему Дмитрий Палыч не приехал.

- Идеологию пытаются изобрести. У пиндосов есть независимость и нам надо, - сказал Маркел. – Что с наших взять, даже сплагатить нормально не могут. Подожди, - Маркел перебирал пальцами по экрану, - Гугл пишет, что День народного единства прошел четвертого.

- А, ну это про Минина с Пожарским, - сказала Дана. – В принципе, ничего плохого, только опять с войной праздник увязали.

- Седьмого ноября день Октябрьской революции, - наконец вставил Вол.

- Вот тоже, странный народец коммуяки, - сказал Маркел. – Название революции «Октябрьская», а празднуют в ноябре. Чего стоило поправить на «Ноябрьскую революцию», чтоб понятно было. Нет, все надо с вывертом!

Чтобы избавиться от их глупости, Вол прикрыл глаза в надежде подремать, но едва он нашел удобное положение и пару раз сладко вздохнул, как машина остановилась. Покинув салон Вола сразу обдуло промозглым воздухом, он застегнулся до шеи и пошагал на террасу, где встречали Лиля и Катерина, по торжественному случаю украсившие волосы кружевными наколками. Маркел и Дана не выходили, пока охрана не принесла зонты.

- Великолепно выглядите, Валентин Григорьевич! – приветствовала Катерина.

- Рады возвращению! – сказала Лилия. – Дом полностью готов.

Поклонившись обеим, Вол сказал:

- Чего вы на холоде да в легких платицах? Идемте внутрь!

Позволив снять с себя куртку, Вол огляделся по сторонам и, уперев кулаки в бока, принялся.

- Чую, Паша приготовил обед. Жалко. Я, знаете ли, пока ехал, так хотел картошечки жареной с чесночком и салом, да котлетки, да чтоб пережаренные! – сказал Вол. – Пусть «эти» говорят, что дом там, - Вол ткнул пальцем через плечо, - а я никогда от родины не откажусь. Соскучился по России-матушке и по вам, девушки! А сейчас извиняйте, полдороги терпел.

Вол быстро пробежал холл и скрылся в коридорах.

- Как он вам? – сказал Маркел, подавая Лиле зонт.

- На лицо похорошел, приосанился. Почти Сергей Иваныч, - сказала Лиля, и наспех махнула крестное знамение. – Но внутри, - прищурившись, она покрутила распротёртой ладонью.

- Нет легкости Сергей Ивановича, как он запросто людьми помыкал, - сказала Катерина, приняв зонт у Даны, она смахивала капли с ее жакета.

- Дамы, - Маркел коснулся воображаемой шляпы и поднялся в хозяйский кабинет. Тем временем Дана пошла выпить кофе с дороги и поболтать с горничными о новостях.

После обеда помощники уехали в город разобрать проблемы, что накопились за недели вояжа. Вола же предоставили самому себе под присмотром горничных, которые имели полезный навык: позволить забыть об их присутствии. Укутанный в теплый халат, Вол попыхивал сигарой в кресле перед распахнутыми дверьми, что вели на задний двор. Под музыку дождя и шелест деревьев на ветру его взгляд застыл на потухшем экране телефона.

- Следуя вослед повествованию, я все чаще задаюсь вопросом о природе богатства и нищеты. О, как, блять, завернул! - подумал он и почесал щеку. – Сейчас я, Валька, богат. За полвека я не выиграл ни одной сраной лотереи, и тут на тебе - куш. Крутой дом, дорогие цацки. А ведь скоро все закончится, и я вернусь в старую пятиэтажку к жене. К теще, мать ее. Деньги помотаю и восстановлюсь в ДРСУ. Вот... Что ж получается? Если и в бедности я это я, и в богатстве я это я, и мозги у меня одинаковые, и веду себя чуточку скромнее, но не настолько, чтобы это могло повлиять... тогда почему я получил нищету, удостоился богатства, а потом буду брошен обратно? Богатый и бедный – это только признаки человека, но взгляните на мой пример, я примерил оба состояния. Разве вы узнаете в богатом Вальке и бедном Вальке одно и того же Вальку? Невозможно рассматривать человека в отрыве от сумм. Природа богатства и нищеты возводит свиней в люди, а людей в свиньи. Какой-то хрен в Греции сидел в бочке и был о-го-го! Так он был один, а сколько жило людей? В богатстве меня даже кличут иначе - Валентин Григорьевич, Сергей Иванович. А в бедности я Вол. До чего же сволочная кличка. Слишком много чести называть бедняка по имени, проще сократить до клички. Как собаку. И обязательно, чтобы обидная была или грубая, чтоб не забывал, с какого болота. Всю жизнь меня задвигали, не давали пробиться. Оказалось, я могу быть богатым. Если сейчас я живу богатой жизнью, значит и раньше мог, просто мне мешали раскрыться. Мешали те самые богачи, что боятся конкуренции, поскольку выясняется, я ничем не хуже. Просто они были более вороватыми, жестокими, хитрыми, без принципов, они предали идеалы коммунизма, которым лживо служили. Они добились успеха несправедливым путем. Я - человек хороший. Поэтому тягаться мне с ними бесполезно, – Вол выпустил облако дыма, накопленное за раздумья. - Это уже пахнет уныньем, - пробормотал Вол и горько вздохнул.

Вдруг он услышал, кто-то крадется.

- Катерина, - окликнул Вол, не поворачивая головы.

Девушка кротко подошла.

- Чем я могу помочь?

Тянувший с улицы холод поднял волоски ее оголенных рук. Прижмись к животу, и она наверняка не откажет приласкать утомленную лысину. Упругий пресс, покачивавшийся в такт дыханию, успокоил бы мысли.

- Отнеси в спальню, - Вол протянул телефон и, откинувшись, раскурил потухшую сигару.

Утром помощники прибыли в особняк, распаленные тревогой о завтрашнем празднике. Хлебная овсянку, Вол слушал наставления, которые хаотично приходили в головы Даны и Маркела.

- Вы стали ходить ровнее и держать осанку, однако, как сказал классик, есть один момент: походка должна отличаться в зависимости от ситуации, - говорила Дана, жадно глотая кофе из огромного бумажного стакана. – На встрече с президентом, членами кабинета или с генералами старой когорты держите голову вперед на него, и пошел, будто вам надо подписать справку, что вы...

- Не пидор! – Маркел хохотнул от того, как Вол поперхнулся.

- Мар! – шикнула Дана. – Если бы сама ваша судьба зависела от справки.

- Понял: ходить, как за бригадиром в день получки, - жуя, сказал Вол.

- Да, кивнула Дана. – Зато с подчиненными вы – живописец. В жестах небрежность без намека на усилие. Не махайтесь, как на трибуне. Вы постоянно в делах. Устал больше всех в помещении, даже когда едете плавать на яхте с эскортом.

- С президентом не басы, - сказал Маркел, - голос повыше. Покладистый, как у нашкодившего пациента.

- Верно, - сказала Дана, - манеру речи следует подбирать. С низшими, а это считай со всеми, говорите на выдохе, как бы между делом. Не задерживайте взгляда, словно бы те были деревьями, вроде живые, а разговаривать с ними странно.

- С президентом не откидывайся на спинку кресла, - сказал Маркел. – Ты сидишь на иголках, как первокурсник на экзамене. Отвечаешь, когда спросит напрямую, в остальное время кивай и нервничай.

Отложив ложку, Вол сглотнул кашу и попытался принять оговоренную позу. Маркел нахмурил брови и хлопнул ладонью по столу.

- Запомни это состояние, - с довольной ухмылкой произнес Маркел, когда Вола вздрогнул.

Темная лужа ползла по столу. Дана сжала стакан, с ее локтя бежали струйки кофе, по счастью, успевшего подостыть. Подскочив, Маркел достал из кармана платок и бросился промакивать залитые коленки Даны. Она сидела недвижимо, уставившись на скрюченную ладонь.

- Насилие, - сказала она, подняв глаза на Вола. - Как же я была права.

Подобно коршуну Маркел перевел взгляд на Вола, и тот с дурацкой улыбкой, полной смущения, поспешил убраться из столовой, угадывая неизбежность роли третьего, на ком сойдутся оба огня. Через полчаса Дана постучалась в комнату и позвала Вола продолжить обсуждение, чем расстроила планы валиться до ночи перед телевизором в компании снеков и коробки сигар. При очевидных усилиях отрешиться, в ее голосе проскальзывали тона нервозности, а Маркел периодически заглядывал в гостиную с безопасного расстояния. По большей части обсуждали гостей, которые по мнению Даны съедутся на праздник. Для этого Дана распечатала крупные фотографии и, разложив их на диване, рассказывала о каждом выжимку информации, которая общеизвестна с примесью пикантности, о которой знал только Сергей Иванович. В основном же обучение сводилось к заучиванию, кто чей друг, чья жена и кто на какой позиции в стае.

- А который среди них Протасов? Его я запомнил только со спины. Он там будет? – спросил Вол, перебирая в очередной раз фотографии.

- Едва ли он решится, узнав, что вы приглашены, - отмахнулась Дана. – Позвонить бы Дмитрий Палычу, да он, хитрец, сразу начет делать выводы.

Перед ужином Вола предоставили час роздыху. Запаленная сигаретка в спальне и полудрема начинали целить воспаленный мозг, но в это время Маркел воспользовался паузой чтобы подобраться к Данае, это было явно не лучшая идея, по крайней мере для Вола, вождьеленный покой которого оборвался перебранкой на весь дом, которая, словно зудящий комар, насилывала тишину. Разгоряченные выяснением правоты и кто что сказал на то, что сказал другой, помощники решили проэкзаменовать Вола прямо за ужином, не желая терпеть общество друг друга дольше потребного.

- Да сколько можно! – рявкнул Маркел, наблюдая, как Вол принялся за филе миньон с муссом из спаржи с брызгами тыквенного соуса и каплями трюфельного масла. – Не набрасывайся на еду словно босяк, который не видел ничего слаще доширака! Ты пресыщен, потому сперва посмотри с кислой рожей

на тарелку. Сергей Иванович не будет жевать стейк, если он на пересушен даже процент. Нажми на мясо вилкой, сделай надрез, оцени прожарку, потом сделай глоток вина.

Разрезав кусок баранины, как было велено, Вол недовольно сказал:

- Сырое, из него кровь бежит.

- Повторяю, это не кровь, а сок. Нормальные повара не жарят мясо до состояния подошвы!

Вол недоверчиво повел бровью, отпил вина и, поставив бокал на место, вопрошающе посмотрел на Маркела.

- Ты на празднике тоже будешь ждать одобрения?

- Я просто хочу понять, верно ли делаю.

- Ничего ты не понял! Это не разливушка из киоска, а дорогой пино нуар.

Страх Вола перед днем рождения пока что гасил подходившую ярость от грубости.

- Это он так хочет сказать, что первый глоток вина полагается небольшим, слегка смочить язык, чтобы решить оставите ли вы вынесенную бутылку или отказаться, как от испорченной.

- И скажи, на кой ляд ты схватил закусочную вилку? – заметил Маркел.

- Мне показалось... - начал оправдываться Вол.

- Свечкин не пэр Англии, чтобы зацикливаться на этикетке, - сказала Дана. - Он русский олигарх родом из Совка, поэтому, если захочет, сможет обедать зубочисткой и окружающие будут молчать. Знаете почему, Валентин, потому что всем нужны ваши деньги и доступ к телу, и очень вероятно, если вы пожелаете, остальные за столом тоже начнут обедать чертовыми зубочистками. С улыбочкой, - Дана вытянула губы в улыбку, взглянув Маркелу в глаза.

- Посмотрим, как ты будешь показывать свои беленькие зубки, когда твой «олигарх» будет осмеян и, пождав хвост, побежит к маминой юбке! – парировал Маркел.

- Послушайте, может я пойду, пока не зашло слишком далеко, - сжав губы сказал Вол.

- Видишь, не успел толком пощипать, а он уже приготовился драпать! Боюсь представить, что произойдет, когда он останется наедине со светской тусовкой, – сказал Маркел, а потом шлепнул себя по лбу: - А нет, знаю! Мамина юбка! Дана добрая, Дана пожалеет.

- Не думайте Валентин, среди гостей Дмитрий Палыча не будет придурков, у которых гормоны застилают разум.

- Я подобен озерной глади в погожий день, - сказал Маркел. – Со столовым этикетом разобрались. Оказалось, он нам не требуется. Что ж перейдем к беседам. Валентин как-вас-там, какого вы мнения насчет грядущего трансферта власти?

- Чего власти? – спросил Вол.

- Абсолютно готов! Можем разъезжаться, - сказал Маркел и демонстративно поднялся из-за стола.

- Транс-фер-т, - с напускным спокойствием произнесла Дана, хотя уши атели от злости. – В околуполитических кругах модно порассуждать о расстановке сил в Кремле после двадцать четвертого года. Одни полагают, что гарант останется на два новых срока, используя конституционную реформу, иные предлагают кандидатуры приемников. Ходят толки о реформе ветвей власти: передать больше полномочий парламенту, а следом в регионы, и через это ослабить вертикаль, дав больше власти местным элитам, чтобы сделать политику менее предсказуемой и укрепить строй на грядущие десятилетия. В принципе, можно нести любую околесицу, так как никто не знает, что нам готовят в кабинете, где горит свет до глубокой ночи.

- Не смей даже рта разинуть на эту тему! – сказал Маркел, закатив глаза. – Любое слово из твоих уст будет расценено, как инсайд, который разойдется не то, что звоночком, целым мать его набатом. Сергей Иванович был другом «самого», тебе не простят глупых слухов. Будь уклончив, пусть решат, что ты осведомлен, но не уполномочен говорить. Поверь, никто не спросит почему.

Дана, прикрыв глаза на пару секунд, наполнила бокал и отошла к окну. Маркел торжествовал.

- Маркел, я подвизался перерезать ленточку под камеры, это все слишком сложно для меня, - сказал Вол, уперев голову в ладони.

- Напомни, кто принял приглашение?

Пытка продолжалась еще четыре часа к ряду. Подобно возницам с двумя хлыстами на спине одной клячи, помощники не столько натаскивали, сколько соревновались в познаниях тамошнего общества и хитростях связей. Вола отпустили к вечеру не из милосердия, от выгорания истерики. Утомленные помощники осовело простились и вызвали машину на двоих. Едва закрылась дверь за их спинами, Вол с жирными пятнами пота на рубашке повалился на спину без сил. Мысли и знания смешались в вязкую клейковину, и лишь обида на то, как с ним обошлись не позволила уснуть на том же месте. Он нащупал в кармане брюк мятую пачку сигарет и закурил. Пляясь на величественную люстру, он слышал звон хрусталя, не смотря на ее покой. Он понял, чего хочет, и хрен его остановят.

Закончив вечернюю приборку, банщик запирает дверь бассейна. Мыслями он предвкушал три десятка пельменей под сметаной и полбутылки водочки, что дожидалась в морозилке. Крадучись, Вол приблизился со спины и вцепился за руку.

- Игорек, кир имеется? – буркнул на ухо Вол.

- Чё, бля? – встрепенулся банщик и занес руку в обороне.

- Так ты встречаешь друзей? – расхохотался Вол.

- Да, это, знаешь, всякие ходят. Кто в девяностые крутился, никогда не знает, откуда вылетит пуля.

Вол оглянулся по сторонам, молчали даже кузнечики.

- Я так заебался, нужно срочно принять, - взмолился Вол. - Мне отсюда ходу нет, обложили. Не оставь в беде.

- Эти ушли?

- С утра разругались и целый день на мне злость вымещали. А потом уехали вместе. Теперь им не до нас.

Игорь повернул ключ обратно. Зашли. Банщик сунул руку в сливной канал бассейна и извлек пол литра. Вол взял с подноса стаканы. Разлили. Без тоста выпили. Смотря на воду, занюхали кулаками. Следом по второй.

- Ну, здравствуй, Валек! – с улыбкой сказал Игорь.

- Другое дело! – Вол хлопнул банщика по спине.

Сели на диван, выдохнули, немного помолчали.

- Как съездили?

- Да... - отмахнулся Вол. – Видел там одного потомственного «беляка». Жиденский такой человешишка. Из тех, кто блеет про любовь к России, а сам сюда нос хер покажет.

- А горы?

- Случалось мне по молодости ездить на Памир, вот то горы! Хотя, врать не буду, красиво. Такого говна, как у нас, нет.

- Цивилизация...

- Все равно не мое. Я вот подумал там, вот мне поссать прижмет ночью по синей лавочке. Негде. На улицах, чисто, прям музей.

Игорь покосился на бутылку. Вол моргнул. Выпили.

- Допустимый уровень чистоты называется, - сказал Игорь через отрыжку. – Каждый имеет свой, который ему по душе. Одному надо постоянно хату вылизывать, как теще, царство ей, а другому не зазорно поесть из грязной тарелки, свое же.

- Гля, какой ты умный!

- Дык, в губернаторы дураков не назначают, - сказал Игорь, цокнув языком. – Хотя...

- Чет рано тебя того-этого... развезло. Надо фортак открыть.

- Погоди, - остановил его Игорь, - тут система вентиляции. Ща, только пульт найду.

Игорь пошарил по дивану и включил приток свежего воздуха. Вол вдохнул прохладу и ему не захотелось попусту терять выдох, потому он махнул пальцем наливать. Выпили.

- Пузырь ёк! – сказал Игорь, помотав бутылку за горлышко.

- Бля, - понуро сказал Вол.

- Да не бзди! – воскликнул Игорь. – Я бы тут ебнулся без синьки. Погодь, я на минутку.

Игорь встал и, зачерпнув ладонями из бассейна, плеснул лицо, а остаток размазал по заливке. Вернувшись с бутылкой, кой какой снедью и веником под мышкой, Игорь разлил водку по стаканам. Выпили. Вол потянулся за шматом колбасы, но Игорь остановил и сунул в лицо веник.

- Можжевельный!

Вол занюхал, не удержался и откусил.

- Хорош жрать реквизит! – прохрипел после водки Игорь. – Кого еще тут развезло?

- По куражу, хули, – рассмеялся Вол, а потом сдвинув брови: - Губернатор говоришь?

- Смешная, если подумать, история. Когда денежки плывут, трудно удержаться, чтобы не открыть пасть шире. Потом еще пошире. Однажды ты захочешь притормозить, но оказывается, ты на полной скорости летишь в пропасть. И ни одна забитая наличностью квартира не смягчит удар. Только за секунду до того, как тебя размажет сила тяготения, ты понимаешь, что годами собирал миллиарды не для себя, - сказал Игорь и закурил. – Уже на домашнем аресте, я по телевизору наткнулся на программу. Что-то типа «В мире животных». Показывали про сотрудничество муравьев и тли. Тля очень нежная, потому ее жрут хищные насекомые, особенно божья коровка. Но тлю защищают мураши, и не для того, чтобы слопать самим. Муравьи ждут, пока тля напьется сока из побегов, потом мураш щекочет набухшее пузо тли, и та выделяет сладкую каплю, которую муравей выпивает. Смекаешь?

- Высирает что-ли? – спросил Вол, хохотнув.

- Во-первых, деньги не пахнут. Во-вторых, не опошляй! - сказал Игорь и налил водки обоим.

Выпив, Вол откинулся на подушку и закурил, почесывая лоб:

- Губернатором-то был или пиздишь?

- Был, на средней полосе, пока дело не завели. Думал, уже не выберусь, но тут в материалах появилось имя Свечкина Сергей Ивановича. В свое время мы с ним проворачивали пару дел в области, от которых даже у меня яйца кукожились, но его имя служило гарантом от проблем. Естественно, Свечкин выпутался, но я удивился, когда он предложил выволить и меня, но под условием работы в бане.

- На кой? Тебе известен особый банный секрет?

- Дело в другом, - сказал Игорь, нахмутив лоб - Чем пощеголять человеку, у которого в кармане несметные богатства и власть, перед такими же богачами? Губернатор-банщик вполне сойдет за экзотическую зверушку или шута. Между прочим, цари назначали шутов только из знатных дворян. Есть в этом извращенное удовольствие. Вообще-то я благодарен Сергей Ивановичу, царство ему.

Вол лишь повел пренебрежительно бровью.

- Еще поймешь, ты только попробовал эту жизнь. Это как с водкой – первый раз тебя выворачивает, а потом втягиваешься и пьешь все больше и больше, но удовольствия, к сожалению, становятся все меньше.

- Какое к чертям удовольствие? – отмахнулся Вол. – Я бухаю, чтобы избавиться ото всей этой херни в голове. Удовольствие, он говорит... Думаешь я не знаю, сколько проебал из-за этого удовольствия? Видел бы ты, как Дана и особенно Маркел на меня посмотрели впервые, когда вылезли из начищенного мерса. Нарядили в цацки, дорогой пиджак, но ни толики уважения. Всю жизнь крутятся в золотом пруду, и глумятся на глупым Валькой, который почему-то не подрубают в великосветской ебанине. Целых две недели прошло, а не подрубают! Почему же это? Да потому что, блять, я не робот и в башке у меня не сраный компьютер. Но им насрать, они наотмашь по-барски кидают в меня информацию, занятые исключительно своими сопливыми отношениями. Он хочет, она - не буду, у меня душа не своя... Как же вы заебали!

Налив стаканы Игорь, предчувствуя занимательную сплетню, расположился поудобнее.

Тем временем Маркел в компании Даны и трех сотрудников охраны приближался к банному комплексу. Помощники не успели добраться домой, когда раздался звонок от Сергей Сергеевича, начальника безопасности. Произойти могло только одно – Вол опять нашкодил, сумев разжиться алкоголем. В душе Маркел сегодня попускал Волу, мужик действительно устал, и надо сказать, вынес обучение до конца. У

великодушная была и другая причина. Не конкретной мыслью, в подкорке Маркел стыдился, что Вол был свидетелем размолвки. Дана спросила, кто звонил, и, нет бы, сходу соврать, от усталости Маркел ответил правду – Волшебный пьян, в бане дебош. Дана тотчас развернула машину, и вот Маркел плетется к бане откуда доносятся пьяные выкрики. «Тоже мне дебош, - подумал Маркел. - Вырубятся через полчаса и мирно просят до утра. Заказали бы на утро нарколога. Первый раз что-ли?» Таков был настрой Маркела, когда он начал разбирать слова, без стеснения выкрикиваемые Воллом в споре:

- ... повторяю: проблема не в мудацком поведении Маркела. Я видел мудаков и похлеще, и нечего, бабье липло - хер оттянешь. Он ей в рыло, та в ноги: «прости дуру грешную, люблю не могу!».

- Они такие... Чем больше козлишь, тем сильнее они тебя любят. Цветы и муси-пусы – это разводняк торговых сетей! – подтвердил Игорь.

- Вот! – согласился Вол и выпил водки. – Возможно ей вовсе не нужен ни Маркел, ни другой мужик. Не хочет девка замуж, так сейчас это не новость. Бывают не семейные! Это и не важно, на самом деле...

При взгляде на Дану к лицу Маркела прилила кровь. Она должна была слышать пьяные голоса так же четко, как и он сам. Приказав охранникам потушить фонари, Маркел тихо вошел в баню.

- Данка дает ему отворот, потому что они равны! Девки хотят или подчинять, или наоборот покориться мужеской воле, потому верно одно - бабы не терпят равенства. В любом случае, ей не нужен... - продолжая пьяные рассуждения, Вол заметил изменившееся лицо Игоря и обернулся, - Ты.

В дверях появилась Дана, Маркел оглянулся и впел Волу тяжелую оплеуху. Следом влетели охранники и выволокли пьяниц наружу, поставив на карачки.

- Освежи из шланга! - приказал Марке одному из охранников.

Под струями ледяной воды оба извивались точно черви на сковороде. Вол пытался уползти, но Маркел подхватил его за воротник и притащил обратно по скользкому налитанному водой газону.

- От тебя требовалось только поулыбаться на камеру за миллионы! Разве это невыполнимо? Разве сложно три, сука, три недели не пить, как скотина, и выполнять указания? Вытаскиваешь из говна, одеваешь, кормишь, лечишь, даешь деньги, которые ты за целый год не получишь в Области! Но этого, видимо, недостаточно, чтобы начать слушаться. Думаешь эта работа шуточки в кукольном домике? – орал Маркел в ухо Волу. – Ну, сейчас ты поймешь значение поступков!

Взмахом руки Маркел приказал схватить Игоря.

- Губернатор, блять, настало твое время! - оскалился Маркел. – Не жалейте его, мужики!

Пара охранников под руки приподняли Игоря. Он опустился на колени - может, не держали хмельные ноги, может, понял, что предстоит. Удар пришелся под дых, второй сокрушительный в скулу, от которого, казалось, голова сорвется с шеи. Бугаи наращивали темп. Губы в кашу, вылетел зуб, следом еще пара. По корпусу работали плотно, в охрану особняка набирали исключительно мастеров спорта или ветеранов с чистой головой, которые умеют причинять боль и помалкивать. Вол кричал, молил прекратить, вырывался, но Маркел, обхватив его шею в замок, принуждал смотреть. Вол искал глаза Даны, как последнего заступника, но она отвернулась, не желая испытывать свою реакцию на сцену мучений.

- Раньше меня интересовало, почему быдлак настолько любит копаться в чужом белье? - шипел Маркел. – Теперь я понял: от никчемности. Ты! Ты судишь мои отношения! - Маркел засмеялся, - Ты не просто мерзок, ты невообразимо туп.

Лишь когда из разбитого рта Игоря кровавые слюны повисли до земли, Маркел разрешил прекратить избиение. Игорь свернулся калачиком, и лишь покачивавшаяся спина свидетельствовала о его жизни.

- Ну же, обвини меня в жестокости! – сказал Маркел, отбросив Вола. – Не я наплевал на работу и вместо сна выбрал водку. Твой удел при любой удобной ситуации избирать путь мрази! Ну, скажи мне, что оступился впервые, что напился и лежишь в грязи из-за усталости и нервов! Ни хрена подобного! - он ткнул пальцем в лицо Вола. – Вы вините в бедности и неудачах любого, кроме самих себя. Садитесь на удачный конек, чтобы без зазрения совести открывать бутылку, когда обещался прийти на работу. «Один черт богачи закрыли нам лестницы к достойной жизни», - говорите вы себе, когда пропиваете зарплату. Так вот, еще раз: ни хрена подобного! Ты, Волшебный, сам виноват в мерзкой жизни, которую влачишь.

Именно влачишь. Но, да и хрен с ним, правильно? – Маркел устало запрокинул голову, вдыхая сырой ночной воздух – Пшел... спать. Уведите его в койку, - приказал он тихо охране. - А этого, - Маркел кивнул на обездвиженного Игоря, - отнесите в его комнату и позовите врача, который умеет помалкивать.

На террасе Вол разделся, оставив кучку грязной одежды на попечение Лили, которая, он надеялся, помилосердствует в ответ на заботу о чистоте дома. Продрогший он потирал пузо и обвисшую грудь. На мраморном полу оставались следы от влажных носок. Обида лишила стыда наготы, сжавшийся и побелевший от сырости пенис был пуританским словно у античной статуи, а два отвисших яичка покорно болтались меж располневших бедер. Скрюченный от озноба он доковылял до спальни и выкрутил диск термостата на максимум. Хмель отступал, оставляя за собой жажду. Вол поплелся к запрятанной бутылке в гардеробном шкафу. Через полчаса в кампании коньяка последовал звонок Клавдии:

- Почему ты меня не бросила? – спросил Вол, едва гудки прервались разбуженным «Алло». – Я кое-что понял. Концовка нашей жизни не будет счастливой, я никогда не стану хорошим мужем. И ты стала совсем другой, чем была когда-то.

- Ты где так набрался? Выгонят же ж!

- И ведь не было конкретного момента, когда брак пошел наперекосяк.

- Валь, Колина...

- Не смей говорить, что из-за сына! Мы омерзели друг другу сами по себе! – Вол со стоном вздохнул. Комната нагрелась, пришлось подняться и открыть окно. Свежий воздух был приятен спяну, потому Вол свесился на подоконнике. - Почему ты меня не бросила? Сын нашел духу убраться подальше. От нас! Почему ты решила остаться в клоаке со мной и с чокнутой мамашей, которая считает, что следовать религии, это когда ты донимаешь всех кроме себя?

- Если ты понимаешь, почему сам ничего не делал?

- Признаюсь, мне просто насрать, прежде всего на себя! Дети не хотят походить на отцов, но я своего переплюнул, это точно. Молодым, я хотел достижений. Если бы я тогда увидел себя теперешнего, то ни за что бы не поверил, что я смог таким стать. Такими мне виделась дворовые алкаши - падаль, что я презирал. Молодым, я чувствовал, что держу жизнь за гриву, еду уверенно, но спустя годы уже жизнь правила мною, а еще лет через десять я утомился под ее весом и плюхнулся в грязь. В грязи влажно и мягко, а главное, больше никто ничего от меня не ждет. Молодые мужчины идут мимо меня и видят не человека, а дворовую живность вроде помойных псов и голубей на засранном пятачке. Когда я прошу мелочи или закурить, мне швыряют на ходу, а чаще отворачиваются, жалея времени послать на хер.

- Шел бы ты спать, Валя. Всю жизнь я так хотела любви, чтобы счастливой парить в облаках, чтобы меня обнимали и предупреждали желания без одолжения, а с охотой сделать приятно. Но мы прожили так, как смогли. Я не ропщу, на все воля божья. Таков наш удел.

- Ppp! - Вол со внезапной злобой зарычал в трубку. – Все, не хочу говорить. Бывай здорова!

Вол посмотрел вниз: «Если сяду на окно с голым хозяйством наружу, через пять минут меня угомонят принудительно». Сплюнув, он прихлебнул из бутылки и закурил, опустившись голым задом на пол. Перед ним была комната, замершая в ночи.

«Мне плохо и не к кому обратиться».

«Нужно что-то делать. Выберишься, Вол!»

«Я устал, а им плевать на мой труд. Они ценят только бабки. Я работаю, мне больно, а плоды они оставят себе!»

«Мой удел...»

«Они загоняют меня в состояние, когда я начну подчиняться и почувствую себя дерьмом. Скотство, свинство, смирение»

«Свинья та, что лежит и не шевелится, а я пытался! Я работал, многое прошел за две недели. Я не свинья, нет, нет, нет. Просто минутка слабости. Я не умею отдыхать иначе. Слишком много лет я провел в мерзости»

«Вспомни, открытием месторождения ничего не закончится. Их нуждаемость заметна в скромных требованиях: не пить и правильно торговать ебалом. Помощники ищут повод оставить меня»

«Дай его!»

«Ты не дурак Вол, ты возьмешь, что и так плывет в руки»

«Если заporешь это дело, больше не получишь такой роскошной возможности. Подобное, брат, дается единожды»

«Или смерть?»

«Или смерть! Мне никто не поможет и не надо. Я никому не буду обязан, когда получу свои деньги, свою свободу»

Вол пошел в ванную комнату и вызвал рвоту, обхватив унитаз. После он выпил две бутылки воды и упал на постель. Явившемуся утром наркологу он отказал.

13

Два арлекина в белых облегающих тела комбинезонах изгибали тела в причудливые позы, встречая гостей у арки, овитой плющом. Увидев искаженную гримасу с черным ромбом на щеке, Вол напрягся всем телом и остановился, аж шлёпнул подметкой по каменной плитке. Кристина взяла Вола под руку и похлопала ладонью по вздущшемуся бицепсу. Она прилетела в Москву накануне вечером, чтобы сопровождать Вола, который, узнав об этом, возблагодарил господу, что ему не придется справляться с предстоящим в одиночку. Он положил свою ладонь поверх и, сведя брови, зашагал ко крыльцу особняка, где гостей приветствовал сам хозяин тожества.

- Сергей Иванович, дорогой! - воскликнул Дмитрий Палыч. - Рад, что нашел время посетить наш скромный праздник. Кристина, - они номинально лобзались, касаясь щеками, - будь я на десяток лет моложе и на двадцать сантиметров уже, посоревновался бы за такую красотку! - Дмитрий Палыч добродушно хохотнул.

- Охотно передам Ирине, - ответила с улыбкой Кристина.

- О, супруга привыкла пропускать мимо наветы. И это при том, что преданность столь редка в нашем городе. Повезло мне, верно? Ну, довольно мне задерживать вас на пороге, проходите в дом к гостям либо спускайтесь на задний двор, там дети. Закуски с аперитивом уже поданы.

Вол и Кристина вошли в двери особняка. Холл и прочие комнаты были словно выдолблены в глыбе золота.

- Гондон, - шепнула Кристина.

Вол вопросительно свел брови.

- Пощипать друг друга - своеобразная часть этикета местной тусовочки. Не объяснять за урок, пропускай мимо ушей. Постигнуть эту науку можно только спустя годы битв... либо родившись женщиной, - ответила Кристина, пожав плечами.

Не особо поняв суть, но удовлетворенный ответом Вол спросил:

- Пойдем обойдем гостей? Поздороваемся, спросим, как дела и все в этом духе, как полагается в светской жизни.

Кристина поцокала кончиком языка.

- Не забывай, что ты главное украшение вечера. Не по статусу нам таскаться по гостям.

Не успела Кристина договорить, как перед ними выстроилась очередь из парочек.

- Сергей Иванович, рады видеть с супругой, - произнес первый мужчина, в котором Вол узнал замачего-то-там в ВЭБе из картотеки Даны.

Вол подал руку, а зама уже теснил следующий вельможный с ботоксной дамой, на шее которой висел годовой бюджет провинциального городка. Вслед за коротким приветствием с ноткой раболепия,

пары сменяли друг друга. Вол впервые ощущал силу влияния Свечкина, человека, перед которым пресмыкаются те, кто сами взирают на простонародье исключительно через шторку Майбаха, если вообще снисходят вниманием, имея привычку отгородиться кордонами из замов и секретарей.

- В итоге по вашему совету искал замок в предместье Лондона, - начал вельможный, вода бокалом шампанского в такт речи. – В итоге риелтор посоветовала посмотреть еще варианты. В итоге приглянулся в графстве Бэкингемшир. Дороже, в итоге, на три миллиона, но что-то колыхнулось в груди, когда я там оказался.

- Когда твой друг в крови... - напел Вол.

- Именно! Не упомянуть сколько раз я в юности смотрел мушкетеров. Едва мы с Верой оказались на земле Бэкингемшира, то отпала нужда смотреть сам особняк, и я в итоге принял твердое решение о покупке. Есть же святые вещи, в конце концов!

- Древней постройки? – поинтересовалась Кристина.

- Ужас! - закатив глаза ответила жена вельможного.

- Вера! – осек вельможный.

- А что? Кристина, конец позапрошлого века, достояние чьего-то там наследия. Я не могу даже ручки поменять на дверях! Вывезла туда дизайнеров, разработали проект, а власти такие – тут сносить нельзя, стены не крась, камин не перекладывай, окон не меняй. А как, я спрашиваю, не менять, если дует, как в сарае. Зима близко. Кристиночка, уж не знаю, как жить.

- Дело-то не в жилье! У нас две квартиры в Лондоне, еще одна в Инвернесе. Замок для отдыха души. Хотя, кому я говорю... Сергей Иванович, и так каждый день. Сделаешь себе в коей веки подарок, а оборачивается новым витком проблем.

- Анетта! – Кристина окликнула девушку ровесницу в платье с открытой спиной, которая держала под руку плешивого господина с бульдожьими щеками.

Девушка радостно помахала в ответ и потащила «бульдога» к Кристине. Вол кивнул вельможному, который тактично отошел, уступая место. Кристина чмокнула Аннету в щеку, затем бульдога-мужа, Вол не привыкший к подобной близости на трезвую голову обошелся рукопожатием. Девушки немедля защебетали, а Вол перебирал в голове картотеку Даны. Перед ним стоял либо шеф-редактор крупной газеты из газового холдинга, либо префект Западного округа.

- Вашерон? – Вол указал на часы «бульдога», уцепившись за знакомую вещь.

Тот смущенно опустил левую руку:

- Подарок на тридцатилетие редакции, Сергей Иванович. Я, к несчастью, не могу позволить такие безделицы на скромное жалование, - сказал «бульдог» с глупой усмешкой.

- Как дела у издания? – спросил Вол, наблюдая, что Кристина еще общается с подругой.

- Трудности есть, но мы стараемся, и в условиях сократившихся бюджетов продолжаем выпускать качественные статьи.

- Через пару лет газеты, кроме парочки государственных, закроют за ненадобностью.

- Эта позиция - решенное дело?

- Бог весть. По мне вполне разумно, - ответил Вол.

- Понял, - с пониманием склонил голову «бульдог». – Спасибо за... мнение.

На «бульдога» напала икота, и взяв Аннету за руку он отвел ее на задний двор. Кристина улыбнулась:

- Прошу, аккуратнее раздавай мнения, я только пристроила Анетту, - шепнула она на ухо Волу, и остановив проносившего поднос с напитками официанта, подала Волу бокал виски. – К утру будет забава в Телеге, - сказала она и подмигнула.

Из соседней комнаты вышел Дмитрий Палыч и направился к Волу. Заметив это, остальные предпочли оставить почтеннейших наедине.

- Меня всегда занимало: при всей силе и возможностях, которыми обладают присутствующие, их занимает совершенно плебейский вопрос покупки очередной игрушки (глядя на вульгарную роскошь особняка Вол едва сдержал усмешку). Игрушки, на которой можно плавать по Атлантике или которой

можно присунуть, когда надоест стареющая жена. Благо остались среди нас люди, которые способны высидеть над неизменными инстинктами, - договорил он, хитро прищурившись, и пошел к другому гостю.

Проведя еще немного времени за разговорами, Вол спустился с Кристиной на задний двор, который представлял из себя типичный английский сад с прудом, заросшим по краям кувшинками. Каждый куст цветов и дерево было симметрично выстрижено садовниками. Центральную часть двора занимала просторная лужайка, обрамленная гранитными дорожками из массивных плит. Во внушительной беседке был накрыт стол, а рядом разбили два шатра, в первом аниматоры, увлекая шарадами и играми на привезенных аттракционах, с переменным успехом занимали детей, среди которых была двенадцатилетняя именинница Даша, в другом жена Дмитрия Ивановича устроила галерею картин и набросков собственной кисти. Рисовала она в основном портреты домочадцев и этюды в саду, последние она любила выполнять брызгами акварели.

Открывал вечер стенд ап комик, приглашенный в угоду моды на комедию. Незатейливые остроты про онанизм и проблемы тридцатилетних развлекли молодёжь, а уважаемая публика благодарила, что хозяева ограничились пятнадцатиминутным выступлением, чтобы с восторгом приветствовать выездной состав группы Ленинград. Под матерные песни жены, разогретые первыми тостами, повыскакивали в пляс, оставив мужей, которые порядком утомились их обществом, самим себе. Вол закурил и, откинувшись на стуле, вилял туфлей в ритм.

- Дал девке место, - с полчаса Вола не оставлял в покое директор крупной строительной компании, известный тем, что застраивает любой освободившийся участок столицы плотными жилыми свечками по тридцать этажей, - чисто номинально, чтобы зарплата капала.

Вол кивал, не особо вслушиваясь.

- И вот, представь себе, однажды, соскучившись от бутиков и путешествий, решила она всерьез приступить к обязанностям, - причитал строитель. - И благо бы имела малейшее понимание в строительстве, да хотя бы общее представление про бизнес. Взять парфюмерный дом, в который я вбухал денег немалых. Он стал, видите ли, не в тренде, мол у всех уже есть. Бросила!

Затянувшись, Вол плеснул себе и побольше собеседнику, надеясь, что тот поскорее отъедет.

- Записалась на тренинги к каким-то шарлатанам, которые в жизни даже ларька с сигаретами не открыли. Бог с ним, думаю. Перебесится, заскучает и проблема решится сама собой. Я уж готов дать бабки на любой бред, лишь бы отвадить ее от фирмы. Хер там! После тренингов она мнит себя неعبаться какой бизнесвумен. Заходит тут, дня три назад, на совещание... Что делать, в ум не возьму, если б смеялись надо мной, я бы их к ногтю, но негодуют-то справедливо, падлюка сука падла.

Встав помочиться, Вол похлопал по полечу пригорюнившегося магната и пошагал в гостевую уборную. У входа в особняк курил Дмитрий Палыч.

- Не скучаешь? - сказал тот проходившему мимо Волу.

- Ленинград, - ответил Вол.

- Понимаю, - покачал головой Дмитрий Палыч. - Думаю, вскоре появится повод развлечься.

Приняв слова за одну из колкостей, которой он не поймет и которую, по наущению Кристины, следует пропустить мимо ушей, Вол пошел себе дальше в туалет. Вернувшись, к своему глубокому сожалению, Вол обнаружил пустую сцену, а он так хотел взять автограф у самого Шнура. «Ничего, - подумал Вол, - попрошу Дану, у нее хватит связей раздобыть карточку с подписью». Сменившая группа заиграла попсу, а тем временем председатель правления госкорпорации, утирая пот галстуком, напевал менеджеру группы:

- Я — Семен, в законе вор, сам себе я прокурор, Бенья Крик мне друг, сестра та-та-та-та... Розенбаум! Ты че, не знаешь великого русского исполнителя?

Менеджер кивал и усиленно прочесывал интернет в смартфоне, опасаясь немилости высокой публики. Солнце меж тем забирало краски с неба, скрываясь за горизонтом. Горничные увели детей, за столом осталась взрослая публика и молодые дамы, кто привыкли выпивать наравне со спонсорами. С ослабленными галстуками разговор шел под водку:

- Уверены, что Крым будет последним?

- Куда еще? Приднестровье, Донбасс, Абхазия с Осетией, в Армении стоят.
- Серверный Казахстан.
- Назарбаев не дурак. Держит стабильность. Знает, если начнется политический кризис, наши не удержатся оттяпать кусок «типа русской земли» под сурдинку гражданской войны.
- Почему «типа»? На сервере русских большинство.
- Ссылаться на этническое большинство, аргумент на все времена. После таких заявлений начинаются войны.

Когда Вол вернулся за стол, повисла пауза, принуждавшая его высказаться. Выпив, Вол опустил взгляд, пытаясь вспомнить нечто умное из политических ток шоу.

- За столько лет вы так ничего и не поняли. Россия всегда держалась того, что не бросает в беде славянские народы. После развала постсоветское пространство представляет из себя тряпку, политую бензином. Коммунисты делили республики исходя из экономической целесообразности, никто в страшном сне не помышлял о развале, - раздался голос у входа в беседку.

Еще не поднимая взгляд, Вол признал голос Протасова. Особенно интриговало, что за спиной у того попыхивал сигареткой Дмитрий Палыч.

- наших вождей воспитали так, что союзные республики – это семья народов, а Россия – старшая сестра, - продолжил Протасов, шагая вглубь беседки. – Если начинается свара между младшими, Президент не сможет сидеть без дела. Русские гибнут или грузины, без разницы. Британской империи нет уже почти сто лет, а Английская королева до сих пор номинальный правитель стран Содружества. Фантомные боли скажите вы? Нет, имперский дух, в основе которого язык, культура и нераздельное прошлое, те самые деды, к которым повелось снисходительно относиться у молодежи. А у нас прошло всего-то тридцать лет, значит, деды еще живы, они помнят империю, многие с благоговением.

- Выступаете за возрождение Союза? – сказал строительный магнат. – Как вы не понимаете, это же кровь, лишения. Только восстановились и снова в разруху да окопы. Западный мир не потерпит!

- В Осетии, Абхазии, Приднестровье и Донбассе мы не аннексию искали, а стопорили конфликт, до поры. Крым тоже был взят до поры, чтобы не сгубили, не продали чужакам, не порубили флот на металлолом.

- Странно слышать такие речи от тебя, Роберт, - сказал «бульдог» шеф редактор. – В последнем твоём интервью я читал обратное: Власти завязли в прошлом, усталость от военных авантур, внешняя политика Кремля душил Россию. Не твои ли слова?

- Я и сейчас могу повторить. Однако, вместе с тем, я понимаю способ мышления Кремля и нахожу его обоснованным с геополитической точки зрения. Хочется жить по-европейски, очень хочется, но груз прошлого слишком велик, бросать дорого.

- То есть, даже либеральная голова Протасова способна склониться перед патриотизмом? – с доброй усмешкой сказал префект.

- Чтобы понять позицию, я долго приучал себя становиться на место другого, - ответил Протасов, наливая два бокала виски.

- Слова подлинного лидера! – сказал Дмитрий Палыч и подошел, намереваясь поднять бокал, но Протасов забрал оба:

- Сереж, позволь на пару слов, - сказал Протасов, приподняв бокалы.

У Вола похолодели пальцы, только благодаря алкоголю в венах он нашел силы подняться и проследовать в сад.

- Как здоровье жены? – нарушил молчаливую прогулку Вол.

- Словно на качелях, - сказал Протасов, приложившись к бокалу. – Борьба очень выматывает и ее, и меня. Как у тебя? Слышал, ты ездил в Монтрё.

- Подумал освежиться перед открытием, чтобы лучше смотреться в экране.

- Уверен, что запуск пройдет без задержек?

- Плохих новостей не было. Маркел и Дана держат руку на пульсе двадцать четыре на семь.

- Иногда думаешь, кто управляет твоей жизнью, ты сам или помощники, которыми себя окружил? Не подумай, это не камень в твой огород. Я сам такой же. Никогда не задумывался, чтобы выбросить их из своей жизни, чтобы перехватить контроль?

- С таким объемом дел, все равно придется искать замену. Только за время перестройки потеряешь контроль над компанией и здоровья сожжешь, пытаюсь удержать в голове столько, сколько не подвластно одному.

- Слаб человек, слаб.

- Роберт, ты что-то хочешь сказать? – остановился Вол и осмотрелся по сторонам. – К чему разговор о помощниках?

- Через неделю Президент вместе с тобой отчитается перед народом о запуске добычи на крупнейшем за двадцать лет месторождении. Если перевести на русский язык, мы откроем кубышку и начнем вынимать оттуда миллиарды. А что будет потом?

- Ясно, - сказал Вол, заглотив залпом виски. – Боишься, что посадят?

- Стоимость ОГК увеличится, как и наши состояния. Разговор со Свечиным не имел смысла прежде, ведь Свечкин рассчитывал на барыши от запуска, равно и его партнеры из АП. Но, - Протасов огляделся и склонился к уху Вола, - имеет ли текущий Свечкин понимание, что ждет его после, когда начнется дележ?

- Всем, кто жаждет распродать национальное достояние, место за решеткой!

- Дурак! – шепнул Протасов и схватил Вола за руку. – Тебе ничего не сказали про настоящий расклад, а самому ума не хватает разобраться. Верно, в этой игре один из нас сгинет. Но поверь, им буду не я.

- Я больше не хочу говорить об этом, - ответил Вол.

- Ты получишь срок, прими это за данность. Однако, всегда есть нюансы. В моей власти позаботиться, чтобы ты сидел спокойно, а по выходе получил солидную компенсацию. Взамен от тебя понадобятся некоторые действия в ближайшую неделю. Готов слушать?

- Разве ты дал мне выбор? - ответил Вол, решив узнать побольше о плане врага, чтобы передать их Маркелу и так реабилитироваться в его глазах.

- Компания находится на распутье, и я не могу допустить, чтобы государство продолжило душить рынок в стране. Национализация ведет к стагнации экономики и сверхобогащению чиновных псевдоэлит. Чтобы сохранить доходы они пойдут на любые репрессии в отношении демократии. В такие дни должен найтись человек, который скажет «нет». Я готов принять этот крест. ОГК никогда не будет служить диктатуре. Она сольется с европейскими нефтяными компаниями, получит независимость и приобщится к ценностям свободного мира. Тому, что затевается смогут помешать только задействовав грубую силу. Пока АП не идет на силовой шаг в отношении меня из-за скорого старта добычи. Таким образом, у нас есть неделя, чтобы сыграть на опережение. Перейдем к твоей роли. Когда помощники Свечкина будут устранены...

- В каком смысле? – перебил Вол.

- Ты сел играть со взрослыми ставками. Итак, после устранения прокладки, которая отделяет тебя от реального управления, мы соберем совет директоров, где ты поддержишь мои устремления по передаче контрольного пакета ОГК иностранцам, который мы продадим солидарно. По итогу, разумеется, пресс-конференция.

- Тем же вечером меня арестуют...

- Вполне вероятно, - сказал Протасов, скрестив руки на груди, - но с моими гарантиями. Дмитрий Палыч разумно принял мою сторону, за ним последовали ряд министров. Очень многим выгоден мой вариант России будущего.

- Я должен идти. Не хочу оставлять Кристину с пьяными, - сказал Вол и начал уходить.

- Я выиграю. Храброму нужен только шанс. Я получил свой благодаря старому другу Свечкину, - сказал Протасов и, взглянув на небо, перекрестился.

Погруженный в тревожные размышления Вол не заметил, как оказался снова в беседке. Он навалился на опору и достал сигарету, сясь унять дрожь в пальцах. Шаря по карманам, он не мог отыскать зажигалку, но тут перед носом вспыхнул огонек.

- Зачем ты согласился на разговор? – негодуяще прошептала Кристина, прикуривая Вола.

- Как, по-твоему, нужно было поступить? Закрывать лицо руками и убежать?

- Не знаю. Мне очень не нравится внезапное появление Протасова.

- Не внезапное, Кристин.

Насупившись, она взяла сигарету из пальцев Вола и затянулась.

- Вижу разговор с партнером взволновал тебя, Сергей Иванович? – сказал Дмитрий Палыч, видимо появляться из ниоткуда было его любимым занятием.

Кристина взглянула на Вола и тот кивнул ей в ответ, и она недобро улыбнулась.

- Вижу, водка спасла вечер, - сохраняя оскал, сказала Кристина кивнув на пьяную ватагу в беседке.

- Ты заскучала? С моими скромными финансами трудно угодить даме, повидавшей всякое.

- Бросьте Дмитрий Палыч. Не поспешили на «Ленинград», порадовали свежей музыкой, - Кристина вернула Вола сигарету. – Прошу прощения, мне нужно в дамскую комнату.

- Не желаешь воспользоваться нашей? – спросил Дмитрий Палыч.

- Разумеется не гостевой, от обилия эскортниц там страшно к чему-либо прикасаться.

Не дожидаясь пока она отойдет, Дмитрий Палыч заметил Вола, как бы между делом:

- Кстати, знаете, в чем популярность эскортниц? Они знают место и берут значительно дешевле жен, - рассмеялся Дмитрий Палыч.

Кристина остановилась словно подстреленная.

- Зарываешься! - резанул громко Вол.

- У вас усталый вид, Сергей Иванович. Все ли в порядке? – ответил Дмитрий Палыч, косясь на стоявшего поодаль Протасова.

- Довольно словесной хуйни! У тебя погоны, а я могу говорить в ухо (Вол хотел сказать президента, но решил усугубить) хозяина. Посоревнуемся?

- Обидно видеть, как в день рождения моей дочери, в моем собственном доме разгорается распря.

- О чем ты? - улыбнулся Вол и приобнял Кристине. – Разговор меж старыми друзьями. Благодарю за хлеб, за воду. Нам пора.

Кристина резко повернулась и запустила ладонь в лицо Дмитрия Палыча, но Вол успел остановить руку до удара.

- Твои руки не заслуживают ударов, - сказал Вол. – Они достойны этого, - и поцеловал ее ладонь. - Знатокам эскорта не понять.

Сев в подогнанный ко входу Майбах, Вол сказал с разочарованием:

- Они такие же, как и я.

- Много хуже, - сказала Кристина, поправляя макияж.

– Я надеялся увидеть исключительные качества, что привели их к вершине, но вместо ответа теперь я не знаю, что думать. Почему они, почему имеют столько?

Кристина спрятала пудру в сумочки и улеглась поудобнее на плече Вола.

– Наплюй, они ничтожества, - произнесла Кристина сквозь зевоту, устроившись на плече Вола.

Вернувшись в особняк Свечкина, Вол встретил нервно разгуливавших по холлу помощников. Вчетвером они переместились на кухню, где Вол и Кристина дали подробный рассказ о событиях праздника, поведении гостей, предательстве Дмитрия Палыча и особенно о разговоре с Протасовым.

- Поистине Протасов в отчаянии, раз осмелился открыться так грубо, - сказал Маркел, потирая щеку. - Ты молодец.

Похлопав Вола по плечу, Маркел встал. Уставший Вол вертел по столу бокал с виски и тяжело дышал.

- Вы все знали, - тихо сказал Вол.

- О чем, прости? - участливо спросила Дана.

- Что меня могут посадить, если запуск месторождения сорвется, - сказал Вол, устававшись ей в глаза.

- У Протасова ничего не выйдет, его план умозритель, – сказал Маркел. - Да, он сумел переманить Дмитрий Палыча и либералов из правительства, но мы опираемся на президента. Так что поддержка Протасова не стоит десятой части нашей! Сведения, которые ты принес, скажу так, мы о них знали. Однако, ты доказал преданность. Это важно. С надежным тылом мы укрепим настрой сторонников. На днях Протасов сделает ход, подождём, а ты... - Маркел задумался, - а ты, езжай-ка в отпуск на денек-другой, приведешь нервы в порядок, да и Протасов не сможет до тебя добраться, - телефон Маркела зазвонил, - извините.

- Куда бы вы хотели? – спросила Дана, поглядывая на отошедшего Маркела. – Можете вернуться на виллу на Лазурке, либо организуем тихий островок. На Мальдивах? Все мечтают о Мальдивах.

- Домой, - подумав, ответил Вол, – подальше от всего вот этого вот.

- Не подумайте, что я намерена обидеть, но состояние вашей внешности слишком ценно, чтобы отпускать вас в, простите, маргинальную среду. Дело не в деньгах, но в затраченном времени. Восстановить лицо в случае травмы или ... - сказала Дана.

- Я хочу домой! – крикнул Вол.

- Да твою-то мать! – выкрикнул Маркел, швырнув телефон в холл.

Встрепенувшись Кристина поднялась из-за стола. Проведя коготками по плечам, она поцеловала Вола в щеку.

- Пожалуй, я пойду к себе, - с улыбкой шепнула она на ухо Воле, зарывшись носом в волосы, и ушла вверх.

Маркел уперся лбом в стену. Оказалось, сын заместителя генпрокурора, фирму которого ОГК вынужденно подрядила для строительства инфраструктуры на втором по протяженности участке газопровода, сбежал с деньгами вахтовиков.

14

- И это значит... - произнёс Вол, наблюдая как по залу туда-сюда нервно ходили помощники.

- ... что этот хрен, - Маркел имел в виду, разумеется Протасова, - создал инфоповод размером с Юпитер, чтобы отложить церемонию. АП ни за что не подставит президента под угрозу оказаться в кадре напротив толпы разъяренных работяг. Это тебе не тик-токеры на митинге Навального!

- Особенно после недавнего: «ГАЗ за вас!», - сказала Дана, быстро настукивая в мессенджере сообщение за сообщением. - В новостях подадут, что простой народ с президентом, а олигархи воруют национальное достояние и не упускают случая их, работяг, наебать... И вот, сегодня злой олигарх – это Свечкин!

- Ручку не на стол, а сразу в глаз метнет! – сказал Маркел.

- Едем к Протасову? – сказал Вол, хлопнув по коленям.

Одновременно Дана и Маркел остановились и недоуменно уставились на Вола.

- По Станиславскому вжился в роль, - ёрничал Маркел. – Что же ты намерен делать? Так, ради интереса.

- Престань издеваться над человеком, – вступилась Дана. – Ваше желание помочь, Валентин, очень похвально.

- Едем, - сказал Маркел Дана и, сменив выражение лица на более благожелательное, сказал Воле: - Нервы, извини. Раз случилось так, что твой отдых дома не осуществим, могу предложить сегодняшний вечер. Особняк в твоём распоряжении, пей, гуляй, веселись, горничные знают нужные для досуга номера телефонов. Охрану я предупрежу, чтобы не мешали и слушались. В Москву не суйся. Не из вредности, просто тебя сразу окружают с вопросами и журналиги набегут. По Барвихе кататься не запрещают. В общем делай, что угодно... разве что, не спали дом.

Дана широко улыбнулась и вышла вслед за Маркелом, оставив Вола одного в кабинете Свечкина. За окном успело стемнеть. Присев на край стола, Вол оценил перспективы. В состоянии изобилия он совершенно терялся в вопросе, чем себя занять. Можно было справиться о здоровье Игоря, тот отлеживался

в доме для персонала. Приход к нему означал бы мучительную необходимость подбирать слова относительно качеств собственной персоны. Для самоуничижения у Вола не осталось сил, его душевный настрой походил на высушенную солнцем медузу.

- Коньячку, Валентин Григорьевич? – спросила Катерина, озорно переглядываясь с Лилей, когда Вол, спустившись вниз, брел мимо столовой.

Удивительно, как простой вопрос способен переменить состояние человека. Вол подошел к столу и барабанил пальцами по столешнице до тех пор, пока не посчитал, что бокал наполнен до нужной меры. Но Катерина налила еще сверху того. Выпив махом граммов сто, Вол хрипло выдохнул и сунул в рот пару ломтиков лимона.

- Не выйдет, - сказал он, отойдя от жжения.

- Что, простите? – спросила Лиля.

- Сплавить меня побыстрее. Мне положен заслуженный праздник, и я его получу, - сказал Вол. – Что ж, кроме банных процедур, чем мне себя развлечь?

- Чем угодно, - уверенно сказала Лиля.

- Кроме сожжения особняка, - заметила Катерина.

- Ох, не доверяю. Маркел вечно обломает все веселье, - сказал Вол, присев.

- Потому что, не сочтите за неуважение, вы не Сергей Иванович, - ответила Лиля.

Вол поднял бровь и задержал прямой взгляд на Лиле.

- Расскажите, девочки, о кутежах покойного олигарха, – сказал он, понизив голос в конце фразы.

- Например... - Катерина задумалась. – Как-то во двор подогнали огромный бассейн, набили до отказа шала... девушками из агентства, а прежде каждую выкрасили в кислотный цвет, чтобы бассейн стал похож на... как будто он наполнен шарами, как в аквапарке. Только для взрослых и под кокосом. Сергей Иванович выходил на балкон, хлопал в ладоши, и девушки ныряли, поднимая над поверхностью разноцветные попы, а потом довольный шеф спускался и шлепал по задницам. Еще, бывало, бассейн, но уже наш, наполняли вином. Обычное в принципе дело. Вокруг моря винища происходила оргия с русскими девочками в черной краске и напудренными неграми. Не спрашивайте зачем, не знаю. Кокоса привезли, не соврать, целый кирпич, а затем ...

- Довольно, - прервала ее Лиля, проявляя без того безупречно сидевшее на ней платье. - Еле разогнали этот шалман, прости господи.

- После такой попойки мне придется лечь в клинику на месяц, - сказал Вол поднимаясь. – Не волнуйтесь, не стану я закатывать оргий. Просто ящик погляжу. Устал.

Женщины довольно переглянулись.

- С бутылочкой, - добавил Вол, как бы меду прочим.

Лиля одобрительно опустила веки, и Вол гордый скромностью пошел к облюбленному дивану перед большим экраном. В телевизоре, как обычно, сотни каналов, но все какая-то дрянь. Отчаявшись найти что-то интересное, Вол остановился на фильме семидесятых годов про Дикий запад. К тому времени горничные поднесли коньяк, и опустошив бокал-другой, Вол принялся вникать в сюжет.

Скитания по фронтиру в поисках работы привели главного героя по прозвищу Стрелок в городок прокладчиков железной дороги. Лишний револьвер в тех местах всегда на вес золота, ведь прерии кишели хитрыми дикарями, а всем известно, что краснокожие более всего на свете жаждут разлучить белого джентльмена с его скальпом. Наступила ночь, Стрелок пил виски в салуне поодаль от остальных посетителей, прищурился и не снимая ладони с рукоятки серебристого «Ремингтона». Тут в бар входит белокурая леди. Из-за стола встали два грязных старателя из Мексики и нагло преградили леди путь. Однако, не в манере Стрелка оставлять даму в беде. С ловкостью парировав выпады, Стрелок выбросил мерзавцев сквозь двустворчатые барные двери на пыльную улицу. От испуга леди упала без чувств прямо на руки Стрелка, но Стрелок не воспользовался слабостью и унес девушку в отчий дом. Поутру, за час до рассвета Стрелок поднял с глаз шляпу, разбуженный выстрелами. Подлые индейцы устроили набег. Выскочив на улицу, Стрелок палил с двух рук по-македонски, укладывая дикарей штабелями, точно из пуле-

мета Максим. Вдруг до его ушей донесся пронзительный крик. Это на другом конце улицы индейцы неволили милую леди. Связанную ее бросили на коня. Развернулась сцена погони, отважный Стрелок почти догнал похитителей, однако, хитрые дикари устроили засаду и тайной ловушкой опутали стрелка прямо на коне. Окружённый герой вынужден сдаться в плен, с расчётом на то, что в лагере краснокожих он разыщет леди. На третий день план вызволения исчерпал себя, когда леди обменяли на ружья. Про наемника Стрелка в городке не нашлось кому вспомнить. Шли недели. Стрелок со скуки начал изучать быт пленителей.

Началась реклама, Вол закурил в пьяных раздумьях об увиденном. В особняке лифт поднялся на второй этаж. Катерина принесла пепельницу и шепнула:

- Кристина Михайловна вернулась. Зашла с заднего двора.

Ногами, подобными мраморной Венере, Кристина спустилась по лестнице и, прогнав взглядом горничную, забралась на диван. Вол показал ей раскуренную сигарету, Кристина помотала головой и устроилась на плече Вола.

- Чего смотришь? – спросила она.

- Вестерн. Я такие в действе очень любил, но мать не разрешала. Странно, почему всё, что мы любим, нам запрещают. Не пей, не кури, не прелюбодействуй, - улыбнулся Вол. – Эти вон, индейцы, сколько тыщ лет курили свою дурь, и ничего. Теперь сажают.

- В Америке уже легалайз.

Вол нахмурился.

- В Штатах теперь не сажают за травку, - пояснила Кристина.

- Да я о другом. В нас формируют чувство вины. Чтобы мы ходили вечно понурые. Кому это нужно? Уж точно, не мне, - сказал Вол и выпил. – Ну да ладно. Давай смотреть, реклама кончилась.

Наступила осень. Стрелок, давно позабывший о леди, освоился в племени. Европейское платье и пыльник он сменил на традиционную одежду и теплую накидку из бизоньей шкуры. А еще он приглянулся молодой вдове, которая потеряла мужа в набеге, и спустя время Стрелок перебрался к ней в типи. Из рассказов племени выяснилось, что владелец железной дороги нанимал охотничьи бригады для убоя бизонов, чтобы уморить голодом коренных жителей и так согнать их с исконных земель. Коренные американцы поняли, если отступят, то белые погонят племя с места на место покуда не изведут под ноль. Вождь собрал племенной совет, высказался за борьбу с бледнолицыми захватчиками. Взгляды устремились на Стрелка.

Ночь. Отряд индейцев подкрался к городку железнодорожников и залег на пригорке. Внизу шла размеренная жизнь. Бакалейщик закрывал лавку. Усталые рабочие плелись по домам. У салуна случилась обычная перебранка, которая окончилась возвратом за стол. Затаившись в кустах, Стрелок потирал рукоятку револьвера в кобуре. Его взгляд метался между товарищами из отряда и городком.

- Как дела? – спросил Вол, не отрывая взгляда от телевизора.

- В салоне была на процедурах, потом прошла по ГУМу. Немножко. Думаем с Полухиной слетать развеяться до четверга, ты как раз будешь занят своими важными делами. Не против, я возьму наш джет? Ты все равно полетишь на корпоративном.

- Я не о том, - Вол повернул ее подбородок к себе, - Ты сама, как себя чувствуешь?

Кристина подняла брови. По выражению ее лица стало понятно, что подобный вопрос она слышит не часто. Не то, что от мужа, в принципе не часто. Людей ее круга, которые попали в золотую реку из грязного тесного ручья, заботил мир вещей, событий и статусных сплетен; молодые приживалы существовали в неосознанном предчувствии, что водопад, который низвергнет их обратно в ничто, пусть не близок, но впереди.

- Не знаю, милый.

- Как это возможно, не думать о своих чувствах? И давно это у тебя?

- Поначалу, как только попала в элитное общество, я очень тревожилась. Я окунулась в мир, где не надо зарабатывать, где деньги как воздух, о котором не думаешь, они просто есть и будет всегда. Я вос-

хищалась новыми подругами, с которыми познакомилась. Они имели внешность ангелов с показов «Виктории Секрет». Но я ужасалась их душами, которые они показывали ненадолго, когда тусовки заканчивались и мы оставались наедине. Они были совершенно опустошены. Я не понимала: ты всего-то два года живешь светской жизнью, и она настолько тебя высосала. Я боялась, что меня ждет та же участь. Послушай, выглядит так, будто я ... - заговорила нервно Кристина.

- Если тебе трудно об этом говорить...

- Недавно было. Моя знакомая девушка курила дома и увидела мойщик окон, который висел на тросе. Она открыла окно и спросила: хочешь выпрыгну? Парень воспринял это за флирт, она дразнила его в одном нижнем белье. А потом вышла в окно. Двадцатый этаж. Глотнула мартини и вышла. У нее не было проблем, она не была больна. Просто так. А папик спал еще полчаса, пока в дверь не постучала полиция.

- Совсем одурели девки, - крикнул Вол, хлебнув коньяка.

- Да и нет, не только в этом причина. С нами иначе, чем с мужчинами. В четырнадцать ты замечаешь, что окружающие вдруг чего-то от тебя захотели, без причины приветливы, нервничают, там. К сожалению, я не только про мальчишек сверстников. Тебя хотят покатать на машине, сводить в ресторан, купить побрякушки. Ты начинаешь постигать женственность, и узнаешь причину. Тебя хотят трахнуть. Сильно хотят. Это понимание переворачивает мир. До этого ты была ребенком, а теперь ты вынуждена жить с осознанием, что имеешь огромной ценности товар – свое тело. Естественно, ты решаешь не продаваться, отвергаешь искушение принимать подарки. Ты же не шлюха. О, девочек так запугали, что в страхе перед клеймом шлюхи они готовы на любую жертву. Забавно, некоторых трахали под шлюшым шантажом. Еще я помню пьяных подруг матери, которые из забавы окунали тебя в поскудные и во многом перевернутые рассказы о мужиках, о грязных телесных подробностях. О том, что всем им нужно только «это», а «это» имеет огромную ценность, и абы кому «это» давать нельзя. Эти сучки говорили: любви нет, ищи выгодную партию. Ты не веришь и решаешь любить, если уж отдаваться, то только из-за милых чувств. До двадцати ты встречаешься с парнем и наталкиваешься на тупое собственничество. До двадцати вы на одной волне - пузырь пива и тачка, особенно если ничего не видели в жизни, но после двадцати ты начинаешь иначе смотреть на своего дурачка. Претензии копят, и вы разбегаетесь. Но ты по-прежнему честная, ты не продаешься и продолжаешь ждать с верой, что следующий будет лучше, умнее, ты его воспитаешь. В двадцать четыре ты нет-нет начинаешь замечать успешных сверстниц, как они ездят в красивых машинах, за фотками в инсте, за красивым уикендом на Бали. Твой же предел - берег водохранилища с одноразовым мангалом. Близится конец института. Перед тобой открывается выбор. Можешь продолжить доказывать, что ты хорошая, залететь, живя в арендованной однушке с мудаком (видишь, из меня уже лезет) ... мужем, который мечтает о дружках с пивом и играх на приставке, пока ты будешь обслуживать его в перерывах между заботами о ребенке.

- Другой путь, как понимаю, вот, - Вол провел рукой перед собой. – По мне, ты слишком драматизируешь. Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Это нормально.

- Где лучше... - ухмыльнулась Кристина. – Женщине всегда приходится отдавать себя взамен. В мире роскоши тебя пользуют, как и в бедном, только намного циничнее, - Кристина немного помолчала. – Однажды к тебе приходит новое важное осознание: товар вскоре испортится, а позади уже жадно облизывается сотня завистниц.

- Кристин, чего ты? Я и думать...

Кристина положила пальчик на губы Вола.

- Мужчины говорят, что будут любить до гроба, и в моменте, когда произносят, они действительно верят в это.

Вол ощутил едва уловимую дрожь ее тела.

- Жизнь доказывает обратное. Нас меняют, как старый айфон. Если успеешь родить, получишь содержание и откроешь галерею или модный дом, поведешься с душными клушами, такими же, как ты. Многие заводят себе мальчика, потому что, у кого бабки, тот и покупатель, - Кристина уткнулась в плечо Вола. – Наше поколение другое, мы не можем жить, как тетки из нулевых. Мы читали, мы смотрели, мы

узнали, что в жизни надо что-то полезное, значимое для мира. Найти смыслы. Я не только дырка между ногами, Сережа или кем бы ты ни был!

Услышав последнюю фразу, Вол отпрянул от Кристины, даже малость протрезвел.

- Боже мой, неужели ты думал, я не догадалась? Серьезно? – Кристина закрыла лиц ладонями. – В какой же я заднице...

Вол полез утешать, Кристина позволила себя обнять.

- Я беременна.

- От кого? – удивленно спросил Вол.

Кристина вырвалась.

- От Лили горничной, от кого еще? Не тупи! – крикнула она, но мигом остудила гнев. – Прости. Ты спрашивал про мои чувства? Мозг рвало от тревоги. Я поняла, что если продолжу, то буду следующей, кто выйдет из окна. И вот, возвращаюсь в Москву с намерением выдохнуть, придумать себе цель и по возможности кайфовать от каждого прожитого дня. Потом вместо мужа я вижу тебя. Вот так я себя чувствую.

- Почему ты пришла ко мне ночью, если распознала подмену?

- Я посчитала, что Свечкина опять заменили, и от страха решила себя обезопасить. По календарю я не должна была залететь, но из-за нервов забыла позаботиться наверняка.

- Опять? – Вол заерзал на диване. – Ты хочешь сказать, я не первый двойник.

- Догадки появились, когда мы только съехались, - сказала Кристина, подавая Волу бокал с коньяком. – Первую жену Свечкина выгнали незадолго до моего появления в особняке. Заочно развели, заткнули рот деньгами и отправили в Лондон на ПМЖ. Мы так друг друга не повидали. Сергей тоже подозрительно ни разу не заговорил о бывшей, словно бы ее вовсе не было. Когда мы поженились, я много гуглила о Сергее и его бывшей жене. Писали, что он внезапно пропал где-то за месяц до нашего знакомства. Исчезновение журналисты объяснили романом со мной. Я прикинула даты: мы познакомились незадолго до того, как он вновь объявился на публике. Выходит, я послужила удобным прикрытием внезапному исчезновению олигарха и такому же внезапному возвращению.

- Месяц, говоришь? Учили, как и меня, - сказал Вол.

Кристина спросила, держа за руку:

- Что будем делать?

- На месторождении обманули рабочих, Дана и Маркел поехали разбираться. Я хотел помочь, но мне велели сидеть дома и выпивать. Блин, Кристин, я не человек великих поступков, - сказал Вол, конфузясь под взглядом Кристины добавил.

- В том и дело! Им выгодно заставить тебя поверить, что ты годен только изображать образ Сергея. Пока ты видишь себя лишь актером, ты останешься игрушкой в руках Маркела и Даны.

- Не подбивай меня! Да и к чему, я не пойму? Что я могу? Здесь без году неделя. Толком никого не знаю.

- Зато тебя знает целый мир. Вернее того, кого ты изображаешь.

- Кристина...

- Не кристинай! Теперь ты отвечаешь не только за себя, - Кристина положила ладонь Вола себе на живот, - но и за того, кто растет внутри меня.

- Да, сознаю я, что должен заботиться, только... Не достаточно напаялить костюм, чтобы стать крутым олигархом!

- Не только костюм, ты принял его внешность, его дом, его жену. Ты знаком с его партнерами и врагами. Не забыл? Свечкин ты или жалкий двойник зависит от решения, кем ты себя определишь.

- Маркел и Дана не допустят...

- Они сильны, пока ты позволяешь себе слабинку.

Вол закрыл глаза и откинулся на диване. Глоток оказался слишком большим и коньяк едва не полез обратно. Эффект алкоголя, отсроченный волнительным разговором, ударил в голову с накопленной силой.

- Фуф, - тяжело выдохнул Вол, - чет меня накрыло. Как всегда, я все проебал. Нужно принимать решение, а я в говно. Кристина, милая, нахрен я тебе такой нужен?

Кристина улыбнулась и пошла наверх. Глядя на нее сквозь тяжелые веки, Вол принял, что бухло привычно сделало выбор за него, выбор, который состоял в бездействии. А похмельное страдание искупит муки совести. Сквозь отторжение Вол допил остаток коньяка в бокале. Телефильм подходил к финалу. Стрелок вернулся в городок железнодорожников. После разорения индейцами туда пришла новая фирма во главе с грозным полковником из южан и отрядом конных карателей. Полковник не поверил рассказу про то, как индейцы отпустили Стрелка его без хитрого умысла, но свободных револьверов, как обычно, не хватало, и Стрелка приняли под условием, что он выдаст расположение племени.

Кристина растолкала осовелого Вола и протянула таблетку.

- Кофеин?

Кристина улыбнулась в ответ, а Вол безразлично закинул таблетку в рот.

- Не глотай! – остановила Кристина. – У тебя же нет проблем с сердцем?

- Пока не было, - ответил Вол и запил из графина с яблочным соком.

Они легли на диван. Кристина устроилась на груди Вола.

- Не переживай, мы таких по упаковке съедали в ночь перед экзаменами, - сказал Вол, глядя Кристину по волосам. – Чего смеешься? Я тоже когда-то был молодым. Здоровый, сильный был! А теперь я лишь разочаровываю.

- Подожди немного.

Фильм приближался к кульминации. Стрелок привел отряд всадников к лагерю индейцев. В опустевшем лагере на пути карателей встала только безоружная женщина, та самая, что полюбила Стрелка. Белые сладострастно заулыбались, предвкушая потеху. Полковник спрыгнул с лошади и хотел было схватить женщину за волосы, но та издала переливистый вопль индейцев, который ввел полковника в замешательство. Тем временем, Стрелок пропустил отряд вперед и оказался позади. Выхватив револьверы, он издал ответный клич. Полковник с ужасом оглянулся, и в этот миг женщина вынула из-за спины нож и вонзила его в прямо живот полковника. Стрелок открыл пальбу, а из засады посыпались в боевой раскраске воины-индейцы с томагавками.

- Как обычно, все из-за баб! - рыкнул Вол, ощутив энергию, льющуюся от сердца к голове, проясняя ее.

- Все хорошо, - приговаривала Кристина, не отрываясь от грудины, под которой разгонялось сердце.

- Что ты мне дала? – Вол пугался разраставшейся внутри мощи.

- Молли, - засияла Кристина, и отпрыгнула на другой конец дивана, чтобы наблюдать. – Завалилась после L.A., думала пропадет, а нет, пригодилась.

- Это типа кремлёвской таблетки? От которой КГБшники быстро трезвеют?

- Такое много кто юзает, - игриво наклонив голову, сказала Кристина.

Вол подскочил с дивана и принялся нервно ходить из стороны в сторону, потряхивая головой. Вдруг он замер, уставившись на телевизор.

- А хули он? – ткнул он пальцем в сторону экрана, притопывая ногой. – Знаем мы таких! Павлик Морозов! Привел отряд в засаду и радуется!

- Он выбрал, кем и с кем хочет быть, - ответила Кристина. – Некоторым бы поучиться.

- Контра! – заговорил Вол на повышенных тонах. – Пиздить таких надо! Хотя эти твари тоже хороши, удумали толпой сношать бедную вдову! Ух я им! – сказал Вол и топнул со злости. – Они такие же как этот, хрен, Протасов. Собрал толпу, чтобы угрожать мне, - Вол выпучил глаза на Кристину, – а через меня и моей жене! Беременной жене! Сука... Это кем надо быть, чтобы угрожать беременной жене!

Вол заметался по комнате, щелкая вспотевшими пальцами.

- Жарко. Надо подышать, - Вол остановился, глядя совершенно очумело. – Иди спать. Ты ж мать! – и выбежал на крыльцо.

- Эй, хлопцы!

Вол начал кричать метров за двадцать до поста КПП. В припрыжку он приблизился к всполошённым охранникам и хлопнул первого попавшегося по груди, выплюнув изжеванную сигарету, которую так и не зажег.

- Какой русский не любит быстрой езды! – воскликнул он.

Охранники непонимающе уставились на Вола.

- Барин кататься изволит! – крикнул он. – Давайте, давайте, выгоняйте тачки! Маркел, обещал, кроме пожара, мне раздолье!

Охранник связался по рации с Сергеем Сергеевичем и убежал в гараж. Вернулся он на Большом черном джипе.

- А че только один? Я олигарх или пипка тузика? Подгоняй еще две машины, хочу кортеж! – похозяйски говорил Вол с агрессивной жестикуляцией.

Остальные, кроме сидевшего в будке дежурного, побежали в гараж.

- И калаши захватите! Мало ли, хули, полно хулиганья.

- Имеются, ... - охранник из первой машины не знал, как обратиться к Волу.

- Сергей Иванович! - крикнул Вол. - Или позабыли имя руководства?

- Нет, Сергей Иванович.

- Добро! – улыбнулся Вол и залез на переднее сиденье.

Дождавшись, когда остальные машины прибудут к воротам, в последнюю запрыгнул подоспевший Сергей Сергеевич.

Ночью дороги Барвихи освободились. Подстрекаемый Волем кортеж гонял по ним точно отморозенная молодежь.

- Отвези-ка меня к дому Протасова Роберт Максимилиановича, - сказал Вол, хлопнув по приборной панели.

- Приказ ехать к Протасову, - передал водитель по рации. Выслушав ответ в наушник, он спросил: - Сергей Сергеевич спрашивает про ваши намерения относительно цели маршрута.

- Посмотреть хочу, где вражина засела, - ответил Вол.

Охранник передал ответ.

- Сергей Сергеевич уточняет, собираетесь ли вы заехать в гости?

- Так, у ворот гляну на особняк и поедем дальше.

Охранник предал ответ.

- Сергей Сергеевич утвердил маршрут, но советует не выходить из машины во избежание непредвиденных ситуаций.

- Раз сам Сергей Сергеевич говорит, значит, посмотрю из-за стекла, - засмеялся Вол и вцепился в поручень двери, с трудом удерживая распирившую энергию.

Сергей Сергеевич приказал не останавливаться у особняка Протасова, а на малой скорости ехать мимо, чтобы Вол смог разглядеть строения резиденции. Протасовский дом в отличии от особняка Свечкина, представлял собой двухэтажную постройку скромных размеров в стиле скандинавского минимализма с просторным остеклением. Гараж по всей видимости был внутри дома на цокольном этаже. По кованной ограде вилась плотная растительность, которая к ноябрю успела высохнуть и не мешала просмотру. От ворот к дому вела витиеватая дорожка, с кленами по обочине. Большую часть территории занимала идеально выстриженная лужайка, на которой расположился уютный домик для отдыха на манер крытой беседки и гостевой дом, по стилю подражавший хозяйскому. Отдельно были вынесены стойла для лошадей, для выездки которых и держали обширную лужайку. В окнах дома горел свет. По территории бродили два скучавших охранника.

Не успели охранники обрадоваться, что экскурсия у дома Протасова прошла гладко, как Вол начал проситься за руль, едва они свернули на другую улицу.

- Хочу прокатиться, - твердил он водителю.

Водитель передал запрос Сергей Сергеевичу и получил решительный отказ.

- Дай-ка, - Вол выдернул наушник из уха охранника и начал в него кричать. – Ничего не случится если я проеду пару метров! Век не сидел за баранкой!

Охранник объяснил, что Вола не услышат через наушник и протянул рацию. Вол повторял просьбы уже в рацию, однако, уговоры не колебали непреклонность Сергея Сергеевича пока Вол напомнил про странный приказ Маркела «потакать любым прихотям, кроме пожара». Ломая через колено свое профессиональное чутье, Сергей Сергеевич позволил водителю передать Волу руль под условием ехать исключительно прямо и не быстрее сорока километров в час. Торжествуя, Вол прогнал водителя из-за руля, и пока тот обходил джип чтобы сесть на пассажирское сиденье, Вол перескочил на водительское и дал по газам. Со шлейфом он сделал дугу и промчался обратно к особняку Протасова. Наивно было искать теплого приёма среди ночи, поэтому с верой в прочность бампера джипа Вол на скорости протаранил ворота и в облаке пыли остановился у главного входа в особняк. От резкого торможения Вол треснул головой о руль, однако, наркотик в крови позволил быстро прийти в себя. Вол обернулся – две машины с охраной и Сергеем Сергеевичем въехали на территорию следом. На заднем сидении Вол обнаружил автомат водителя. Радуюсь повторной удаче, Вол схватил оружие и вышел из машины. К тому моменту сбежалась охрана Протасова, которая, к своему ужасу, увидела Свечкина в крови с автоматом наперевес. Сергей Сергеевич выбежал из машины со своими людьми. В случае опасности объекту охраны, протокол велел принять решительные меры по защите, мало того, невозможно было противодействовать Волу без угрозы раскрытия тайны двойника, потому Сергею Сергеевичу и его подчиненным не осталось иного, кроме как направить оружие на охрану Протасова. Вол только этого и ждал.

- Роберт! – крикнул он, подняв автомат над головой. – Роберт! Протасов!

Вол орал покуда на балконе второго этажа не появился Протасов в халате, в его руке была двустволка, а в другой бутылка виски. Не известно, пил ли Протасов до того или схватил бутылку для храбрости, но взгляд у него был лихой.

- Удивил, - сказал Протасов и хлебнул из горла, - ох, удивил! Прежний был способен только секретаршу до слез доводить! А ты, я смотрю... - Протасов оценил противоборствующие стороны, - решил закрыть вопрос радикально!

Вол опустил автомат.

- Мы не ищем крови, - ответил Вол, – но есть проблема. Настало время решить!

Протасов помолчал, глядя на свою охрану не очень-то готовую стрелять и на Вола, от которого было не отделаться.

- Заходи! - крикнул Протасов и вернулся внутрь.

Вол пошел мимо охраны Протасова, которая не двигалась с места, держа на мушке людей Сергея Сергеевича. В дверях Вола остановила управляющая, невысокая женщина лет шестидесяти, которая запретила входить в дом с оружием. Усмехнувшись смелости, Вол отдал автомат.

- Хорош! - приказал Сергей Сергеевич и опустил пистолет.

Его примеру последовали бойцы обеих сторон, следом все поздоровались и начали делиться сигаретами. Сергей Сергеевич вернулся в машину и набрал номер Маркела.

- Я начал забывать, каково это участвовать в вооруженной разборке, - сказал Протасов, усаживая Вола в кресло рядом. – Иной раз думаешь: девяностые происходили не мной, а с парнем из фильма, а тут выхожу на балкон, смотрю на твоих и моих: ан нет, я из этого болота.

Перед ними стоял на пьедестале куб из стекла, внутри которого горели паленья. Был ли то настоящий огонь либо искусная имитация, об одном можно утверждать наверняка, тепла куб не излучал, равно как интерьер вокруг: современный, из экологичных материалов, мебель без украшательства. Уюта ощущалось не больше, чем в сплошь забетонированном музее современного искусства. Впрочем, никакой

уют Волу не требовался, и это при том, что на коленях Протасова лежало ружье, оба дула которого были направлены на Вола.

- Итак, - сказал Протасов, отпив глоток из бутылки, его руки иногда не могли сдержать подрагиваний, однако мягкий тембр голоса он контролировал.

Вол оперся на колени, чем приблизился к Протасову.

- Тебе известно про ЧП с вахтовиками? – спросил он.

- Читал в «телеге», - усмехнулся Протасов.

От ярости Вол проскрипел зубами, но удержался от взрыва, и вперившись в глаза Протасова сказал:

- Плевать на разногласия, я хочу вернуть деньги, украденные у рабочих! Помоги, к вражде вернемся завтра.

- Не освоился, значит... - скривился Протасов. – Пожалуй, я откажусь, а ты не в силах меня заставить.

- Не в силах... - Вол откинулся в кресле и закрыл глаза.

Спустя минуту потерявший терпение Протасов встал и потянулся к Волу, чтобы, как казалось, разбудить.

- Я убью тебя, - произнес Вол, едва Протасов коснулся его груди.

- Оружие у меня, не забыл? – Протасов отступил на пару шагов.

- Ружье тебе не поможет, - испытывая божественную самоуверенность Воли взглянул Протасову в глаза.

- Всем известно, что стройку на месторождении и прокладку газопровода президент поручил именно Свечкину, - раздраженно сказал Протасов, нависнув над креслом Вола. – Я миноритарий и, в добавок, либерал. Воняю, но сижу в стороне от больших дел. Я слабо занимался месторождением. Критическая ситуация с рабочими покажет президенту, что обосрался именно ты и что веры тебе больше нет. АП начнет искать способ решения проблемы ОГК и придет ко мне просто оттого, что больше не к кому. Внимание вопрос: зачем мне своими руками обломать то, что само идет в руки?

- Я убью тебя, - ровным голосом ответил Вол.

Протасов провел ладонью по лицу и отошел к кубу-камину, как вдруг метнулся обратно и навел ружье Волу прямо в лицо. Вол небрежно взглянул внутрь ствола и потянул виски. Движения рук Вола были плавные.

- Тебя посадят! Нельзя просто взять и убить Роберта Протасова!

- За хорошее дело не грех посидеть.

- Убийство – хорошее дело?

- Простых работяг обворовали, это не справедливо. В газетах напишут, почему я убил. Когда народ наш всеми обманутый увидит защитника не на словах, а делом, он простит мне.

- М-да, что есть, то есть. Еще наградят вместо отсидки. В России свой непостижимый азиатский закон, вернее сказать, понятия, - сказал Протасов и сел обратно в кресло, бросив ружье под ноги.

- Правда называется. Кто по правде живет искренне, тому бояться нечего.

С улицы нарастал рокот, но обоим было плевать на это. Вол просто делал что делает в угаре наркотического трипа. Протасов пытался осмыслить, что происходит. Двойник Свечкина мог быть просто честным человеком, остальные варианты были лишены смысла, но Протасов отметал вариант с честностью, как фантастику, оттого запутывался все больше.

- В Швейцарии я прочел книгу, - сказал Вол, - там говорилось: если хочешь договориться с человеком, пойми его желания.

В этот момент на второй этаж особняка вбежали Маркел и Дана, догоняемые прислужгой и домоправительницей, которая несла Калашников на вытянутых руках, словно поднос. Маркел опустил голову и шепнул: «Блять...», поднимаясь по лестнице он еще надеялся, что каким-то чудом не увидит обдолбанного Вола напротив главного врага. По лицу Маркела было заметно, что он сочиняет извинения. Однако, уверенная поза Вола, и Протасов, который скрестил руки на груди и смотрел на камин в стеклянном кубе, когда подле у ног валялось ружье, позволили Маркелу не спешить. Дана встала за спиной Маркела и остереглась открыть рот.

- Роберт Максимилианович, - начал Маркел собравшись, он старался подбирать слова - понимаю... произошедшее вторжение... будет... очень сложно... объяснить и разрешить миром. И тем не менее... я попробую внести...

- Что он городит? – спросил Протасов, указав на Маркела и Дану. – Это типа «хорошие полицейские» подоспели? Забавное представление.

Вол мельком взглянул на помощников.

- Думаешь, - обращаясь к Протасову, - я доверю тебе наливать мне выпивку?

- Роберт Максимилианович, - продолжил говорить Маркел параллельно с Волом. – Все, что здесь происходит...

- Маркел! – окликнул Вол.

- ... ни коем образом не является... - продолжал Маркел.

- Маркел! – зычно крикнул Вол, что заставило Маркела умолкнуть.

Вол поглядел на Протасова и развел руками, на что тот понимающе покачал головой.

- Возьми стаканы со стола и налей нам выпить. Не дело, чтобы русский олигарх, - Вол указал на Протасова, - халкал из горла, как студент.

- Ну же, принеси шефу выпить, - шепнула сзади Даны.

Маркел недоумевающе обернулся на нее, потом на сидевших Вола с Протасовым, испуганную, но решительную домоправительницу, которая, вытянув шею, носом указывала на бокалы для виски. Маркел опустил взгляд на автомат, и неосознанно потянулся к стволу, но домоправительница одернула автомат, словно старуха костыль, защищаясь и одновременно готовясь стукнуть.

- Но как я сказал в начале, пока меня не перебили; неси уже чертов коньяк! – окрикнул Вол Маркела, и после опять спокойно продолжил с Протасовым: - ... чтобы договориться, нужно понять собеседника. Ты ищешь не продажи акций западу. Ты хочешь выйти из отношений с российской властью.

Однако разговор вновь прервал Маркел, который взял с пола бутылку коньяка наполнил два бокала. Приняв бокал, Вол раздраженно отмахнулся, чтобы Маркел проваливал в сторону.

- В этом могу помочь только я, - сказал Вол. - Я соглашусь на продажу твоей доли в иностранную компанию под соусом инвестиций и для обхода санкций.

- Взамен выплат рабочим? – спросил Протасов, прокручивая бокал в ладони.

- Половину акций ты сперва продашь мне, - ответил Вол, облокотившись на колено.

- Лихо скачешь! – икнув от услышанного, сказал Протасов. - Сел с просьбой о рабочих, а уже говорим про выкуп моей доли ОГК. Хрен тебе! Не продам я тебе свой пакет. Твоя авантюра обречена. Можешь сколько угодно угрожать убийством!

Маркел и Дана переглянулись.

- Продолжаешь держаться за план по моей будущей опале? – не тушусь ответил Вол. - Вспомни, скольких из ближайшего окружения убрали насовсем? Никого. Слава богу он, – Вол показал пальцем вверх, – коней на переправе не меняет, пусть даже переправа несколько затянулась. Если, что уже смешно, если ты меня подвинешь, то на мое место посадят нужного им человека. Какого-нибудь прежнего бритого нынешнего скрепоносца с чугунным лбом и единственным талантом перерабатывать золото в дерьмо. Эдакого тебе не перешибить. Ладно, это все прибаутки... Роберт, неужели ты не понимаешь, что тебе никогда не позволят отдать иностранцам контрольный пакет? Никогда.

- Кем бы ты ни был, в твоих словах есть сила, - сказал Протасов. – А эти? - он кивнул в сторону помощников. - Пока что, они наливают тебе выпить, но долго ли это продлится? Вопрос.

- Это не важно, - сказала Дана, - Сергей Иванович предлагает то, что выгодно всем в этой комнате. Наша сторона заинтересована открыть месторождение и оправдать доверие. Рост капитализации «ОГК» после запуска месторождения позволит вам выиграть дополнительные миллиарды на продаже акций. Да, мы понесем расходы при выкупе, но мы рассчитываем на долгую дистанцию и получим, несомненно, свою выгоду.

- Подумай над предложением Роберт, - сказал Вол, поднимаясь. – Мы с тобой зубры, будем биться насмерть, оттого что задней не имеем. Роберт, мне нельзя проиграть, сегодня я узнал о беременности

жены. Я должен о ней позаботиться. Мне известно про боль в твоём доме, ты поддерживаешь любимую в борьбе с недугом. Прикрываться близкими может не по-пацански, но я говорю, как есть. Подумай, серьёзно подумай, хотя бы ради нее. Мне же нужно подышать свежим воздухом.

Вол вышел на балкон, махнув помощникам следовать.

- Охренеть, - прошептала Дана, закуривая вместе с Волом.

- Я сам охреневаю, - сказал Вол, опершись на стену. – Круто я с ним помирился?

- Какой нахер коньячок? – прикрикнул шепотом Маркел и схватил Вола за рукав. – Обдолбался что-ли? Я тебе устрою, когда вернемся!

Вол перехватил Маркела за локоть и вцепился в обеими руками в воротник.

- Ты нарочно раздувал мои ошибки, чтобы пристыдить и через это удерживать власть, даже сейчас, когда я побеждаю и приношу пользу, ты пытаешься меня укорить и вернуть узду. Хорошо устроился, за твоими-то ошибками больше некому следить. Следовало бы въебать тебе, - Вол замахнулся, - но тогда я покажу, что твой разум имеет власть над моим, а это не так. Теперь я босс! – приблизившись к лицу Маркела, прошипел Вол и оттолкнул его от себя.

- Признай, - Дана преградила путь Маркела, который собрался наброситься в ответ, - при всей идотии, Валентин смог повернуть ситуацию и, - она обернулась к Волу, - постой, Кристина беременна?

- Не знаю... Да. Видимо, да. Огорошила сегодня вечером. Когда узнал, то в голове что-то замкнуло и я понял, как должен поступить, а главное, что могу это. Может впервые в своей жизни я осознал способность вершить свою жизнь. Ну и таблетка от Кристины помогла.

- Какая такая таблетка? – спросила Дана.

- Говорил же, что обдолбан, - вставил Маркел.

- Хрен с ней, с таблеткой. Этим ребенком бог послал мне знак, что для меня жизнь еще не кончена.

Второй шанс стать нормальным отцом. Я обязан сдержать угрозу Протасова.

- Дана, ты-то адекватная! Откуда у нас столько денег на покупку акций? – сказал Маркел. – А продажа иностранцам? Нельзя давать подобные обещания без согласования с администрацией. Акции ОГК не картошка прилавке!

- И тем не менее, нам следует убедить Протасова согласиться на предложение, - сказала Дана. – Озарение посетило не только Валентина. Чтобы сделка прошла без проблем со стороны министерств, мы посоветуем Протасову занести в кабинеты и чем скорее, тем лучше, чтобы упредить аппетиты чиновников, которые возрастут после церемонии открытия.

- Я обратно, - сказал Вол и вошел в комнату.

- Доверься мне, - сказала Дана Маркелу, погладив его по щеке.

- Он не купится, почует подставу, - сказал Маркел.

- Дмитрий Палыч вовремя сменил лагерь, - сказала Дана. - Скажем, что он подстрахует Протасова от любых подстав.

- Останется только перекупить Дмитрий Палыча обратно и дело в шляпе, - улыбнулся Маркел.

Когда они вошли, Протасов поднялся и подавая Волу бокал с коньяком сказал:

- Лихо вы меня раскрутили, признаю. Сперва прессанули, затем дали почувствовать ослабление и ввернули конструктивное предложение.

Вол пытался возразить, но Протасов его остановил, выставив указательный палец.

- Реабилитация моей птички идет труднее, чем обещали врачи. Вы правы и здесь. Я устал. Наркоман всегда останется им, а желания бороться в ней не больше, чем в камне на дне моря, - он чокнулся с Волом. – Ты раскрыл мне глаза.

- Образуется, – сказал Вол и обнял Протасова, который, оставаясь недвижимым, позволил ему.

- Мы вечно боимся сделать решительный шаг, когда дело касается лично нас, - сказал Протасов на ухо Волу. – Из страха потерять, из страха не удержать последствий.

Протасов начал пятиться.

- Но ты не боишься, - говорил Протасов. – Ты сказал, что убьёшь меня, смотря прямо в глаза. Дикость, но, в то же время, за этим стоит настоящая правда. Ты преподал урок, который ошеломил меня. Ты

напомнил о том, что мы имеем. Моя любимая обречена, долю в компании я потеряю в любом случае, не сегодня так завтра вы меня дождете. Всё что мог заработать, я уже заработал, испробовать – испробовал. Прежде девять нолей могли взволновать меня, теперь это лишь рабочий процесс. Первый миллиард у меня уже был, а первый триллион я не получу, да и не нужен он мне. Я думал, что жизнь дала мне все, что могла. Но ты сделал мне подарок!

Протасов поднял бокал, но вместо того, чтобы выпить, он швырнул его в стену и схватил с пола ружье. Настал черед Воле отступать.

- Ты показал, что тебе есть, что терять и ты готов убивать за это. Что ж... Я убью тебя, с мыслью что отнимаю у тебя самое ценное, твое отцовство, когда ты только его обрел. Я вкушу это чувство и застрелюсь, - Протасов поморщился. - В тюрьму не хочу. Слишком хорошо жил чтобы страдать.

Протасов взвел курки.

- Вот этот вариант всех устроит, - сказал Протасов. - Прощай.

Вол, взглянув на застывших помощников, прыгнул в сторону, и первый залп улетел мимо, не дожидаясь второго Вол поднырнул под ствол и вцепился, отводя дуло вверх. Пока они боролись за ружье, остальные в комнате пытались не попасть под шальную выстрел. Протасов проломил спиной Вола балконные двери и прижал к балюстраде. Вол, сопротивляясь, поскользнулся на мраморе, его правая нога ушла в сторону, и так он невзначай перекинул Протасова через себя. Вол посмотрел вниз на тело, которое окружила охрана. Из комнаты прибежали Маркел и Дана и перевесились через балюстраду. Сергей Сергеевич прощупывал пульс. Прислуга Протасова прибежала к телу хозяина, но их оттеснили обратно в дом свои же охранники, которые понимая изменившийся расклад сил, не желали злить Свечкина. Подняв голову, Сергей Сергеевич помотал головой.

- Прямо головой приземлился, - сказал Вол, отшагнув от края балкона.

- Не вините себя, - Дана обняла вола за плечи. – Главное не впадать в депрессию.

- Ублюдок едва меня не порешил! Какая к черту вина? – вырвался Вол и, закурив на ходу, спустился во двор.

Оставшись наедине Маркел и Дана, не сговариваясь, принялись обшаривать дом, ища зацепки, которые могли вывести на беглого прокурорского сына. Вол же докурив сигарету у тела Протасова, сел на заднее сиденье джипа и спокойно уснул.

Прежде чем спуститься на завтрак Дмитрий Палыч имел обыкновение просматривать сводку произошедшего. Ровно в половину восьмого утра он вошел в кабинет, где дожидался приписанный адъютант из органов. На письменном столе находилась привычная чашечка эспрессо, рядом тяжеловесная папка с гербом. Подав руку адъютанту, Дмитрий Палыч пожелал доброго утра. Затем он поднял со стола папку и, читая, опустился в кресло. Описание вторжения в особняк Протасова Дмитрий Палыч прочел по диагонали. С прослушкой было бы подробней, но Протасовская охрана неизменно обнаруживала жучки. Со слов прислуги, которая любезно делилась сведениями за хорошую плату, визит Свечкина к старому партнеру окончился кончиной последнего. Дмитрий Палыч, не глядя, поднял чашечку. В три часа пятнадцать минут по Москве из частного терминала в Шереметьево в срочном порядке вылетел джет, принадлежавший ОГК, на борту три пассажира. В семь часов самолет сел в аэропорту Ларнака, Республика Крит. Прилетевших встретил кортеж с вооруженными людьми, были опознаны лица, относившиеся к картотекам российских ЧВК. Проследовали в город. В восемнадцать часов того же дня кортеж вернулся в аэропорт, на борт поднялось четверо, при том одного несли, так как субъект не мог самостоятельно передвигаться. В двадцать два десять самолет вернулся в Москву. К полуночи два внедорожника прибыли в дому московского прокурора. Прокурор вышел один в домашнем, с виду тревожный. Из автомобиля на встречу вышел мужчина сотрудник ОГК, который держал за ворот пиджака другого мужчину, предположительно, сына городского прокурора. Наружное наблюдение отметило, что при виде отца сын упал на колени, между ними произошла ссора с рукоприкладством. Прокурор часто кланялся сотруднику ОГК и завел сына в дом. К двум тридцати активность людей Свечкина прекратилась.

Дмитрий Палыч отложил папку и одним глотком выпил кофе. В дверях показалась голова пятилетнего внука, который озорно улыбался.

- Деда, пойдём кушать, мама зовет.

- Хорошо, мой садкий, передай чтоб не начинали без меня. И не входи в кабинет без стука! Сколько я тебя учил? – по-доброму строжился Дмитрий Палыч.

Едва дверь закрылась, Дмитрий Палыч приказал адъютанту набрать номер Маркела и вывести на громкоговоритель, он желал говорить на ногах, прогуливаясь по кабинету, что неизменно помогало верно формулировать мысли.

- Доброго утра, Дмитрий Палыч, - раздался в динамике голос Маркела. – Чем обязан в столь ранний час?

- Здравствуй, друг мой. При нашей службе отдых роскошь. Да и не до сна нынче. Слыхал, может, что за напасть приключилась с уважаемым Роберт Максимилианычем? И как не вовремя, как раз под дату открытия месторождения.

- Знаете, как говорят: беда не в том, что человек смертен, беда что внезапно.

- Из Михал Афанасича фраза. В свете последних событий я решил позвонить сам, чтобы обсудить...

- Дмитрий Палыч поперхнулся. – Довольно витиеватостей, скажу, как есть, Маркел, пришло время встретиться и заново пересмотреть наше сотрудничество. Как старым друзьям.

- Едва команда лишилась головы, члены бросились заключать новые союзы. Человек сторонний мог бы счесть ваше предложение предательством.

- Мальчик мой, у людей моего ремесла это зовется профессионализмом, - сказал Дмитрий Палыч, покашливая. – Да и кого, в сущности, теперь предавать. Протасов переиграл сам себя и за это покинул грешный... - он снова закашлялся, - мир. Его наследники и сторонники займутся дербаном принадлежавших ему активов, пока их не передают по очереди, как клопов. Мы же с тобой, как стальные шестерни. Не станем работать сообща - весь механизм остановится. Тогда не избежать нам, извини, - он сильно закашлялся, - гнева свыше.

- Очень интересно, Дмитрий Палыч, вы излагаете. Только, знаете, я тут вспомнил еще одно изречение: «Предают только свои».

Дмитрий Палыч почувствовал пронизывавшую боль в груди отчего навалился на край стола. Другой рукой он указал на графин воды. Адъютант стоял недвижимо, лишь уголок рта изогнулся в ухмылке. Маркел услышал хрип на другом конце провода и падение тела. Укутанный в теплый халат Вол со взъерошенными от долгого сна волосами спускался с лестницы.

- Сделано, - произнес адъютант в трубку.

- Принимайте дела, - сказал Маркел и сунул телефон в карман.

Навстречу Волу шла Лиля с подносом, на котором несла стакан чистой молекулярной воды и вскрытую пачку сигарет. Вол сделал пару глотков и вытянул сигарету. Лилия с почтением попятилась.

- Долго я спал? – с хрипотцой спросил Вол, подставляя кончик сигареты к зажигалке, которую зажгла Дана.

- Сутки, даже чуть больше, - ответил Маркел.

- Что с похищенными деньгами?

- Все сложилось удачно, - ответила Дана. – У Протасова мы забрали ноутбук, наши айтишники достали оттуда адрес на Кипре. По горячему следу мы тотчас вылетели и забрали сученка.

- Отец погонял его на карачках, - усмехнулся Маркел и достал телефон. – Сергей Сергеевич снял аккуратно. Для коллекции.

Вол бросил взгляд на видео в экране смартфона.

- Убери, - он брезгливо отстранил от себя телефон. – Нечему здесь смеяться, мерзость и только. Я спрашивал, что с деньгами рабочих?

- Первая часть уже пришла, но деньги заморозило следствие. Через пару дней вернется остаток. Как дело замнут, все получат свое.

- Разве у компании нет резервов, чтобы рассчитаться с вахтовиками? Разберитесь, президент точно спросит про это на церемонии.

- Сергей Иванович, - Дана впервые обратилась к подобным образом, но Вол даже не поднял брови. – Предлагаю сосредоточиться на завтрашней церемонии, а прочие дела отложить. Еще столько нужно успеть за сегодня: пройти по списку приглашенных, изучить полученный из АП протокол президента, повторить вашу речь...

- Да, да... - сказал Вол. Выпустив облако дыма, он прошел между ними. – Пора заканчивать пьесу.

16

Кортеж внедорожников мчался к нефтяным буровым по пустой только проложенной трассе. Рано утром обманутые рабочие скрытно пробивались к взлетной полосе, чтобы выставить транспаранты, но Служба охраны их поджидала и скрутила на подходах к аэропорту. Однако оцепить всю трассу людей не хватало, и в паре километров до площадок на огромных сугробах по обочине появлялись одинокие мужички с плакатами на палках.

«Мечты сбываются, только не у народа!», «Верните деньги трудящимся!», «Остановите беспредел!», «Олигархов в тюрьму!», - Вол разглядывал лозунги, но ОМОНовцы не плошали и быстро винтили вахтовиков, пряча за снежной насыпью. Один из задерживаемых от злости бросил плакат на дорогу, за что был бит отрядом полиции, мягкие дубинки попеременно взмывали в воздух и разили по хребту. «Этим бы молодчикам ковры выбивать цены не было», - подумал Вол. Подвеска внедорожника класса «Люкс» незначительно покачнулась, переехав черенок.

- Опиздюлиться на родине по-прежнему не составляет труда, - цокнув языком, резюмировал Маркел, глядя в боковое стекло. – Бывали на Ямале? Как вам местный пейзаж?

- Забавно, - ответил Вол, – я сказал жене, что уезжаю работать на Север, и вот я здесь, - и вернулся к планшету.

- Отложили бы материал, - обернувшись с переднего сиденья, сказала Дана. – Все равно не надышишься...

- Перед смертью, - буркнул Вол.

Щеки Даны покраснели и она, извинившись, спряталась за спинкой кресла. Отложив планшет, Вол размял веки. Страх отступил перед чувством нереальности происходившего. Президент – это портрет в чиновничьем кабинете, картинка в телевизоре, герой обсуждений на кухне. Вообразить его рядом теплого, моргавшего, шмыгавшего носом на морозе было можно с тем же успехом, как вообразить встречу с Винни Пухом или Михаилом архангелом.

Президент опаздывал. Неподалеку от буровой установки, которая представляла собой огромную башню, сотканную из труб разных размеров, установили помост. На нем час как переминались с ноги на ногу члены совета директоров ОГК – представитель от правительства, помощник президента, делец из Америки, бывший немецкий канцлер и председатель правления Свечкин Сергей Иванович, он же Вол. На место покойного Протасова поначалу думали пригласить его помощника, но смекнув, что делить лавры с никому неизвестным клерком будет неразумно, неполный совет директоров предпочел остаться таковым. В отличие от журналистов и приглашенных гостей, Вол сотоварищи мерз в полушубке поверх пуховика. Операторы телекамер согревались бутылкой, спрятанной в варежку. Хорошо еще снег не пошел. Вол разглядывал экспозицию по обеим сторонам от помоста. На больших мультимедийных экранах показывали зарисовки из истории малых народов, драму о героях геологах, работавших по пояс в снегу, но отчего-то с сытыми лицами, не забыли вставить сюжеты про строительство и технику, которые любят простые работяги, и напихали цифр, которые любит президент.

- Подъезжает, - крича шепотом, бежал к помосту взмыленный ФСОшник.

Бывший немецкий канцлер устало опустил бровь и, перенеся вес на отдохнувшую ногу, поглубже укутался в бушлат, смерившись ждать еще полчаса. Вдруг из-за стенда выбежали сотрудники в штатском, а с дальней стороны показался сам президент в сопровождении чиновников и главного инженера буровой, которому поручили встречать делегацию. Телевизионщики включили камеры. Члены правления встrepенулись и сбросили полушубки, пошвыряв их за помост. Вол же заворожено наблюдал за приближением властителя.

- Чего ваши разделись? Простудитесь, – пошутил Владимир Владимирович, одетый в арктический пуховик алого цвета и меховую шапку. Поднявшись на помост, он поочередно подал директорам руку.

За президентом на помост вынесли две трибуны, одну с гербом, другую без. Путин подошел к микрофону и взглянул на Вола, каменного от волнения. Когда заминка начала подозрительно затягиваться, Вол мысленно вlepил себе пощечину, вынул из кармана карточки с текстом выступления и показал их публике, как бы оправдываясь за конфуз.

Вол зачитал с трибуны поздравительную речь, которую написал отдел по общественным связям ОГК, сухую и монотонную. Вол добросовестно подготовился и лишь дважды запутался в буквах. На этапе рассказа про тяготы освоения Севера публика вяло симулировала интерес, но эпитеты о достоинствах сотрудников ОГК и многослойные благодарности руководству страны нашли отклик у слушателей лишь когда завершились. С чувством сброшенного бремени Вол сунул влажные карточки обратно в карман и улыбнулся президенту. Путин был краток.

- Тут вот, на стенде, написано: в стране планируется добыть двести сорок миллионов кубометров газа к двадцать пятому году. Это не совсем верно. На совещании с министром энергетики было заявлено двести семьдесят три, нет, семьдесят четыре миллиона кубов... газа. Совокупный доход бюджета составит три целых восемнадцать сотых триллиона рублей, из которых минимум пятьдесят четыре процента пойдут на социально важные цели. Месторождение обеспечит уже в следующем квартале двенадцать тысяч двести шестьдесят два полноценных рабочих места и четыре совместительства для жителей региона. Совместно с ОГК правительство построит сорок три жилых дома и семь пристроек, четыре школы, два профессиональных училища, три публичные бани и один тёплый туалет для маломобильных категорий населения.

Президент воздел бровь, увидав как из-за пригорка появился народ. Сотни обиженных вахтовиков шли к Путину издаleка, по глубокому снегу, в кольце вездеходных автозакв Росгвардии. Шли тихо, гвардейцы тоже не орали в мегафоны, и без толку, и помешали бы церемонии.

- Отдельно хочу высказаться по ситуации с задержкой выплат рабочим, – грозно сказал президент, заметив, как одна за одной камеры поворачиваются дабы снять шествие. Реплика президента возымела должный эффект, камеры вернули его в кадр. Еще бы не вернули! – Я держу под личным контролем ситуацию с обманутыми рабочими. Утром мне докладывали, что Свечкин Сергей Иванович напрямую подключился к вопросу, при всей невероятной занятости с открытием этого месторождения. Мне известно, внутреннее расследование компании вышло на причастность вашего компаньона. Как его?

- Протасов Роберт Максимилианович, член совета директоров, – ответил Вол.

- Верно. Свел счета с жизнью, насколько я знаю. Жаль... – проброс сработал, журналисты забыли про народ. – Уверен, стремление ОГК по защите интересов трудящихся станет примером для прочих компаний. Напоминаю, в России никто, даже крупные собственники не уйдут от ответственности за правонарушения.

Однако рабочие подступали и их невозможно было игнорировать дальше. Машины Росгвардии оторвались от сопровождения шествия и образовали заслон за сотню метров до трибуны с гостями, гвардейцы в касках и со щитами посыпали из кузовов, присоединяясь уже выстроенной шеренге, глубиной в четыре бойца. Среди гостей церемонии пошел тревожный шепот, некоторые начали соображать, как можно выбраться.

По плану мероприятия заиграл гимн. Регулятор выкрутили погромче. Вол вместе с Путиным повернулись к буровой вышке, над которой должно было зажечься пламя, обозначив тем самым начало добычи. На высокой ноте гимн завершился, но пламя не появилось. Путин обратил недоуменный взор на

Вола, который не растерялся и жестом предложил наблюдать. Прошла минута - пламени нет. По публике пошли смешки. Президент с Волом обернулись к камерам. Все бы ничего, но шел прямой эфир. Вол с ужасом смотрел на стоявших вблизи помоста людей. «Приплыли, - подумал Вол, - впереди начинается митинг, слева багровеет президент, справа собачатся инженеры вместо того, чтобы работать, позади не горит проклятая вышка. Бежать тоже некуда, даже если не спеленают ФСОшники, то куда здесь податься?» Затворы камер остервенело трещали. Меж тем Дана с Маркелом бранили главного инженера буровой, а тот беспомощно разводил руками глядя на подчиненных, которые, в свою очередь, тарасились друг на друга. Еще эти невыносимые щелчки затворов камер, словно рой мух. «Нет, я не облажаюсь настолько глупо».

- Владимир Владимирович, - произнес Вол в микрофон.

Президент и присутствующие устремили взгляды на Вола.

- Прошу прощения... Моя вина... - продолжал он, при это совершенно не зная, чем закончить. Вол взглянул на помощников. Маркел приобнял Дану за плечи, пытаясь ее успокоить, когда ее гнев был готов перерасти в рукоприкладство. Вол улыбнулся. – Мы забыли предупредить, вернее будет сказать... Запуск важнейшего для страны проекта вдохновил Маркела и Дану на создание семьи. И вы, как национальный лидер, как олицетворение духовных скреп... Владимир Владимирович, окажите честь, пожените эти два влюбленных сердца?

Помощники от ужаса взяли за руки. Меж тем расвирепевшие вахтовики напёрли на оцепление. Операторы телеканалов метались от помоста до поля борьбы и обратно словно дети в кондитерской. На вопрошающий взгляд Путина пресс-секретарь неуверенно закивал. Заметив это, Вол жестом подозвал главного инженера.

- Чини, блять! – злобно шикнул Вол.

- Как же, там же... Давление! Это не зажигалка, чтобы чиркнуть...

- Плевать, огонь должен быть через пятнадцать минут. Бегом, блять!

Главный инженер поправил строительную каску и дернулся с помоста, но Вол схватил его за рукав.

- Достань кольца.

- Где их взять? До магазина...

- Свои снимайте. Делай!

Инженер кинулся к подчиненным. Услышав, приказ начальника, они начали хвататься за головы и пытались втолковать абсурдность поручения, но одного грозного взгляда Вола хватило, чтобы работа в конце концов занялась.

- Молодежь, молодежь... - добросердечно посмеялся Путин. – В такой день не могу отказать, да и дело благое.

Охрана президента тревожно бегала позади площадки с журналистами, опасаясь прорыва рабочих. Один из сотрудников вернулся к президенту и посоветовал немедленно уезжать.

- Зря митрополита не позвали... - шёпотом ответил Путин. – Не могу же я под камерами от народа бегать. И не вздумайте устроить побоище, это еще хуже. Только не на моих глазах! Думай, как выкрутиться!

Стащили трибуны. Члены совета директоров спустились вниз и расположились с краю помоста, не совсем понимая, чего ожидать. На интерактивных панелях блоки с информацией сменили на белых голубей и кольца. В отсутствии рослых на помосте Путин был велик.

Окруженный фотографами Вол под руку Даной шагал к помосту, где Маркел сознавая неподконтрольный хаос мял кулак, не зная, куда деть руки. В колонках звучал свадебный марш Вагнера. Тогда же рабочие прорвали оцепление, и пока их основные силы не давали отрядам гвардейцев вернуть единый строй, полсотни отважных двинулись к площадке торжества, раскидывая мелкие отряды полиции, которые отчаянно вставали на пути. Журналисты спасались за стендами, очистив площадку перед помостом, но продолжали репортажи. Силы ФСО сплотились подле президента, сознавая малую численность, чтобы выступить навстречу. Так между яростью народной и защитниками власти Вол вел Дану под венец. Дана сжимала руку, чтобы не свалится в обморок и бросала на длинные взгляды полные отчаяния, она не могла

открыть рта словно бы сами челюсти заклинило. У помоста Вол поклонился президенту и вложил ладонь Даны в ладонь Маркела. Путин простер руки и заулыбался точно дедушка внукам, но одним глазом он наблюдал за рабочими, которые прорывалась все ближе и ближе.

- Не удивлюсь, если скажут, коль женил президент, венчаться будем только у патриарха! Тут, договаривайтесь сами...

Увидев, что рабочие ворвались на площадку, президент начал церемонию бракосочетания (как вспомнил по собственной свадьбе). Он спросил Маркела, согласен ли тот вступить в законный брак, на что Маркел сперва кивнул, но потом заметив сведённые брови президента, громко и внятно произнёс: «Да!».

Репортеры, толкаясь, кинулись брать комментарий у вахтовиков, но те угрюмо шли к помосту. Командир отряда ФСО приготовился было грудью кинуться на бунтарей, однако, когда вахтовики увидели державшихся за руки новобрачных и прислушались к свадебной мелодии, то пелена ярости тотчас спала. Сами среди своих угомонили буйных. Путин благосклонно кивнул жожакам рабочих и продолжил.

- Желаете ли вы, молодая девушка, выйти замуж за вашего кавалера? – спросил Путин.

Дана оглянулась на Вола. Он улыбнулся и медленно кивнул. Забрав у сотрудников ОГК два обручальных кольца, Вол приблизился к Маркелу.

- Согласна, - сказал Дана, смотря в глаза Маркелу, и потянулась к нему губами.

- Подождите минуту, - рассмеялся президент, - прыткие какие! А мне, меж тем, докладывают: миллениалы теряют интерес к делам любовным. Сергей Иванович, вы с кольцами? Подайте брачующимся, пускай обменяются.

Помощники надели друг другу кольца на пальцы. Кольцо Даны оказалось тоже мужским, поэтому она сжала кулачок, чтобы не обронить его в снег. Президент поднес руки над головами супругов.

- Объявляю вас мужем и женой, – Вол захлопал, за ним некоторые ФСОшники, а вахтовики дружно залились аплодисментами. – Целуйтесь уже! - выкрикивали рабочие.

Маркел притянул Дану и поцеловал. Позади из трубы вышки взвилось пламя, потом над другой вышкой, и на остальных, уходя в горизонт. Грянул салют.

Выждав минуту ликования, Путин поднял руку, чтобы все смолкли. Он обратил взгляд на рабочих.

- Мне известно, почему вы здесь. Задержка выплат на таком важном объекте неприемлема. Сергей Иванович распорядился начать выплаты...

Вахтовики загудели. «Олигархии нет веры!» «Обманет!» Кричали и похуже. Путин выслушал и вновь поднял руку.

- Знаю, что не верите, - Путин немного помолчал, - и я не верю. Помню, как сам боролся с олигархатом. Вот что, – Путин просиял, - в честь свадьбы приказываю правительству: выплатить в течение недели задолженность по заработной плате из средств федерального бюджета. Добро?

Рабочие одобрительно загудели. Раздался выкрик «Россия!», и следом минут пять все скандировали «Россия! Россия! Россия!». Путин довольно улыбался и, несмотря на возражения Службы охраны, спустился поздороваться с уже лояльными вахтовиками. Напоследок, Путин обнял Дану, пожал руку Маркелу и уехал на вездеходе. Следом подогнали машины ОГК, Вол помахал гостям и журналистам, которым после отъезда президента было наплевать на него. Обмякнув на заднем сидении, Вол закурил и расстегнул пуховик, одежда насквозь пропиталась потом, как если бы он вылез из бассейна. Новобрачные ехали в другой машине, что радовало. Прикуривая от одну сигарету от другой, Вол скурил пять подряд.

Делегации из столицы разместили в базе отдыха, построенной для досуга руководства ОГК. Главный корпус с залом для мероприятий и апартаментами на втором этаже окружали банные комплексы, гаражи для снегоходов и спецтехники, псарни и охотничий домик егеря. Комплекс располагался на берегу речки, которая, впрочем, успела замерзнуть.

Попав в номер, Вол с трудом стянул мокрую одежду. В ванной комнате, опершись на раковину, он взгляделся на отражение уставшего мужчины с дряблым животом. Никакие оздоровительные процедуры не способны вернуть отражение, которое он видел юношей. Тело поплыло точно воск на жаре. Подняв ладони, Вол заметил, что они трясутся.

«Сука, я - просто актер, просто актёр. Это не по-настоящему!»

Вол закрыл глаза: «Неужели кончилось? Старина Валька таки сдюжил».

«Валька ли? Сомневаюсь, что он был способен...»

Вол зашел душевую и, открыв кран, уперся лбом в стену, ощущая как по загривку и спине поливает сверх меры теплая вода.

«Надо бежать, бежать немедленно! Вернусь домой к прежней жизни!»

«Еще бы вспомнить, какой она была. Превенная жизнь теперь сродни прошлой»

Он вышел из ванной и голый плюхнулся на кровать.

«В отличии от театра зрители моей роли пережили последствия. Беременность Кристины, смерть Протасова, свадьба. Язык не повернется назвать происходящее игрой, когда все происходит взаправду. Протасов стрелял в Свечкина или в меня? Кто мог умереть в ту ночь? В любом случае дробь оказалась бы в моем брюхе»

К началу пятого Вола разбудили, он привел себя в порядок и надел деловой костюм. Но выходя, он остановился перед дверью.

«Не важно, есть ли взаправду возможность остаться в игре, терять веру невыносимо»

Как приличествовало по статусу, Вол опоздал, но не так, чтобы опоздать дольше президента. В банкетном зале присутствовало человек тридцать, половина из которых кремлевская охрана. Фуршетные столы полнились блюдами и горячительным, но никто, несмотря на голод, не притронулся к остывавшей еде. Было тихо, люди слишком утомились, чтобы вести беседы. Опершись на стену, Дана большим пальцем вертела обручальное кольцо на безымянном. Быстро так вертела. Маркел, не отнимая телефона от уха, нарезал круги по периметру зала.

- Зачем он про бюджет? – спросил Вол, подойдя к Данае, не отважившись задать вопрос, который хотел изначально.

Дана подняла глаза.

- Путин обещал выплаты рабочим из бюджета. Мог бы сказать, что заплатим мы, а он проконтролирует.

- Политика. Ему приходится держать образ народного спасителя, - ответила она. – За бюджет можете не переживать. Платим по-прежнему мы, только слава отойдет ему. Мы проглотим, особенно после сегодняшнего... - она прервала фразу. – На деле, ОГК тоже не с руки тратить деньги. Бедолаги поморозят задницы и разойдутся с голодухи, а нет - так зря мы что-ли отчисляем налоги на Росгвардию? - Дана увидела, как брови Вола сходятся. – Или заплатим. Такие вопросы не мне решать, - она опустила глаза и вновь увлеклась кольцом.

Вол постоял с минуту и вышел на середину зала. Все принялись с почтением отступать, так что Вол решил отойти к столу. Тартар в таралетке приманил видом подачи, Вол сунул ее в рот, и, не задумываясь, еще одну следом. Жуя, он увидел главного инженера и махнул ему подойти.

- Как это ты... - он проглотил. – Как это ты умудрился вышку починить? Рассказывай.

- Мы, того, пропан подали по трубе из баллонов. Внизу тоже полыхало будь здоров. Не видно было? Хорошо... Думали подорвемся!

- Мда, ничего не могу сказать! Помню, в армии мы как-то пытались согреть заброшенную казарму...

Судя по внезапно изменившемуся выражению лица главного инженера на придурковатое, в зал вошел Путин. Инженер подергал бровями, побуждая Вола обернуться.

«А че я сразу?», - прорвалось в сознании Вола.

Утерев губы, Вол подтянул полы пиджака и, застегнувшись на одну пуговицу, развернулся на каблуках. По лицу Владимира Владимировича было заметно, что он вымотан не меньше остальных. Приобняв Вола, президент поблагодарил собравшихся за работу. Отметил смекалку Свечкина и пожелал доброй слаженной работы. В конце пожурил главного инженера за задержку с огнем на вышке, но без злобы, по-отечески. Вол пригласил Путина к столу, президент с неохотой согласился на рюмку, при этом, после тоста лишь сделал вид, что отпил. Следом к Путину стянулись просители. Президент, как архиерей на исповеди, быстро выслушивал и отпускал, обещая взять на контроль. Удивительно, не прогнал никого. Под конец очереди Вол тоже задумал подойти, но передумал. Спустя пятнадцать минут просители кончились и Путин попрощался. Вол вызвался проводить. Стоя на крыльце, уже в момент, когда президенту открыли дверь автомобиля, у Вола вырвалось:

- Владимир Владимирович!

Путин остановился и взглянул на Вола, подняв брови. В голове Вола клокотало: «Я не настоящий! Свечкин умер! Я двойник! Вас обманули!» Но тут его зрачки расширились: «А вдруг и он... Тогда... Если я не настоящий и он, что тогда настоящее, кроме потоков бабла? Если мы двойники, почему тогда поддерживаем мерзость, зачем крутим колесо, когда понимаем его порочность. Может, без разницы, кто исполняет роль? Может, мы лишь части пьесы? Дело в пьесе? Что есть пьеса? Разве, пьеса не входит в репертуар театра? Что есть театр?» Мысли рождались стремительно, а меж тем, президент ждал вопроса. Вонец запутавшись, Вол сказал:

- Ничего, Владимир Владимирович. В другой раз! Счастливого пути!

Путин подернул плечами и сел в машину. Вол спросил у охранника закурить, и какое-то время стоял, курил и глядел на звезды без единой мысли.

17

- Сергей Иванович! Сергей Иванович!

Пред Волом выросла женщина в меховой шапке с перьями на макушке.

- Сергей Иванович, летимте, пожалуйста, ребята ждут!

- Какие ребята? - Вол нахмурился и щелчком выбросил окурок.

- Как же какие, Сергей Иванович, - женщина проследила за дугой полета. – Лауреаты окружного конкурса молодых дарований.

- А в чем им даровано? И кто вы, собственно?

- Я Надежда Львовна, министр культуры.

- Был же другой, лысоватый такой с очками.

- Лысоватый? – женщина задумалась, поправив шапку. – А! Так, то министр культуры московский, а я наш. Полетели, Сергей Иванович, дарования ждут, велено без вас не начинать.

Вол втянул морозный воздух и вошел внутрь, а ему навстречу помощники. Вол указал на вошедшую следом женщину в меховой шапке.

- Нужно лететь в Салехард, - развела руками Дана. - Там концерт какой-то под нашим патронажем.

- Выступят финалисты «Скрипичной вьюги». Скрипочки, - женщина изобразила игру на скрипке.

- Вы почетный сопредседатель жюри, - с иронией заметил Маркел.

Вол устало взглянул на женщину в меховой шапке, которую распирало от энтузиазма, на Маркела, который в целом был не прочь слетать от внезапно и необъяснимо откуда накатившей бодрости, и на Дану, которая после свадьбы не отводила взгляд от кольца, когда не наблюдала за Маркелом, его движениями, манерой держать подбородок, тем как говорит, как бросает ответный взгляд и как следом его лицо на миг расслабляется. Дана иногда улыбалась, но не кому-то конкретно и совсем по-другому. В остальное время она вертела на пальце обручальное кольцо, этим была занята и сейчас. Можно было сослаться на усталость и отказаться. Все бы поняли отказ, учитывая возраст и адский день. Да и кто ему, Волу, теперь указ? С другой стороны Вола совсем не прельщала перспектива остаться в номере, чтобы его

поедали думы по мотивам прошедшего дня, пока он не уснет, а уснуть он сможет, как назло, очень нескоро.

В Салехард прилетели к восьми вечера, пока доехали до филармонии подошло к девяти. В холле директор (престарелая интеллигентка с огромной брошью на груди) в полупоклоне просила прощения:

- Уж не надеялись, Сергей Иванович, что почтите нас. Простите, глубочайше просим прощения. Придумала! - старушка расплылась в улыбке. – Сейчас мы пойдем сцену, чтобы вас поприветствовали.

- Как же можно, Бронислава Станиславовна? - шепнул ей на ухо один из работников филармонии. - Вительницкий только начал.

- Ничего, мигнем из-за кулис, чтоб побыстрее закруглялся. Сергей Иванович, может с дороги чай, кофе? Найдется коньячок.

Вол отказался и настоял провести себя в зал без помпы, дабы не мешать артистам и зрителям. Выступлений за день с Вола было довольно. Его посадили в президиум на первом ряду. И все же вслед за поклоном Вительницкого, антрепренер со сцены возвестил о долгожданном появлении почетного сопредседателя жюри, председателя попечительского совета фонда поддержки музыкантов и коллективов песни и пляски Ямало-ненецкого автономного округа Свечкина Сергея Ивановича. Члены жюри рукоплескали, зал отозвался жиденькими хлопками с покашливанием. Пришлось подниматься и помахать залу. Когда Вол опустился в кресло, директор филармонии дала знак возобновить концерт.

Антрепренер представил вышедшего конкурсанта, имя которого Вол не считал нужным слушать и, тем более, запоминать. Растирая уставшие веки, Вол молил бога о скором окончании дня, чтобы он смог тайком найти бутылку и напиться. На сцене тощий юноша, прикрыв глаза, положил скрипку на плечо, и едва его подбородок коснулся упора, его смычок заскользил по струнам. Не случилось такого, когда музыка явила силу гения, чтобы слушатели перестали видеть тщедушность тела, преклоняясь перед всепобеждающей мощью таланта, не получилось так, чтобы мелодия заставила позабыть о бренном, чтобы души унесло в небеса, не было надрыва, чтобы на лбу вспухли вены. Юноша играл минорную партию с закрытыми глазами, играл чисто, как играли конкурсанты до и будут играть после. Не будучи ценителем классики, Вол откинулся в кресле и просто наблюдал за мимикой человека, которому нравится то, что он делает. Приглядевшись, Вол заметил, как по щеке скрипача поползла капелька слезы. Скрипач плачет над собственной мелодией, такое даже сухаря умилит, но Вол вместе с тем ощутил едва ли не физическую тяжесть на сердце. Вдруг юноша чихнул, и так сильно, что скрипка, зажата подбородком, вылетела, смазано издав высокую ноту. Тишина. Покашливания в зале. Опустив голову, скрипач свел брови и решительной поступью ушел за кулисы. И тогда Вол осознал, что уже которую минуту не выдыхает. Отдышавшись, он встал.

- Куда вы, Сергей Иванович? Лишь небольшой казус, - взяла его за лацкан директор филармонии. – Сейчас выступают новые конкурсанты.

- Нет, мне нужно...

- Будет Вивальди! - подняв ладонь, со значением произнесла директор.

- Мне нужно, - Вол ответил сквозь зубы, - в туалет.

Испугавшись пущей неловкости, директор прижала руки к груди. Вол протиснулся между коленками жюри и столом, который от пуза Вола отъезжал, издавая громкий скрип, спасибо прекрасной акустике. Выйдя в коридор, Вол огляделся, мысленно соображая, как попасть за кулисы. Охрана покинула зал вслед за шефом. В холле Маркел и Дана эмоционально шептались. Маркел обернулся, услышав суматоху, и вопросительно дернул подбородком, Вол отмахнулся.

За сценой Вол нашел сына.

- Я не пойму, как ты здесь? Я думал, ты сгинул где-то в коллекторах!

Завершив укладывать музыкальные принадлежности, Коля визжащей от скорости собачкой застегнул сумку и перекинул на ремне через плечо, и только после этого взглянул на Вола.

- Как видишь, не сгинул. А ты изменился. Тебе идет. Ну, не хворай, мамке привет, - Коля собрался уйти.

- Ты не можешь исчезнуть просто так, - Вол задержал за руку сына. – Мы думали, ты погиб. Почти три года прошло.

- Не больно-то ты искал меня, - нахмурился Коля. – Да и зачем?

- Мне, нам, интересно, что с тобой произошло, почему ты исчез.

- Если тебе станет легче, - Коля повернулся к отцу. - С четырнадцати лет, как начал малость кумекать, я понял, что не хочу становиться таким, как ты. Мне стало мерзко смотреть на ваши лица, вот насколько я вас ненавижу. После школы я, наконец, вырвался поступать в Москву. Поступил. Но я ехал, чтобы уехать. Цели своей, выходит, достиг. Расслабился, подобралась компания, пил, торчал, веселился, забыл про учебу. До двадцати ты ощущаешь себя бессмертным. Думаешь, еще поработаешь, целую жизнь придется вкалывать. Пока молодой, нужно набираться впечатлений! До поры выкруливаешь, но однажды набирается столько долгов, что не раскидать. Друзья, кто побогаче, получали второй шанс, а мне с другими нищерами шанса не дали. С общаги поперли. Покантовался там-сям, отовсюду мягко попросили. Возвращаться некуда. А домой? Нет уж, лучше сдохнуть. Так я оказался на улице. Занял, у кого смог, зная, что не отдам, тиснул скрипку у одного синяка, и подался куда глаза, другими словами, в Питер. И вот, спустя годы отчаяния, жизни впроголодь по коммуналкам, без личной жизни и семьи, работая по кафе и на улицах, да где придется, с пониманием, что, если сдамся, то сдохну под забором, я выжил. Полгодика пожил в баптистской реабилитации. Там много смотрел обучающих видеосов, читал. В общине нашелся скрипач, который помог улучшить навыки игры. Меня приняли в Питерскую консерваторию. Не мольбами приняли, я доказал, что достоин. И вот, я здесь. Между прочим, в Салехарде я за свои деньги. Осталось доучиться три года, и я всем дам просрать.

- Коля, ты, конечно, вправе винить на меня за многие и многие провалы. Просто, понимаешь... Это довольно сложно...

- Вот смотрю я на тебя и понимаю, а нет во мне больше обид. Ты был таким отцом, каким мог быть, и я не мог поступать иначе, имея в голове старое понимание вещей. По сути, тех нас с тобой больше нет. Я совсем другой человек, да ты, вижу, тоже. Тебя не было, когда я в тебе нуждался. Нужен ли мне отец сейчас? Нужны ли мы друг другу? Не знаю. Точнее знаю, но мораль подлая штука.

- Позволь вернуть долг. Жизнь меня закрутила, отняла имя и прошлое, но вознесла на самый верх. Представь себе, Коля, твой папа теперь олигарх. Ты даже не можешь вообразить той роскоши! Когда ты увидишь мою новую жизнь, и твою, если пожелаешь...

- Что ж, поздравляю, ты смог пасть еще ниже. Что ты на меня уставился? Я насмотрелся людей, готовых за бабки продать тело, достоинство, любимое дело. Обменивают жизнь на бабло. Самое смешное, люди спускают деньги на понты, поездки и тусовки, чтобы опять вернуться к торговле собой. Я ненавижу людей, к которым ты так счастлив примкнуть. Сколько добрых душ вы погубили, соблазнив культом достатка... Самый ценный товар в мире отнюдь не нефть или золото. Этот товар бедняки, которые мечтают разбогатеть. Блять, а ведь однажды кто-то сможет отказаться от денег и страха за свою шкуру, и он найдет других, кого не купить. Всем вам тогда пиздец. Я слушал одно выступление, говорили, что в последние годы Николая второго не могли найти человека на должность министров. Отказывались из страха покушений. Прощай, отец, нам, правда, не нужно быть вместе.

Подтянув ремень сумки, Коля прошел мимо Вола в коридор. Поразмыслив над услышанным, Вол вышел следом, но не нашел сына в холле. Когда охрана спросила, ищет ли он пацана, с которым говорил, Вол покачал головой. «По крайней мере, Кристина беременна».

Не пожелав ночевать в гостинице, Вол настоял вернуться на базу отдыха. По прилёту, как ожидалось, невыносимо уставший Вол не мог уснуть. Он вставал, курил, пил, мочился, ложился и так по кругу. Второе дыхание зачем-то решило пробудиться в полтретьего ночи и не отпускать до рассвета. Ночь, бессонница, богатый на события день не оставили шанса спокойствию, рефлексия поглотила рассудок. С первыми лучами Вол достал телефон и, закурив, набрал номер Клавдии. Едва раздался звук голоса, Вол начал:

- Я тебя не люблю, как и ты не любишь меня. Нас сколь-нибудь связывал сын. Я нашел его, он жив. Я ему не нужен. Раз он не звонил тебе, мы оба ему не нужны. Эти слова злобные, но разве я не говорю

правду? Мы с тобой обосрались как родители, теперь он взрослый, и не нуждается в родителях. Если тебе станет легче, мне дерьмово оттого, что я говорю это. Так мне сказал сын. Сученок, но сын. Он играет, чего и желал. Смог. Сможем и мы. Ты часто говоришь, что жизнь закончилась после пятидесяти. Неправда. За прошедший месяц я отдал бы добрый десяток лет. Чем были те годы? Отдал бы пятнадцать. Мы были дураками, Клав, когда однажды вообразили себя взрослыми. Мы такие же глупые юнцы, только с плохим здоровьем. Возраст не повод для уважения, по крайней мере, я на такое уважение не претендую. Я был, есть и точно останусь мудаком, но я точно попытаюсь не умереть при жизни. Нас окружают живые мертвецы, оглядись вокруг, а потом взгляни в зеркало. Ты тоже, пожалуйста, попытайся жить, но, если не станешь, не пизди, что не способна из-за возраста. Нет, ты просто легла в гроб с едой и телевизором и ждёшь, когда приберет господь, потому что лишиться себя жизни своей рукой тебе не хватит воли. Ты жива, Клава, жива! Сделай, что хочешь, узнай, что хотела узнать, познай бунт, да заори ты с балкона, я знаю ты хочешь. Ведь день смерти, он настанет, тогда вся эта глупость, на которую мы тратим время, станет не важна.

С той стороны провода повисло молчание, затем:

- Да кто ты такой, чтобы мне это говорить? – с эмоцией оскорблённой женщины.

Вол отнял трубку от уха, посмотрел, как отсчитывались секунды вызова, и нажал кнопку разъединения. Он испытал удовлетворение от завершённого дела. Никаких других эмоций. Он вернулся в постель, уверенный, что заснет. Увы, утомленный более, чем когда лег, с уставшими боками и мыслями, которые появлялись, но больше отказывались клеиться одна к другой, и с ощущением будто у картинки снизили резкость, а у звуков четкость, Вол поднялся и заказал кофе в номер. Набрал Кристине. Не ответила. Решил позвонить Игорю, банщик взял трубку.

- Как там Кристина? Звонил ей, не берет.

- Спит, выпила успокоительное. Переволновалась днем, когда смотрела прямой эфир. Завидую. Меня молодые девки больше не любят.

- Ребенок в безопасности?

- Она беременна? Вот те на... Когда успел... - Игорь помолчал. - В любом случае, я рад за тебя. Не бойся, вон здоровая какая, справится. Ты-то сам как?

Вол вкратце пересказал самые тревожные моменты церемонии, о посещении филармонии он умолчал. Не забыл Вол рассказать и про несостоявшийся разговор с Путиным.

- Есть вещи, которые не хочется узнавать. Вдруг он тоже человек. Такой же, как и я. А мне известно, какой я человек.

- Лучше бы спросил, что будет после его ухода.

- Я не президент, но ответить могу, - Вол закурил. - Ничего не изменится. Даже если новый начнет реформировать. Новый президент, я имею в виду совсем-совсем нового, это камень, брошенный в пруд. На волнах одни поднимутся, другие утонут, но в конце концов вода успокоится, и система вернется к прежнему. Внутренние течения не меняются. Уж точно не заменой портрета в кабинете.

- Течения бабла. С большой буквы «Б»! – рассмеялся Игорь.

- Слушай, раз уж позвонил. Я много думал о том, как ты очутился на службе у Свечкина. Этот месяц ты был мне единственным другом. Даже огреб вместо меня. В общем, планировал обрадовать по приеду, но скажу сейчас. Хочу тебя отпустить.

- Я благодарен за твой порыв, но я не могу уйти, - ответил Игорь, - как и не в твоей власти меня отпускать. Мы заложники, наши души лежат в кармане у Маркела и Даны. Да и зачем уходить? Кто мы вне стен особняка? Знаешь, я бывает вспоминаю свою учебу в кадетке, там я часто думал: за забором самая распрекрасная жизнь! Свобода! Только и делал, что перебирал, чем займусь, окажись я сейчас на свободе. Я был уверен: едва покину неволю, то попаду в райскую жизнь. Думаешь, я воплотил мечты, когда вышел? Ничего я не сделал, - Игорь помолчал. - Теперь я здесь. Я принял роль, прими и ты.

- Говоришь, как побитый пес.

- А что ты без Маркела и Даны?

- Разве я не доказал, что способен поступать самостоятельно?

- Не оттого ли ты поступал, что помощники позволяли? Ты двойник и останешься им, покуда помнишь о людях, которым про это известно. Ты не субъект, Валя.

- Пройдут года, и я стану лучше. Подчиню их либо прогоню!

- Пройдут года, станут лучше и они.

После завтрака Вол в компании помощников пошел к посадочной площадке, где вертолет начал раскручивать винты. Весь путь шли молча, укутавшись пледы.

- Что теперь? – спросил Маркел, когда пришли на площадку.

- Нужно расслабить нервы, потом возьмусь за обучение бизнесу. Чтобы не только изображать из олигарха, а стать им взаправду.

- Даже представить не могу, как можно вот так запросто отказаться от прежней жизни? Неужели, даже немного не тянет вернуться?

- Валька Вол заснул пьяный и не проснулся, теперь я Свечкин.

Маркел почтительно кивнул. Тем временем, вертолет приготовился взлетать, второй пилот подбежал и позвал подниматься на борт.

- Куда он летит? – крикнул Вол.

- В аэропорт! - ответил Маркел. – Куда потом, вам решать, Сергей Иванович!

Вол улыбнулся и похлопал Маркела по плечу. Направляясь к трапу, он почувствовал вибрацию в кармане. На экране телефона высветилось «Кристина». Вол принял вызов, рокот вертолетных винтов не позволял слышать ее голоса. Вол прокричал в трубку:

- Не слышно! Не могу говорить! Лечу домой! Позвоню из аэропорта!

Сбросив вызов, Вол оглянулся на помощников, втянувших шеи в пледы. Помахав им напоследок, Вол взобрался на борт, и пилот закрыл за ним люк.

- Надо подобрать квартирку в Лондоне, - прокричал Дане в ухо Маркел, краем пледа защищая обоих от вихря поднимавшегося вертолета.

- Лондон? Ей не нравится в Лондоне.

- Тогда виллу на Бали.

- Бали, - поправила Дана.

- А я как сказал? - Маркел дождался, когда вертолет набрал достаточную высоту, чтобы не надрывать горло. - Помедитирует, покатается на доске, поест фрукты на тарелке из водорослей, запивая матчей. Сможет потом трепаться, что выносила ребенка, живя осознанной жизнью.

Дана, забралась под плед Маркела. Вместе они наблюдали за удалявшимся вертолетом.

- Написала пресс-релиз?

- Еще ночью. Пилотов жалко.

- Жалко у пчелки, - улыбнулся Маркел и, приободряя, потерся кончиком носа о нос Даны, - в попку.

- Фу, - Дана шлепнула его по груди, - какая пошлость!